

Политико-правовые
трансформации экономики
в концепции кубинского
социализма

Перспективы развития
российского
законодательства в сфере
охраны прав граждан при
обработке генетической
информации
(частноправовой
взгляд)

Реализация процессного
подхода к качеству
квалифицированной
юридической помощи
в условиях цифровизации

Неприкосновенность
частной жизни в условиях
использования систем
искусственного
интеллекта для удаленной
биометрической
идентификации личности

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эрasmus, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 75
№ 2 (183)
февраль 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 24.02.2022
Объем 18,82 усл. печ. л. (15,23 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редактор

М. В. Баукина, Е. В. Осикина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector on Scientific Work of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Full Professor of Business Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 2 (183)
February 2022

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

24.02.2022
Volume: 18,82 conventional printer's sheets (15,23 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editor

M. V. Baukina, E. V. Osikina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Каграманов А. К.** Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение 9
- Кондукторов А. С.** Замещение доллара США рублем РФ при оплате российского экспорта: финансово-правовой механизм реализации и последствия для денежно-кредитной политики 24

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Демчук С. Д.** Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия 34
- Трапаидзе К. З.** Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения 46
- Шаманский Д. А.** *Primum mobile* коррупционера: понятие, особенности развития и предупредительной деятельности 56

ИСТОРИЯ ПРАВА / *HISTORIA LEX*

- Сергеев А. Л.** Политико-правовые трансформации экономики в концепции кубинского социализма 64

ГЕНОМ / *GENOME*

- Богданов Д. Е.** Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект 77
- Болтанова Е. С., Имекова М. П.** Перспективы развития российского законодательства в сфере охраны прав граждан при обработке генетической информации (частноправовой взгляд) 90
- Кручинина Н. В.** Криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств. 101

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Гаврилов С. Н.** Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации. 108
- Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С.** Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности 121
- Липень С. В.** Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права 132
- Цурлуй О. Ю.** Судебное разбирательство по уголовным делам и цифровые технологии: совместить нельзя разделить 148

ЮБИЛЕЙ / *LIBER AMICORUM*

- Кузнецов А. П.** Профессор С. М. Кочои — популяризатор уголовно-правовой науки (к 60-летию со дня рождения) 159

CONTENTS

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Kagramanov A. K.** Ethno-Regional Independence and Autonomy as Ways to Exercise the Right to Self-Determination 9
- Konduktorov A. S.** Replacing the US Dollar with the Russian Ruble in Payments for Russian Exports: A Financial and Legal Mechanism for Implementation and Implications for the Monetary Policy 24

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Demchuk S. D.** Criminal Law Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) and their Correlation with the Signs other Forms of Complicity 34
- Trapaidze K. Z.** The Age of Criminal Responsibility: Controversial Issues of Legislation and Practice 46
- Shamanskiy D. A.** Primum Mobile of a Corrupt Official: the Concept, Features of Development and Preventive Activities 56

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

- Sergeev A. L.** Political and Legal Transformations of the Economy in the Concept of Cuban Socialism 64

GENOME / GENOME

- Bogdanov D. E.** Patentability of Solutions in the Field of Bioprint Technologies: A Comparative Law Aspect 77
- Boltanova E. S., Imekova M. P.** Russian Legislation Development Prospects in the Field of Protection of Citizens' Rights in Processing of Genetic Information (Private Law Outlook) 90
- Kruchinina N. V.** Criminalistic Implementation of Counteraction to the Use of Biotechnologies in the event of Commission of Criminal Offences 101

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Gavrilov S. N.** Implementation of a Process Approach to the Quality of Expert Legal Assistance in the face of Digitalization 108
- Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Lebedev V. A., Zenin S. S.** Privacy in the realm of Artificial Intelligence Systems Application for Remote Biometric Identification 121
- Lipen S. V.** Transformation of the Theory of Systematization of Legislation in the Era of Digitalization of Law 132
- Tsurluy O. Yu.** Criminal Proceedings and Digital Technologies: Combine or Separate 148

ANNIVERSARIES / LIBER AMICORUM

- Kuznetsov A. P.** Professor S. M. Kochoi as a Criminal Law Science Communicator (To the 60th Anniversary) 159

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023

А. К. Каграманов*

Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение

Аннотация. В работе предпринята попытка продемонстрировать (на основе международно-правового и внутригосударственного опыта), что именно федеративное устройство способствует успешному решению национального вопроса, сближению многочисленных этносов на основе полного учета их исторических, социально-экономических, культурно-языковых и духовно-религиозных особенностей. На основе изучения практического опыта деятельности управленческих структур федеративных государств, анализа научных трудов отечественных и зарубежных авторов, ряда докладов Венецианской комиссии делается вывод: не существует единой модели федерализма; в каждой стране он обладает своими особенностями с учетом исторического и современного этапов развития. В этой связи не может быть и некоего единого, унифицированного подхода к решению вопросов самоопределения народов субъектов федерации. Особое внимание автором уделено размышлениям академика О. Е. Кутафина, посвященным проблемам федерализма и российской государственности.

В статье обосновывается положение о необходимости в условиях асимметричности федеративного устройства России уделять большое внимание пропорциональному развитию регионов при безусловном сохранении единства и целостности страны. По мнению автора, суть современной корректной трактовки права на самоопределение в том и состоит, чтобы каждое территориальное сообщество создавало такую модель развития экономической и социально-культурной жизни, такую систему управления, которые, соответствуя демократически выраженной воле большинства населения соответствующей территории, отвечали бы его потребностям и нуждам, гарантировали индивидуальные права человека и не противоречили общим интересам государства. Только такой подход способен обеспечить реализацию интересов этнических, религиозных и иных групп, претендующих на самоопределение в рамках материнского государства.

Раскрываются основные факторы осуществления права на самоопределение в зависимости от численности соответствующих этносов, компактности их расположения, уровня социально-экономического и культурного развития, национальной самоидентификации и духовности. При этом, исходя из принципа государственного суверенитета, являющегося незыблемой основой современного международного права, урегулирование проблем внутреннего устройства, предоставление территориальным единицам автономного статуса являются прерогативой государств.

Ключевые слова: федеративное устройство; народ; нация; коренные и малочисленные народы; этнос; самоопределение народов; автономия; национальная самоидентификация.

Для цитирования: Каграманов А. К. Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 9–23. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023.

© Каграманов А. К., 2022

* Каграманов Азер Каграман оглы, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
gg.azaro@gmail.com

Ethno-Regional Independence and Autonomy as Ways to Exercise the Right to Self-Determination

Azer K. Kagramanov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Practical Jurisprudence, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
gg.azaro@gmail.com

Abstract. The paper attempts to demonstrate (on the basis of international and national experience) that it is the federal structure that contributes to the successful resolution of the ethnical issue, the convergence of numerous ethnic groups on the basis of comprehensive understanding of their historical, socio-economic, cultural-linguistic and spiritual-religious features. Based on the study of best practices of institutional and management structures' activities of federal states, the analysis of scientific works of domestic and foreign authors, a number of reports of the Venice Commission, the author concludes that there is no single model of federalism; each state has its own characteristics due to peculiarities of historical and modern stages of development. In this regard, there can be no single, unified approach to resolving issues of self-determination of the peoples of constituent entities of the federation.

The author pays special attention to Prof. Oleg E. Kyraфafin ideas devoted to the problems of federalism and the Russian statehood.

The paper substantiates the statement concerning the need, in the conditions of the asymmetry of the federal structure of Russia, to pay attention to the proportional development of the regions while unconditionally maintaining the unity and integrity of the country. According to the author, the essence of the modern correct interpretation of the right to self-determination lies in the fact that each territorial community creates such a model for the development of its economic and socio-cultural life, such a management system that would comply with the democratically expressed will of the majority of the population, would meet its needs, guarantee individual human rights and would not contradict the general interests of the state. This is the only approach that can ensure implementation of the interests of ethnic, religious and other groups claiming self-determination within the mother state.

The main factors of exercising the right to self-determination are described depending on the number of relevant ethnic groups, the compactness of their location, the level of socio-economic and cultural development, national self-identification and spirituality. At the same time, based on the principle of the state sovereignty that constitutes the foundation of modern international law, it is the prerogative of a State to resolve problems of the internal structure, to grant autonomous status to territorial units

Keywords: federal structure; people; nation; indigenous and small-numbered peoples; ethnos; self-determination of peoples; autonomy; national identity.

Cite as: Kagramanov AK. Etnoregionalnaya samostoyatel'nost' i avtonomiya kak sposoby osushchestvleniya prava na samoopredelenie [Ethno-Regional Independence and Autonomy as Ways to Exercise the Right to Self-Determination]. *Lex russica*. 2022;75(2):9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023. (In Russ., abstract in Eng.).

Правовое и основанное на принципах справедливости государство, в котором проживают представители различных национальностей, религий, языковых групп, территориальных единиц с ассиметричным правовым статусом, требует очень тщательного правового регулирования, в особенности если субъекты приведенных правоотношений исходят из реализации своего права на самоопределение. Для ответа на обозначенные вопросы представляется целесообразным обратиться к международному праву, конституциям некоторых государств и существующему практическому опыту.

Вопрос об автономном развитии народов, а не об их отделении от существующих госу-

дарств, полностью соответствует современному миропорядку. Главным условием этого является наличие демократических институтов в государстве и механизм защиты прав меньшинств, а также предоставление территориального статуса соответствующему этносу, исторически или компактно проживающему в этом регионе. Поэтому упор делается на то, чтобы гарантировать достоинство человека и удовлетворить его стремление к свободе внутри существующего государства.

Опыт СССР продемонстрировал в свое время альтернативность путей самоопределения народов — от федерации на основе создания добровольного союза самостоятельными госу-

дарствами до разнообразных видов территориальной автономии. Оправдавший себя институт автономий использовался в союзных республиках — РСФСР, Азербайджане, Грузии, Узбекистане и Таджикистане. Подобная практика существовала также в Югославии и Чехословакии (до их распада) и сохраняется (в части автономных образований) в Китае и Вьетнаме. Формы реализации права на самоопределение зависят от численности этноса, уровня и особенностей его социально-экономического и культурного развития, национальной самоидентификации, духовности. Далеко не последнюю роль играют компактность проживания, наличие материально-технических и социально-культурных факторов активно функционирующей диаспоры. Территориальная автономия призвана выражать специфику интересов этносов. Являясь неотъемлемым элементом структуры государства, она не может противоречить его единству, претендовать на статус в полной мере самостоятельного образования.

Многие страны ищут различные способы учета интереса этносов, смягчения межнациональных противоречий, проводят в этих условиях политику этнокультурного многообразия, мультикультурализма в рамках сложившихся форм территориальной организации. Вместе с тем следует отметить, что нет единого подхода и модели в реализации этнорегиональной формулы для всех государств. В связи со сложностью государственного устройства, политического режима, формы правления, с этническим, культурным, религиозным многообразием различных государств представляется сложным, а порой и невозможным выработать единую модель поведения для всех стран.

Работающие над проблемой права на самоопределение исследователи часто считают, что его реализация принадлежит основным субъектам этого права, а именно народам. Такое понимание в немалой степени основано на об-

щей направленности международно-правовых документов. Так, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации исходит из разделения двух форм права на самоопределение — «внутреннего», согласно которому «все народы имеют право беспрепятственно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие без вмешательства извне», и «внешнего», предполагающего, что «все народы имеют право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации»¹.

Надо полагать, подобный принцип применяется и к национальным меньшинствам. Например, Канадская хартия прав и свобод (Конституция страны) в ст. 27, провозглашая цель «сохранения и приумножения многокультурного наследия канадцев»², определяет в том числе гарантии прав коренного индейского населения. Конституция Гватемалы в ст. 58 устанавливает «право личности и общин на культурную стабильность», а касательно индейских общин призывает уважать «стиль жизни, обычаи, традиции, социально-организационные формы, ношение индейских костюмов женщинами и мужчинами, языки и диалекты»³.

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. речь идет как о народах, так и меньшинствах⁴. Комитет ООН по правам человека в замечании общего порядка⁵ определил разделение между правом народов на самоопределение и правами лиц, принадлежащих к меньшинствам, установив, что самоопределение не относится к числу прав, закрепленных в Факультативном протоколе. Что касается этнических, религиозных и языковых меньшинств, то им, в соответствии со ст. 27 Пакта, «не может быть отказано в праве совместно

¹ Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48). Доклад комитета по ликвидации расовой дискриминации. 1996. Официальные отчеты ГА ООН. 51-я сессия. Дополнение № 18 (A/81/18). С. 123–124, параграф 9.

² См.: Хогг П. В. Конституционное право Канады. 4-е изд., с дополнением к конституционному закону Канады. Скарборо, 2002. С. 27.

³ См.: Конституция Гватемалы // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=44> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ Ст. 27 Замечания общего порядка 23 Комитета ООН по правам человека 1994 г. // URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/id/21118> (дата обращения: 15.11.2021).

с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, использовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». Речь в данном случае идет фактически об элементах национально-культурной (но не территориальной) автономии.

В. А. Карташкин, в течение длительного времени входивший в экспертную группу по меньшинствам Подкомиссии ООН по правам человека, свидетельствует, что большинство государств поддерживали точку зрения, согласно которой «национальные или этнические, религиозные и языковые меньшинства не имеют права на самоопределение и создание самостоятельных образований без согласия государств, на территории которых они проживают»⁶. В Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г. было установлено, что ничто в Декларации «не может быть истолковано как допускающее какую бы то ни было деятельность, противоречащую целям и принципам Организации Объединенных Наций, включая принципы уважения суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств»⁷. А в комментарии к Декларации подчеркивается, что «права меньшинств не могут служить обоснованием требований об отделении от государства или его расчленении»⁸. Аналогичная трактовка содержится также в общей рекомендации № XXI (48) Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, где определено, что «международное право не признает права народов на отделение от того или иного государства»⁹.

Вместе с тем в другом Комментарии к упомянутой Декларации ООН особо отмечается, что лица, компактно проживающие на какой-либо части территории соответствующего государства, в отличие от лиц, проживающих некомпактно, могут рассчитывать на осуществление прав, касающихся использования языка и наименования улиц и мест, а также в некоторых случаях — на автономию в определенных масштабах¹⁰. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. особое место принадлежит идее создания странами «надлежащих местных или автономных органов управления», затрагивающих интересы различных этносоциальных групп и отвечающих их историческим и территориальным условиям проживания¹¹.

«Если какие-нибудь этносы живут даже компактно на территории, которая исторически принадлежат другой нации (народу), вряд ли можно ставить вопрос о сецессии», — приходит к обобщающему выводу А. В. Маргиев¹². По мнению В. Е. Чиркина, все этносоциальные группы, проживающие на территории России, имеют право на самоопределение, но только в составе Федерации. «Предлог “в”, — трактует ст. 5 Конституции России ученый, — в данном тексте имеет особое значение, он устанавливает, что этносы в России могут выбирать любые формы самоопределения, изменять их, но это должно осуществляться в пределах Федерации, не нарушая ее целостности»¹³.

Не было единства в подходе к этнотерриториальному устройству у российских ученых в конце XIX — начале XX в. Нет его и сейчас. С одной стороны, критикуется «этнизация»

⁶ *Карташкин В. А.* Права человека и принципы международного права в XXI веке. М., 2019. С. 69.

⁷ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Резолюция ГА ООН 47/135 от 18.12.1992.

⁸ Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст комментария к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым и религиозным меньшинствам. Документ ООН E/CN.4/Sub.2/AC.5/2001/2. С. 29, параграф 84.

⁹ Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48). С. 124, параграф 11.

¹⁰ Комментарий Рабочей группы по меньшинствам к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 22.03.2005 E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2 // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/2> (дата обращения: 25.05.2021).

¹¹ Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген, 1990. URL: <https://www.osce.org/ru/odhr/elections/14304> (дата обращения: 25.05.2021).

¹² *Маргиев А. В.* О праве выхода республик из состава Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. С. 133.

¹³ *Чиркин В. Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998. С. 318.

и раздаются голоса об упразднении «национального» элемента в федеративной структуре России¹⁴ (вплоть до сравнения «этнического федерализма» чуть ли не с «эпохой родоплеменных отношений»)¹⁵, а с другой — в институтах этнической федерации видят «скорее положительный потенциал, чем отрицательный», и средство, помогающее избегать конфликтов¹⁶. Хотелось бы всячески поддержать подход, согласно которому попытки растворения этнических меньшинств среди более многочисленных этнических общностей или их «размазывание» по территориям нескольких регионов могут привести к углублению существующих расколов в обществе¹⁷.

Принципиально важное значение для понимания сути автономии в качестве одной из форм самоопределения имеет позиция, высказанная академиком О. Е. Кутафиным. Ученый видел в этом институте выход из положения, сохраняющий единство России и предоставляющий субъектам «возможность подлинного самоуправления, обеспечивающего наиболее полный учет региональных интересов, включая национально-региональные»¹⁸.

По определению В. Е. Чиркина, «территориальное автономное образование представляет собой часть территории государства, которая в соответствии с конституцией и законами государства наделена правом автономного самоуправления»¹⁹. И. А. Алебастрова исходит из того, что «национально-территориальная автономия является формой территориального самоопределения этнических общностей, что

естественным образом предполагает установление правового статуса соответствующей территории»²⁰. В иностранной доктрине территориальную автономию принято определять как «степень независимости, которой пользуется какая-либо единица в составе суверенного государства, как способ территориальной организации»²¹, при котором «территориальная единица государства наделена правами самоуправления в определенных сферах путем издания законов и постановлений, не образуя при этом самостоятельного государства»²². В учебной литературе можно встретить трактовку территориальной автономии как самостоятельности самоуправляющихся территориальных единиц в рамках конституции и/или закона. При этом выделяются две ее формы: государственная (законодательная) и местная (администрация). Территориальным единицам со значительной долей инонациональностей населения (или с особенностями быта) предоставляется особый статус национально-территориальной автономии²³.

Наиболее обстоятельно в научных трудах разработаны конституционно-правовые аспекты института автономии. И хотя мировое сообщество не вправе навязывать государствам какие-либо решения по соответствующим вопросам, есть немало свидетельств вторжения международного права в эту, казалось бы, сугубо внутреннюю сферу деятельности государства, ее фактически исключительную компетенцию. На основе изучения документов ООН и ОБСЕ по вопросам автономии и прав

¹⁴ См.: Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М., 2004. С. 280; Добрынин Н. М. Российский федерализм. Становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск, 2005. С. 28.

¹⁵ См.: Глигич-Золотарева М. В. Правовые основы федерализма. М., 2006. С. 109.

¹⁶ См.: Фарукшин М. Х. Институциональные основы этнических федераций // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 114; Дробижева Л. М. Изменения социального ресурса российского федерализма в середине первого десятилетия XXI века // Россия реформирующаяся. 2005. № 5. С. 257.

¹⁷ Савицкий П. И., Мочалов А. Н. Два подхода к территориальной организации полиэтничного государства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6.

¹⁸ Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 4.

¹⁹ Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М., 2011. С. 256.

²⁰ См.: Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex russica. 2017. № 1. С. 39.

²¹ Hannum H. *Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia. 1996. P. 8.

²² Benediktez T. *The Worlds Modern Autonomy Systems. Concepts and Experiences of Regional Territorial Autonomy*. Bozen/Bolzano. 2009. P. 28.

²³ См.: Конституционное государственное право зарубежных стран : учебник для бакалавров / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2019. С. 172–173.

меньшинств, актов Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Конгресса местных и региональных властей в Европе и Венецианской комиссии А. Н. Мочалов приходит к выводу о «сформировавшихся международных стандартах территориальной автономии, включающих определенные принципы и гарантии, связанные с реализацией национальными меньшинствами права на автономию»²⁴.

Международные стандарты территориальной автономии рассматриваются ученым (вслед за некоторыми другими авторами²⁵) как часть более общего процесса интернационализации конституционного права. Как считает ученый, «регулирование вопросов внутренней территориальной организации, как и решений о предоставлении регионам автономного статуса, по-прежнему остаются (и останутся) в сфере исключительной компетенции государств»²⁶. В противном случае, добавим от себя, реализация принципа самоопределения (в его внутреннем аспекте) вступала бы в противоречие с принципом государственного суверенитета, остающимся незыблемой основой современного международного права.

Немалой спецификой, как отмечалось, отличается история становления российского федерализма. Советское государство с первых дней существования провозгласило право народов России на самоопределение (Декларация прав народов России), чем, в частности, сразу же воспользовались Польша и Финляндия, отделившись и образовав самостоятельные государства. Федеративный характер Российской Республики был установлен Декларацией прав трудящихся и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.), получивший развитие в последующих документах — Конституции РСФСР 1918 г., Договоре об образовании Союза ССР 1922 г. и Конституции СССР 1924 г., ставшей фундаментом всех последующих конституций советского периода. Согласно плану В. И. Ленина, необходимо было устранить неравноправие по сравнению с РСФСР республик, входивших в новый союз, предоставив им одинаковые права. Не вполне корректную интерпретацию событий того времени можно встретить как в современной научной литературе, так подчас и в пуб-

личных выступлениях политиков, в том числе на самом высоком уровне. В последние годы стало своего рода модой упрекать В. И. Ленина за предоставление равных прав всем советским республикам, объединявшимся в СССР. При этом приоритет отдается принципу автономизации, предлагавшемуся И. В. Сталиным, который оставался на тот период сторонником выдвинутой им еще в 1913 г. идеи областной автономии. Именно исходя из конкретно-исторической ситуации, В. И. Ленин считал необходимым переломить складывавшуюся веками тенденцию доминирования одной нации над другими и основанного на этом национального угнетения, преследовал цель привлечь на добровольной основе к строительству основ социализма бывшие национальные окраины Российской империи, отколовшиеся от нее в ходе Первой мировой войны, Октябрьской революции и последовавшей затем гражданской войны. Будучи последовательным марксистом, В. И. Ленин исходил из желательности унитарного государства при победе социалистической революции. Однако реальная ситуация подвела к необходимости пересмотра этого, казалось бы, устоявшегося положения. Таким образом, исторический процесс естественным образом определил, что именно федерация становится наиболее рациональным путем решения национального вопроса на основе общности интересов, целей и задач различных этносов. Контрпродуктивны как тенденции, направленные на искусственное стирание национальных особенностей, так и чрезмерное акцентирование внимания на них. Процесс сближения этносов должен идти естественным путем, на основе полного учета исторических, социально-экономических, культурных и духовно-религиозных особенностей каждого государственного образования.

Россия по форме своего государственного устройства является конституционно-правовой федерацией, в которой, наряду с Основным Законом, действует Федеративный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, подписавшими этот документ (Татарстан, Башкортостан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания и

²⁴ См.: Мочалов А. Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 121–131.

²⁵ См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой. М., 2017.

²⁶ Мочалов А. Н. Указ. соч. С. 131.

некоторые другие республики). Автономия в РФ (автономная область и автономный округ) построена по национальному признаку, с учетом этнического состава и воли населения, проживающего на соответствующей территории, его численности, уровня и перспектив социально-экономического и культурного развития, других факторов. Десятки народов Российской Федерации обрели высокую степень самостоятельности, реализовав на практике свое право на самоопределение.

В процессе развития многоэтнической государственности с неизбежностью обозначаются тенденции к пробуждению национальных чувств и даже стремление к обособлению, доминированию одних этносов над другими. Серьезными факторами, препятствующими нередко успешному развитию межнациональных отношений, являются, как это хорошо видно из практики становления современной России, предпринимаемые при участии третьих стран попытки разрушения духовно-нравственных ценностей, продвижение идей национализма и сепаратизма, а также масштабный миграционный поток, вызывающий подчас вытеснение коренного населения из сферы экономической деятельности и усиление нагрузки на образовательные и медицинские учреждения, коррупционность органов власти и имущественное расслоение общества.

Вместе с тем обнажающаяся со временем острота противоречий объективно закладывает основы и для поисков взаимоприемлемых решений, внутренней консолидации этносов, их нарастающего (в конечном счете) сближения. И весьма показательно, что в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, состоявшегося 30 марта 2021 г., четко обозначилось легитимное использование концепции российской нации, призванной обеспечивать комфортное существование и равенство гражданских прав, наряду с русскими, миллионов граждан другой этнической

принадлежности в одном государстве — «Большой России»²⁷.

Автономные округа как субъекты РФ, являющиеся национальными государственными образованиями, отличаются особым этническим составом, укоренившимися традициями и бытом, отличительной чертой которых является наличие больших территорий с непропорциональным масштабам территории количеством населения, где живут несколько народностей. Нельзя недооценивать вклад регионов РФ в развитие федеральных стандартов, идущих по пути дополнения и развития прав в сфере образования и культуры в конституциях (уставах) и законах субъектов России, способствующих сохранению малочисленными этническими общностями самобытности, языка, обычаев и традиций.

Специальный правовой статус автономий призван упростить урегулирование проблем, касающихся национальных меньшинств в сфере политической, социально-экономической и культурной жизни, а также языка, образования и других специфических аспектов этнического компонента²⁸. Хотелось бы особо отметить, что академик О. Е. Кутафин считал автономию «единственно приемлемым для России выходом из положения, позволяющим сохранить единство страны и дающим регионам возможность подлинного самоуправления»²⁹.

Попытка, достаточно успешная на наш взгляд, дать развернутое определение национальным меньшинствам была предпринята в Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств³⁰. Согласно докладу, меньшинство — это «группа, занимающая не доминирующее положение, члены которой, являясь гражданами государства, имеют этнические, религиозные, или языковые особенности, отличные от особенностей остальной части населения, и проявляют, хотя бы только имплицитно, чувство солидарности, имеющее целью сохранить культуру, традиции, религию или язык»³¹. В тексте же Декларации ООН о

²⁷ См.: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 13.05.2021).

²⁸ См.: Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 174; Чертков А. Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые аспекты. М., 2009. С. 79–80.

²⁹ См.: Кутафин О. Е. Российская автономия : монография. М., 2006. С. 4.

³⁰ Экспертный орган, существовавший в 1947–2006 гг. при Комиссии ООН по правам человека. В настоящий момент Подкомиссия по поощрению и защите прав человека.

³¹ Цит. по: Власян С. Р. Субъект права на самоопределение // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 11 (302). С. 122.

правах меньшинств 1992 г. (ст. 1) меньшинство определяется как самобытная национальная и этническая, культурная, религиозная и языковая группа. На государства возлагается обязанность охранять существование таких групп с помощью специальных правовых механизмов защиты.

В последние десятилетия защита коренных народов стала одним из основных направлений деятельности международных организаций в области прав человека. Это объясняется тем, что кодификация прав человека в настоящее время имеет чрезвычайно насыщенную регламентацию, а защита уязвимых групп находится в центре внимания международных структур. Сохранение коренных народов и защита их культур во всем мире неоспоримы и возможны лишь в том случае, если заинтересованные государства и международное сообщество предпримут совместные усилия в этом направлении.

Современное международное право не признает за меньшинствами бесспорного права на самоуправление или автономию. В связи с дискуссионностью указанного вопроса Венецианская комиссия подчеркнула, что «международное право не может в принципе навязывать государствам какое-либо территориальное решение проблемы меньшинств, а от государств в принципе не требуется предоставлять меньшинствам какую-либо форму децентрализации»³². Однако некоторые ученые полагают, что национальные меньшинства имеют право в отдельных исключительных случаях осуществлять сецессию от материнского государства — например, при грубых нарушениях прав человека. В этой связи допускается и предоставление меньшинствам права на самоопределение³³.

В конвенции СЕ о защите национальных меньшинств определено: «Ничто в настоящей рамочной Конвенции не может быть истолковано как подразумевающее любое право

заниматься любой деятельностью или совершать любые действия, которые противоречат основополагающим принципам международного права, в частности принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств»³⁴. Особый интерес представляет комментарий СЕ к конвенции, где в самом общем смысле сформулировано положение, согласно которому «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, являются меньшинством в рамках всего государства, но составляют большинство в пределах определенного региона этого государства»³⁵.

Определенное развитие получила точка зрения, согласно которой часто национальные меньшинства, проживающие в конкретном регионе, пытаются проводить политику приоритета этого региона, пытаясь выдворить из него иные этносоциальные группы. И, думается, прав был Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали, заявив: «Если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут еще более труднодостижимой целью»³⁶.

П. И. Савицкий и А. Н. Мочалов исходят из того, что «этнотерриториальная фрагментация государства во многих случаях диктует необходимость не “растворения” этнических групп среди других политических общностей (это может восприниматься национальными меньшинствами как угроза существованию), а, наоборот, их территориальной аккомодации»³⁷. Как представляется, выбор на демократической основе такого рода форм определяется конкретно-историческими условиями каждой страны, разного рода факторами, с максимальным учетом которых и осуществляется организация территории, преследующая в качестве главных целей экономическое и социально-культурное раз-

³² Council of Europe. Venice Commission. Opinion on the interpretation of Article 11 of the Draft Protocol to the European Convention on Human Rights appended to Recommendation 1201 of the Parliamentary Assembly, 1–2 March 1996. Annual Report of Venice Commission (1996). P. 93–99.

³³ См.: *Абашидзе А. Х.* Защита меньшинств по международному праву и внутригосударственному праву. М., 1996. С. 196.

³⁴ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. 1 декабря 1995 г. Council of Europe Document H (95) 10 (Russian translation). Ст. 21.

³⁵ Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report. Council of Europe Document H (95) 10. P. 24.

³⁶ См.: Повестка дня для мира / ООН. Нью-Йорк, 1992. С. 10.

³⁷ Повестка дня для мира. С. 51.

витие, повышение качества жизни населения при максимальном учете языковых, духовных и других элементов, присущих идентичности проживающих на соответствующей территории этносов.

В официальном комментарии к Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, четко зафиксировано положение, согласно которому «права меньшинств не могут служить обоснованием требований об отделении от государства или его расчленении»³⁸. И если это положение, на наш взгляд, вполне логично и является как бы развитием упоминавшейся выше ст. 27, касающейся прав индивидов и подпадающей под действие Факультативного протокола к Пактам о правах человека, то общая рекомендация № XXI (48) Комитета по ликвидации расовой дискриминации — «международное право не признает права народов на одностороннее отделение от того или иного государства»³⁹ — вряд ли может быть признана бесспорной. Этим положением (подчеркнем, что речь идет о «народах», а не о «меньшинствах»), по сути, выхолащивается смысл ст. I Пактов о правах человека.

В качестве относительно новой формы самоопределения в отечественной литературе рассматривается национально-культурная автономия — общественное объединение граждан, относящих себя к определенным этническим общностям с целью самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и культуры. «Национальным меньшинствам, проживающим в государстве дисперсно или небольшими группами, законом может быть предоставлена национально-культурная автономия», — отмечал О. Е. Кутафин⁴⁰. Ученый выделял следующие основные принципы функционирования национально-культурной автономии:

- 1) свободное волеизъявление граждан, относящих себя к той или иной этнической общности;
- 2) добровольная самоорганизация и самоуправление;

3) сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой;

4) уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей и др.

Национально-культурная автономия позволяет многочисленным, дисперсно расселенным народам (коренным народам и народностям, национальным, религиозным, языковым и культурным меньшинствам) решать задачу сохранения и развития своей самобытности и традиций, не нанося ущерба территориальной целостности соответствующих государств. Естественно поэтому, что многие полиэтнические государства идут по пути установления национально-культурной автономии. Именно она выступает особой формой этнической самоорганизации, призванной обеспечивать реализацию интересов и в конечном счете развитие разрозненно живущих групп лиц, осознающих вместе с тем свою принадлежность к одному народу.

Разумеется, экстерриториальная форма самоорганизации не означает полного отрыва от территории (государственных или административных границ), однако территория не имеет решающего значения (в отличие от территориальной автономии). Как справедливо отмечается в литературе, «экстерриториальный характер национально-культурной автономии позволяет сочетать единство государства с укреплением единства этноса, его самовыражением... национально-культурная автономия создает возможности для тесной взаимосвязи индивидуальных прав человека и прав этноса, по каким-либо причинам не имеющего условий для создания территориальных форм национальной автономии... Это форма соединения прав этноса с индивидуальными правами составляющих его лиц»⁴¹.

Наряду с приведенными выше, в научной литературе можно встретить понимание национально-культурной автономии либо как общего принципа (когда группы коллективно осуществляют права как единый этнос), либо как особой формы организации на этнической основе; по мнению А. Г. Осипова, они «не всегда четко

³⁸ Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека. Заключительный текст к Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Документ ООН. E/CN.4/Sub.2/AC.5/2001/2. С. 29, параграф 84.

³⁹ Общая рекомендация Комитета по ликвидации расовой дискриминации № XXI (48). С. 124, параграф 11.

⁴⁰ Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 703–753.

⁴¹ Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 242.

артикулируются, в основном не противоречат друг другу и нередко пересекаются»⁴². Иногда, наряду с общепринятым понятием «национально-культурная автономия», используются сходные термины «культурная автономия», «персональная (национально-персональная) автономия», «экстерриториальная автономия»⁴³. Е. М. Кожокин, сильно, на наш взгляд, сужая содержание понятия персональной автономии, трактует таковую лишь как право лица на выбор индивидуальной языково-культурной стратегии⁴⁴. В понятии «экстерриториальная автономия» слово «экстерриториальная» А. Г. Осипов считает «излишне сильным» и предпочитает использовать термин «нетерриториальная»⁴⁵.

Идеи национально-культурной автономии нашли применение в проектах урегулирования ряда конфликтов, в том числе на пространстве бывшей Югославии, используются в интересах нацменьшинств в законодательстве Латвии, Венгрии, Хорватии, Словении и других стран. Ссылки на рассматриваемую форму автономии содержатся в документах ОБСЕ, Консультативного комитета Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и ряда других международных структур⁴⁶.

А. Н. Мочалов исходит из того, что для многих современных государств характерна «этно-территориальная фрагментация». На примере конституционно-правового урегулирования территориальной организации стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) показывается возможность использования различных способов и форм территориальной аккомодации этнических групп, обусловленных, по мнению автора, главным образом степенью их политических притязаний в отношении территории своего «концентрированного проживания». На базе изучения впечатляющего массива зарубежной литературы автор делает ряд важных обобщений, акцентируя внимание, в частности, на выборе способа организации

государственной территории — «институционального дизайна и соответствующей ему конституционно-правовой формы». Обстоятельно рассмотрены три основных способа:

1. Этнический (а также лингвистический и этнолингвистический) федерализм предполагает разграничение государственных функций и компетенции между федеральным центром и субъектами федерации, а также участие субъектов федерации в осуществлении федеральной власти.

2. Территориальная автономия (административная и политическая) учреждается в большинстве случаев в местности проживания национального меньшинства и имеет целью защиту его языковых и культурных особенностей.

3. Специализированные территории (земли) для проживания этнических меньшинств. В отличие от предыдущих двух, эта форма не рассматривается в качестве универсальной территориальной единицы. Самоуправлением наделяется этническая группа, чаще всего коренной народ, сохранивший родоплеменной уклад и тем самым обособляющий себя от остального населения страны.

Некоторые авторы объявляют национальный вопрос «неразрешимым», представляют национализм чуть ли не неким «всесильным вирусом», с неизбежностью поражающим многоэтнические страны. Подчас утверждается, что народы вступили в «век национализма», центробежные силы которого с необходимостью приведут в конечном счете к ослаблению и распаду многонациональных образований. Автор далек от того, чтобы с позиций космополитизма утверждать, будто роль нации в историческом процессе уже исчерпана. Однако, как бы ни был важен национальный вектор развития любого общества, он не должен рассматриваться в отрыве от социально-экономических факторов.

Как показывает международный опыт, выбор способа аккомодации и статус территориальной единицы представляют собой согласо-

⁴² См.: Осипов А. Национально-культурная автономия: идея и реализация // Осипов А., Никифоров И. Национально-культурная автономия / сост. В. М. Полещук. 2008. С. 12.

⁴³ См.: Львова Э. Л., Нам И. В., Наумова Н. И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Политические исследования. 1993. № 2. С. 129–135.

⁴⁴ См.: Кожокин Е. М. Права меньшинств в постсоветском пространстве // Будет ли Европа существовать без России? М., 1995. С. 50.

⁴⁵ См.: Осипов А. Указ. соч. С. 9–10.

⁴⁶ См.: ACFC/25DOC (2006)02. Консультативный комитет Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800bc5fe> (дата обращения: 08.06.2021).

вание волю и интересов центральных властей и лидеров этносоциальных групп на основе договоренностей, с помощью которых споры между конфликтующими сторонами могут решаться исключительно политическими средствами и без применения насилия. Представляется, что задача, стоящая перед властями в многосоставных и «разделенных обществах»⁴⁷, заключается в том, чтобы создавать и развивать структуры, регулирующие три ключевые области:

- 1) *государственное устройство*. Основной выбор, как известно, делается между унитарной и федеративными формами. В рамках этих двух основных категорий существуют значительные различия, а также ряд гибридных форм. Наиболее важный момент, на наш взгляд, заключается в определении системы власти, различных уровней принятия ключевых решений, объема компетенции и функций. Это касается структурной и функциональной симметрии политико-территориальной организации государства в целом. Примером может служить ситуация, когда территориальные единицы состоят в большинстве своем из представителей национальных меньшинств. В таком случае центральные власти могут предоставить субъекту дополнительные полномочия для реализации вопросов, связанных с потребностями меньшинства;
- 2) *институты государственного управления*. Принципиальный вопрос в этой связи касается ветвей власти, объема полномочий, функций, системы сдержек и противовесов. Немаловажную роль играет форма государственного правления, уровень взаимодействия и иерархии между ними, хотя

формально-юридически они должны быть независимыми и равными. Отдельное внимание должно быть уделено возможности обеспечить реализацию активных и пассивных прав гражданина для воздействия на политические процессы, происходящие в обществе. В многосоставных государствах должен быть принципиальный подход к составу правоохранительных органов в центре и на местах, порядку назначений судебного корпуса и прокурорского состава. Кроме того, во избежание возникновения противоречий между центром и территориальными единицами важны справедливое распределение экономических потоков различным регионам, налоговая, социальная политика и образование;

- 3) *взаимоотношения между гражданами, различными группами и государством*. Основной подход в этой области предполагает признание, уважение и защиту государством всех без исключения групп населения. Очень важными моментами в этой связи являются вопросы политико-правовой концепции единства и целостности страны, а также возможность представителей всех этносоциальных групп управлять государством.

Как полагает А. Н. Мочалов, «гонституционный опыт стран БРИКС свидетельствует, что территориальная аккомодация этнических групп (с использованием различных способов) является, во-первых, общей тенденцией, независимо от географического положения и культурно-исторического потенциала государства; во-вторых, вопреки часто выражаемым опасениям, не всегда способствует углублению

⁴⁷ Проблемы «разделенного общества» (на англ. — *divided society*) широко освещены в политологической и юридической литературе государств Западной Европы и США. См. подробнее: *Benedikter T. The World's Working Regional Autonomies*. London, 2007 ; *Bastian S., Luckham R.* (eds.) *Can Democracy Be Designed?* London, 2003 ; *Choudhry S.* (ed.) *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* Oxford, 2008 ; *Darby J., McGinty R.* (eds.) *Contemporary Peacemaking* Basingstoke, 2003 ; *Ghai Y.* (ed.) *Autonomy and Ethnicity*. Cambridge, 2000 ; *Horowitz D. L.* *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA, 1985 [2000] ; *Lijphart A.* *Constitutional Design for Divided Societies* // *Journal of Democracy*. Vol. 15, No 2 (April 2004) ; *McGarry J., O'Leary B.* Introduction: Consociational Theory and Northern Ireland // *The Northern Ireland Conflict: Consociational Engagements* / ed. by J. McGarry and B. O'Leary. Oxford, 2004 ; *Noel S.* *From Power Sharing to Democracy: Post-conflict Institutions in Ethnically Divided Societies*. Montreal, 2005 ; *Norris P.* *Driving Democracy*. Cambridge, 2008 ; *O'Flynn I., Russell D.* *Power Sharing: New Challenges for Divided Societies*. London, 2005 ; *Wolff S.* *Territorial and Non-Territorial Autonomy as Institutional Arrangements for the Settlement of Ethnic Conflicts in Mixed Areas* // *Contemporary Political Studies*. 1998. Vol. 1 / ed. by A. Dobson and J. Stanier ; *Wolff S.* *Disputed Territories: The Transnational Dynamics of Ethnic Conflict Settlement*. New York and Oxford, 2003.

расколов, но также может преследовать цель интерпретировать общество в нацию»⁴⁸.

Т. Я. Хабриева выделяет две «главные формулы» самоопределения: национально-территориальное самоопределение и экстерриториальное (разрозненно проживающего этноса). Отмечаются существенные различия между ними, которые позволяют применять понятие «самоопределение» в полной мере только к первой форме. Относительно второй, по мнению ученого, корректнее говорить о самоорганизации — объединении в общественные организации. Наряду с территориальными формами, национальное самоопределение находит выражение во множестве других, вне-территориальных (экстерриториальных) форм, основой которых для большинства народов является национально-культурная автономия. Да и сами «территориальные формы» не ограничиваются отделением от государства: «практика создала немало других территориальных форм — образование федерации, присоединение к другому государству, территориальная монополия и др.»⁴⁹.

Исследование Т. Я. Хабриевой характеризуется максимальной широтой охвата проблем, имеющих отношение к современным проблемам самоопределения, и глубиной анализа. Вместе с тем хотелось бы высказать несколько соображений критического характера.

Во-первых, как представляется, явление, которое автор называет «экстерриториальной формой» и «самоорганизацией», вряд ли можно отнести к традиционной трактовке самоопределения. Скорее это создаваемые самим государством формы существования этносов, предполагающие возможности их самоидентификации, сохранение языка, традиций, обычаев и т.п. Самоопределение же, даже с точки зрения этимологии слова («само»), предполагает именно самостоятельное определение этносом форм своего развития. Причем далеко не всегда такие формы вписываются в конституционные положения того или иного государства, что порождает серьезные противоречия, разрешение которых проходит подчас и не вполне мирным путем. Если «самоорганизацию» и рассматривать в контексте самоопределения, то

речь, на наш взгляд, следует вести о его весьма зауженном, ограниченном толковании — по аналогии с устоявшимся в литературе пониманием «ограниченного суверенитета».

Во-вторых, требует комментария утверждение о том, что право на самоопределение имеет народ, а не публично-правовое образование как субъект федерации или территориальная автономия. Не вызывает, разумеется, сомнений, что субъектом права на самоопределение является народ. Нетрудно представить себе его реализацию вне рамок «публично-правового образования», призванного решать практически вопросы, связанные с реализацией самоопределения. Трудно представить, как вне территориальных форм может реализовываться национально-культурная автономия. Те или иные этнические особенности, связанные с языком общего пользования, семейными и иными традициями или обычаями, могут фактически проявляться, очевидно, в какой-то единой среде, не обязательно в государственном или автономном, но так или иначе в пространственном, а значит, и территориальном образовании. Характерно, что на это обстоятельство обратил внимание В. Е. Чиркин в содержательной рецензии на рассматриваемую книгу. «Термин “экстерриториальная” вызывает сомнения, — говорится в отзыве, — резервации индейцев в США, саамские парламенты в Норвегии, Финляндии и Швеции, родовые общины коренных малочисленных народов в России существуют, разумеется, на территориях соответствующих стран. Вне территории такие публично-правовые явления невозможны»⁵⁰.

В широко распространенной трактовке форм самоопределения большие сомнения вызывает утверждение о праве на присоединение к другому государству. Очевидно, что это процесс двусторонний. И, исходя из максимы «нет прав без обязанностей», можно лишь вести речь о просьбе о присоединении. И право другой стороны — дать согласие на такое присоединение или отказать в этом. «Хочешь отделиться, — писал В. И. Ленин, — проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или, вернее, гнет и трение “сожительства” таковы, что они портят и губят дело экономической

⁴⁸ См.: Мочалов А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 154–173. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.154.173.

⁴⁹ См.: Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 62–64.

⁵⁰ См.: Государство и право. 2012. № 1. С. 123.

связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь “право” на федерацию»⁵¹. Любая нация может обратиться с просьбой о приеме в федерацию, но право на просьбу об объединении отнюдь не равнозначно праву на объединение. Выступая против расширительного толкования права на самоопределение, В. И. Ленин заявлял: «Ничего, абсолютно ничего, кроме права на отделение, здесь нет и быть не должно»⁵². Разумеется, такая постановка вопроса, явно в полемическом плане, не исключала и не может исключать выбор других (помимо сецессии) форм самоопределения, но в границах одного — «родительского» — государства, в соответствии с его конституцией и другими законами.

С учетом изложенного пришло время, как представляется, сделать общее заключение настоящего исследования. Краткий анализ международно-правовых документов и научных концепций дал возможность установить, что право на самоопределение действующим международным правом относится к народам и нациям и сводится, как правило, к его внутреннему аспекту — созданию национально-культурной или территориальной автономии. Это является продолжением тенденции, которая уже давно наблюдается в международном праве. Именно в этом внутреннем аспекте и заключается нынешний смысл права на самоопределение. В литературе право на самоопределение иногда

рассматривается как ловушка для таких народов или меньшинств, которые считают, что они могут получить юридическое право на создание своего собственного государства⁵³. Как показывает практика, требование о самоопределении часто приводит к кровавым войнам за отделение, которые в итоге не ведут к успеху и не пользуются поддержкой международного сообщества. Только в Бангладеш применение насилия привело к созданию независимого государства. Совершенно верно то, что случай Бангладеш рассматривается как последствие деколонизации (Бангладеш отделился от Западного Пакистана) и является скорее исключением, которое подтверждает норму о запрещении нарушения территориальной целостности. Во всех других случаях для создания новых государств требуются иные правовые основания, чем право на самоопределение. Таковы были национальные конституции в республиках бывшего Советского Союза и Югославии, соглашение о распаде Чехословакии, соглашение о распаде Эритреи, нарушение обязательств подопечной державы Эфиопии в Восточном Тиморе. А незаконное, на наш взгляд, отделение Косово от Сербии обосновывалось не примером силового обеспечения права на самоопределение, а якобы реакцией международного сообщества на преступления против человечности, совершенные его собственным государством против какой-либо этнической группы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х.* Защита меньшинств по международному праву и внутригосударственному праву. — М., 1996.
2. *Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р.* Правовой статус национальных меньшинств. Международно-правовой анализ. — М., 1997.
3. *Алебастрова И. А.* Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // *Lex russica*. — 2017. — № 1.
4. *Андриченко Л. В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005.
5. *Блищенко И. П.* Автономия и международное право // *Московский журнал международного права*. — 1998. — № 1.
6. *Власян С. Р.* Субъект права на самоопределение // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2013. — № 11 (302).
7. *Глигич-Золотарева М. В.* Правовые основы федерализма. — М., 2006.

⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

⁵³ См.: *Cassese A.* Self-Determination of Peoples. A Legal Reappraisal (Cambridge 1995) 5 ; *Weller M.* The Self-determination Trap // *Ethnopolitics* 4 (2005).

8. Горбунов С. Н. О некоторых аспектах применимости концепции самоопределения к коренным народам // *Философия права*. — Ростов н/Д, 2008. — № 3.
9. Добрынин Н. М. Российский федерализм. Становление, современное состояние и перспективы. — Новосибирск, 2005.
10. Дробижева Л. М. Изменения социального ресурса российского федерализма в середине первого десятилетия XXI века // *Россия реформирующаяся*. — 2005. — № 5.
11. Карташкин В. А. Права человека и принципы международного права в XXI веке. — М., 2019.
12. Кожокин Е. М. Права меньшинств в постсоветском пространстве // *Будет ли Европа существовать без России?* — М., 1995.
13. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — Изд. 2-е. — М., 2000.
14. Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. — М., 2004.
15. Крылов А. Б. Сепаратизм в странах Востока. — М., 1992.
16. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. — М., 2010.
17. Кутафин О. Е. Российская автономия. — М., 2006.
18. Львова Э. Л., Нам И. В., Наумова Н. И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // *Политические исследования*. — 1993. — № 2.
19. Мочалов А. Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты // *Журнал российского права*. — 2017. — № 10.
20. Мочалов А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2017. — № 3. — DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.154.173.
21. Мочалов А. Н. Федерализм, территориальная автономия и права национальных меньшинств // *Проблемы права*. — 2017. — № 3 (62).
22. Осипов А. Национально-культурная автономия: идея и реализация // Осипов А., Никифоров И. *Национально-культурная автономия* / сост. В. М. Полещук. — 2008.
23. Савицкий П. И., Мочалов А. Н. Два подхода к территориальной организации полиэтничного государства // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. — 2017. — № 6.
24. Фарушкин М. Х. Институциональные основы этнических федераций // *Полис. Политические исследования*. — 2017. — № 2.
25. Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. — М., 2010.
26. Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. — М., 1998.
27. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. — М., 2011.
28. Чиркин В. Е. Современное государство. — М., 2001.
29. Чиркин В. Е., Хабриева Т. Я. Теория современной конституции. — М., 2007.

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2021 г.

REFERENCES

1. Abashidze AKh. Zashchita menshinstv po mezhdunarodnomu pravu i vnutrigosudarstvennomu pravu [Protection of minorities under international and national law]. Moscow; 1996 (In Russ.).
2. Abashidze AKh, Ananidze FR. Pravovoy status natsionalnykh menshinstv. Mezhdunarodno-pravovoy analiz [A legal status of national minorities. International law analysis]. Moscow; 1997 (In Russ.).
3. Alabastrova IA. Bolshinstvo i menshinstvo v konstitutsionnom gosudarstve: etnicheskii aspekt [The Majority and Minority in the Constitutional State: Ethnic Aspect]. *Lex russica*. 2017;1 (In Russ.).
4. Andrichenko LV. Regulirovanie i zashchita prav natsionalnykh menshinstv i korennykh malochislennykh narodov v Rossiyskoy Federatsii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Regulation and protection of the rights of national minorities and indigenous peoples in the Russian Federation: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2005 (In Russ.).
5. Blishchenko IP. Avtonomiya i mezhdunarodnoe pravo [Autonomy and international law]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 1998;1 (In Russ.).

6. Vlasyan SR. Subekt prava na samoopredelenie [The subject of the right to self-determination]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013;11(302) (In Russ.).
7. Gligich-Zolotareva MV. Pravovye osnovy federalizma [Legal foundations of federalism]. Moscow; 2006 (In Russ.).
8. Gorbunov SN. O nekotorykh aspektakh primenimosti kontseptsii samoopredeleniya k korennyim narodam [About some aspects of application of the conception of the right of aboriginal nations to self-determination]. *Philosophy of Law*. 2008;3 (In Russ.).
9. Dobrynin NM. Rossiyskiy federalizm. Stanovlenie, sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Russian federalism. Formation, current state and prospects]. Novosibirsk; 2005 (In Russ.).
10. Drobizheva LM. Izmeneniya sotsialnogo resursa Rossiyskogo Federalizma v seredine pervogo desyatiletiya XXI veka [Changes in the social resource of Russian federalism in the middle of the first decade of the 21st century]. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2005;5 (In Russ.).
11. Kartashkin VA. Prava cheloveka i printsipy mezhdunarodnogo prava v XXI veke [Human rights and principles of international law in the XXI century]. Moscow; 2019 (In Russ.).
12. Kozhokin EM. Prava menshinstv v postsovetskom prostranstve [The rights of minorities in the post-Soviet space]. In: Budet li Evropa sushchestvovat bez Rossii? [Will Europe exist without Russia?]. Moscow; 1995 (In Russ.).
13. Kozlova EI, Kutafin OE. Konstitutsionnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. 2nd ed. Moscow; 2000 (In Russ.).
14. Konyukhova IA. Sovremennyy Rossiyskiy Federalizm i mirovoy opyt: itogi stanovleniya i perspektivy razvitiya [Modern Russian federalism and world experience: the results of formation and development prospects]. Moscow; 2004 (In Russ.).
15. Krylov AB. Separatizm v stranakh Vostoka [Separatism in the countries of the East]. Moscow; 1992 (In Russ.).
16. Kryazhkov VA. Korennye malochislennye narody Severa v rossiyskom prave [Indigenous peoples of the North in Russian law]. Moscow; 2010 (In Russ.).
17. Kutafin OE. Rossiyskaya avtonomiya [Russian autonomy]. Moscow; 2006 (In Russ.).
18. Lvova EL, Nam IV, Naumova NI. Natsionalno-personalnaya avtonomiya: ideya i voploshchenie [National-Personal Autonomy: Idea and Implementation]. *Political Studies*. 1993;2 (In Russ.).
19. Mochalov AN. Territorialnaya avtonomiya i prava natsionalnykh menshinstv: mezhdunarodnye standarty [Territorial autonomy and National Minorities' Rights: The International Standards]. *Journal of Russian Law*. 2017;10:121-132 (In Russ.).
20. Mochalov AN. Territorialnoe ustroystvo gosudarstva kak sposob upravleniya etnicheskimi mnogoobraziem (konstitutsionno-pravovoe regulirovanie v stranakh BRIKS) [Territorial Structure of State as a Tool of Ethnic Diversity Management (Constitutional Law Regulation in the Brics Countries)]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017;3. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.154.173. (In Russ.).
21. Mochalov AN. Federalizm, territorialnaya avtonomiya i prava natsionalnykh menshinstv [Federalism, territorial autonomy and the rights of national minorities]. *Problemy prava*. 2017;3(62) (In Russ.).
22. Osipov A. Natsionalno-kulturnaya avtonomiya: ideya i realizatsiya [National-cultural autonomy: idea and implementation]. In: Osipov A, Nikiforov I. Natsionalno-kulturnaya avtonomiya [National-cultural autonomy]. 2008 (In Russ.).
23. Savitsky PI, Mochalov AN. Dva podkhoda k territorialnoy organizatsii polietnicheskogo gosudarstva [Two approaches to the territorial organization of a multi-ethnic state]. *Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal*. 2017;6 (In Russ.).
24. Farukshin MKh. InstitutSIONnye osnovy etnicheskikh federatsiy [Institutional foundations of ethnic federations]. *Polis. Political Studies*. 2017;2 (In Russ.).
25. Khabrieva TYa. Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Modern problems of self-determination of ethnic groups. Comparative legal research]. Moscow; 2010 (In Russ.).
26. Chirkin VE. Konstitutsionnoe pravo: Rossiya i zarubezhnyy opyt [Constitutional law: Russia and foreign experience]. Moscow; 1998 (In Russ.).
27. Chirkin VE. Publichno-pravovoe obrazovanie [Public law education]. Moscow; 2011 (In Russ.).
28. Chirkin VE. Sovremennoe gosudarstvo [A Modern State]. Moscow; 2001 (In Russ.).
29. Chirkin VE, Khabrieva TYa. Teoriya sovremennoy konstitutsii [The theory of the modern constitution]. Moscow; 2007 (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.024-033

А. С. Кондукторов*

Замещение доллара США рублем РФ при оплате российского экспорта: финансово-правовой механизм реализации и последствия для денежно-кредитной политики

Аннотация. Исследуются причины использования доллара США в качестве расчетной единицы при осуществлении внешнеэкономической деятельности, выявляются недостатки, которые не позволяют применять российский рубль в международной торговле. Разработан организационно-правовой механизм, позволяющий перейти к использованию российского рубля при оплате иностранными покупателями отдельных продуктов российского экспорта. Указанный механизм исходит из рыночных принципов функционирования и реализуется на условиях отсутствия административного принуждения к его применению. Последствия использования механизма рассмотрены в контексте реализации Российской Федерацией денежно-кредитной политики.

В работе применены аналитический и структурно-логический методы исследования, производится финансово-правовое моделирование процессов частичного замещения российской валютой иностранных валют при осуществлении внешнеэкономической деятельности отечественными экспортерами.

Предлагается создать механизм краткосрочного предоставления рублевой ликвидности иностранным покупателям отдельных продуктов российского экспорта, предполагающий обмен иностранной валюты на российскую в целях оплаты конкретных внешнеторговых контрактов. Стимулирование к его использованию следует осуществлять средствами таможенно-тарифного регулирования. Функционирование механизма предоставления ликвидности предполагается наладить с применением организационных возможностей Банка России (либо в рамках его структурного подразделения, либо в форме самостоятельной организации, контролируемой Центральным банком Российской Федерации). Для апробации действия и последствий использования указанного механизма необходимо провести эксперимент на ограниченном товарном рынке, соответствующем выделенным критериям. Потенциальным результатом действия механизма предоставления рублевой ликвидности должно стать значительное увеличение спроса на российский рубль на внутреннем валютном рынке, что вызовет укрепление его курса и позволит для компенсации дефляционного эффекта осуществить снижение ключевой ставки Банка России в целях стимулирования экономического роста.

Ключевые слова: механизм предоставления рублевой ликвидности; доллар США; рубль РФ; внешнеэкономическая деятельность; экспорт; Банк России; внутренний валютный рынок; денежно-кредитная политика; таможенно-тарифная политика; ключевая ставка.

Для цитирования: Кондукторов А. С. Замещение доллара США рублем РФ при оплате российского экспорта: финансово-правовой механизм реализации и последствия для денежно-кредитной политики // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 24–33. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.024-033.

© Кондукторов А. С., 2022

* Кондукторов Антон Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
Астраханская ул., д. 83, г. Саратов, Россия, 410012
ack-87@mail.ru

Replacing the US Dollar with the Russian Ruble in Payments for Russian Exports: A Financial and Legal Mechanism for Implementation and Implications for the Monetary Policy

Anton S. Konduktorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Customs, Administrative and Financial Law, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskij
ul. Astrakhanskaya, d. 83, Saratov, Russia, 410012
ack-87@mail.ru

Abstract. The paper examines the reasons for the use of the US dollar as a means of payment in the implementation of foreign economic activity, determines shortcomings that do not allow the use of the Russian ruble in international trade. An organizational and legal mechanism has been developed that makes it possible to switch to the use of the Russian ruble when foreign buyers pay for certain exports of Russia. The mechanism under consideration is based on market principles and it is implemented on the basis of the absence of administrative coercion to apply it. The consequences of using the mechanism are considered in the context of the Russian Federation's implementation of the monetary policy.

The paper uses analytical and structural-logical methods of research, financial and legal modeling of the processes of partial replacement of foreign currencies by the Russian currency in the implementation of foreign economic activity by domestic exporters.

It is proposed to create a mechanism for the short-term provision of ruble liquidity to foreign buyers of certain Russian exports, which involves the exchange of foreign currency for Russian rubbles in order to pay for specific foreign trade contracts. Stimulation for its use should be carried out by means of customs and tariff regulation. The mechanism functioning for providing liquidity is supposed to be established using organizational capabilities of the Bank of Russia (either within its structural unit, or in the form of an independent organization controlled by the Central Bank of the Russian Federation). To test the action and consequences of using this mechanism, it is necessary to conduct an experiment on a limited product market that meets the selected criteria. The mechanism for providing ruble liquidity should result in a significant increase in demand for the Russian ruble in the domestic foreign exchange market, which will cause its exchange rate to strengthen and make it possible to reduce the key rate of the Bank of Russia in order to stimulate economic growth to compensate for the deflationary effect.

Keywords: mechanism for providing ruble liquidity; U.S. dollar; Russian ruble; foreign economic activity; export; Bank of Russia; domestic foreign exchange market; money-credit policy; customs tariff policy; key rate.

Cite as: Konduktorov AS. Zameshchenie dollara SShA rublem RF pri oplate rossiyskogo eksporta: finansovo-pravovoy mekhanizm realizatsii i posledstviya dlya denezhno-kreditnoy politiki [Replacing the US Dollar with the Russian Ruble in Payments for Russian Exports: A Financial and Legal Mechanism for Implementation and Implications for the Monetary Policy]. *Lex russica*. 2022;75(2):24-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.024-033. (In Russ., abstract in Eng.).

В последнее время высшие государственные руководители Российской Федерации стали все чаще высказываться о необходимости использовать российский рубль в расчетах между хозяйствующими субъектами при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Подобные предложения неоднократно звучали от заместителя председателя Совета безопас-

ности РФ Д. А. Медведева¹, аналогичную позицию высказали министр иностранных дел С. В. Лавров², председатель Государственной Думы В. В. Володин³, а также Президент Российской Федерации В. В. Путин⁴. Новым толчком к общественной дискуссии по этому вопросу стал Санкт-Петербургский международный экономический форум (2–5 июня 2021 г.), в

¹ URL: <https://radiomayak.ru/news/article/id/279531/> (дата обращения: 27.04.2021) ; URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/04/08/medvedev-Rossii-i-tailandu-nado-rasschitivatsya-v-batah-i-rublyah> (дата обращения: 27.04.2021) ; URL: <https://ria.ru/20141021/1029394572.html> (дата обращения: 27.04.2021).

² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4771358> (дата обращения: 27.04.2021).

³ URL: <https://dumatv.ru/news/volodin--monopoliya-dollar-poshatnetsya--na-smenu-emu-mogut-priiti-dругие-valyuti> (дата обращения: 06.07.2021).

⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/05/25/770822-putin> (дата обращения: 06.07.2021) ; URL: <https://regnum.ru/news/polit/1999567.html> (дата обращения: 06.07.2021).

ходе которого было объявлено, что Российская Федерация минимизирует использование американской валюты, в том числе полностью исключит доллар из структуры Фонда национального благосостояния⁵.

Сама по себе идея номинировать цену товара и производить оплату за него в национальной валюте не нова: укрепить статус собственной денежной единицы посредством использования ее в международных расчетах (хотя бы на региональном уровне) пытаются многие государства. Китай, например, даже добился включения юаня в корзину специальных прав заимствования Международного валютного фонда⁶, хотя это само по себе не влечет увеличения доли китайской национальной валюты при оплате экспортных/импортных контрактов.

Однако единственным более или менее успешным примером использования иной, чем доллар США, валюты в международной торговле остается евро, прочим национальным валютам не удается играть сколь-нибудь существенную роль в расчетах, производимых субъектами внешнеэкономической деятельности. Доллар

по-прежнему является доминирующей платежной единицей. Во многом это обусловлено тем статусом, который закрепился за американской валютой в результате Бреттон-Вудского валютного соглашения⁷, доверием со стороны экономических агентов, а также национальных⁸ и наднациональных учреждений⁹.

Очевидно, что широкое использование национальной валюты того или иного государства при оплате экспорта/импорта не только укрепляет его политический авторитет, но и открывает новые перспективы денежно-кредитной политики. Изложенное определяет актуальность применения рубля в международной торговле и целесообразность практической реализации указанных инициатив высших должностных лиц Российской Федерации. Но «внедрить» рубль в систему международных расчетов — не такая простая задача, поэтому в рамках данной статьи попытаемся сконструировать первые шаги в этом направлении.

Итак, целью настоящего исследования является разработка механизма, позволяющего приступить к ограниченному использованию

⁵ URL: <https://www.rbc.ru/finances/03/06/2021/60b896829a7947ff39ed48fb> (дата обращения: 10.07.2021).

⁶ Доля юаня в корзине специальных прав заимствования с 1 октября 2016 г. составляет 10,92 %; доллара США — 41,73 %; евро — 30,93 %; иены — 8,33 %; фунта стерлингов — 8,09 % (URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew120115a> (дата обращения: 08.07.2021)).

⁷ Бреттон-Вудская система была создана в результате заключения в июле 1944 г. представителями 44 государств в городе Бреттон-Вудс (США) соглашений, которые должны были определить валютное устройство послевоенного мира. Бреттон-Вудская валютная система предполагала обеспечение функционирования открытых (свободных от национального протекционизма) рынков и фиксированных обменных курсов (не допускающих «плавающего» курса и использования девальвации валют в качестве метода торговой конкуренции). Стоимость валют разных государств была твердо определена по отношению к доллару США, который, в свою очередь, был привязан к цене на золото — цена одной тройской унции устанавливалась равной 35 долларам (см.: Кошкин Р. П. Бреттон-Вудская система: прошлое и настоящее мировой и российской экономики // Стратегические приоритеты. 2019. № 2. С. 93–94). Бреттон-Вудская система официально прекратила свое существование в 1976 г. в связи с принятием соглашений, выработанных на Ямайской валютной конференции, отказавшейся от политики фиксированных валютных курсов.

⁸ Доля доллара США в резервах национальных центральных банков составляет по состоянию на IV квартал 2020 г. 59 %, хотя этот показатель и является минимальным за последние 25 лет (см.: Арсланалп С., Симпсон-Белл Ч. Доля доллара США в мировых валютных резервах сократилась до 25-летнего минимума, 2021 // Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low> (дата обращения: 08.07.2021)). При этом специалисты МВФ не просто констатируют доминирующую роль доллара в формировании национальных резервов, но, более того, в целом не ожидают в обозримой перспективе существенных изменений в структуре валютных резервов центральных банков (см.: Мидс Н., Мюлейзен М., У И., Янку А. Ледники глобальных финансов: валютная структура резервов центральных банков, 2020 // Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/12/16/blog120620-glaciers-of-global-finance> (дата обращения: 08.07.2021)).

⁹ Как указывалось выше, доля доллара США в корзине специальных прав заимствования составляет 41,73 %.

национальной валюты Российской Федерации в качестве расчетной единицы при осуществлении внешнеэкономической деятельности, а также определение последствий его практического применения для денежно-кредитной политики Банка России.

Сразу же следует отделить задачи исследования от «смежных» областей: в данной работе не будет затрагиваться переход к расчетам в национальных валютах, обусловленный политическими договоренностями Российской Федерации с некоторыми иностранными государствами (например, использование российского рубля на рынке Евразийского экономического союза или БРИКС, во внешней торговле с Китайской Народной Республикой или Республикой Беларусь). Исследование направлено на анализ возможностей использования российской национальной валюты на рынках товаров и услуг, свободных от политического влияния.

Для начала выясним, какие преимущества имеет использование доллара США перед российским рублем (и иными валютами). Большинство специалистов по международной торговле сходятся во мнении, что наиболее «безопасным» является применение при расчетах стабильных валют, не подверженных курсовым колебаниям. «Как известно, участники внешнеэкономических отношений в качестве средства платежа предпочитают использовать валюты, не подверженные обесценению»¹⁰. И это легко объяснимо: в случае, если субъект внешнеэкономической деятельности формирует свои оборотные средства в нестабильной валюте, колебание ее курса по отношению к иным валютам способно причинить значительные убытки¹¹. Считается, что

доллар США наиболее удовлетворяет критерию стабильности. Кроме того, использование при осуществлении подавляющего большинства внешнеторговых операций доллара во многом является традиционным¹² и предполагается априори, иными словами превратилось в устойчивую привычку.

Привычки, как известно, «вырабатываются годами», поэтому сделать практику применения рубля РФ в международных расчетах обычным и само собою разумеющимся явлением может только время. Но каким способом возможно компенсировать предполагаемую нестабильность рубля? Как обезопасить иностранных контрагентов от ожидаемых ими колебаний валютного курса? Для решения этой задачи требуется реализовать следующую последовательность действий:

1. Представляется, что в первую очередь необходимо законодательно установить обязанность экспортеров российских товаров осуществлять их реализацию иностранным партнерам не только за доллары (евро, иные иностранные валюты), но и за российские рубли. Подобную норму следует ввести в Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»¹³. Это сделает недопустимым уклонение экспортеров от совершения сделок, номинированных в рублях.

2. Избегать рисков, возникающих в результате колебания валютных курсов, поможет создание механизма краткосрочного (в целях осуществления одной сделки) предоставления иностранным приобретателям товаров, реализуемых российскими экспортерами, рублевой ликвидности¹⁴ в обмен на эквивалентную

¹⁰ Линкевич Е. Ф. Кризис Ямайской валютной системы и возможные пути ее реформирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 21. С. 13.

¹¹ «Использование определенной валюты во внешней торговле зависит от желания экспортера найти баланс между валютными рисками и опасением за величину спроса на свою продукцию» (Наркевич С. С. Резервные валюты в наличных расчетах и международной торговле // Российское предпринимательство. 2012. № 23. С. 68).

¹² На «общепринятость» использования доллара в международных расчетах указывал, например, канцлер Австрии Себастьян Курц в ходе пленарного заседания Петербургского международного экономического форума (URL: https://www.1tv.ru/news/2021-06-06/407705-tema_vozmozhnogo_otkaza_ot_dollara_v_Rossii_zvuchala_na_protivopozhenii_vsego_peterburgskogo_ekonomicheskogo_foruma (дата обращения: 10.07.2021)).

¹³ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

¹⁴ Следует специально отметить, что термин «ликвидность» применяется в различных, часто не совпадающих между собой значениях (о многозначности использования понятия «ликвидность» см., например: Кучкаров З. А., Дербенцев Д. Д., Лебедева В. А. Логический анализ понятия «ликвидность» в нормативной правовой базе РФ // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017.

сумму иностранной валюты (далее — механизм предоставления рублевой ликвидности).

Механизм предоставления ликвидности должен обеспечивать конвертацию иностранной валюты (как правило, долларов США) в рубли РФ по запросу приобретателя российского товара для осуществления одной или нескольких внешнеэкономических операций. Иными словами, указанный механизм должен работать в качестве государственного «пункта обмена валюты» на рубли (но ни в коем случае не наоборот), а доступ к нему должны иметь только иностранные организации — приобретатели товаров российского экспорта. Подобный механизм может быть организационно создан либо в структуре Банка России, либо в форме самостоятельного учреждения, контролируемого последним¹⁵.

Для обеспечения успешного функционирования механизм предоставления рублевой ликвидности должен быть удобен для иностранных импортеров российских товаров (лишен бюрократических проволочек) и способен предоставить российские рубли в обмен на доллары США или иную иностранную валюту максимально быстро. Конвертацию валюты следует производить по официальному курсу Центрального банка РФ без комиссий, дополнительных надбавок и пр. Механизм предоставления рублевой ликвидности иностранным организациям не должен преследовать цели извлечения прибыли.

В результате приобретатель продуктов российского экспорта будет иметь возможность конвертировать необходимую сумму иностранной валюты в российские рубли и незамедлительно произвести оплату российскому экспортеру по контракту. Таким образом, период, в течение которого приобретатель товара располагает денежной суммой, номинированной

в российских рублях, становится минимальным, а риск изменения валютного курса в этот промежуток времени — ничтожным. Следует полагать, что современные автоматизированные системы передачи финансовых сообщений способны обеспечить необходимые короткие сроки конвертации иностранной валюты и последующего перечисления денежной суммы в рублях в счет оплаты российского экспорта.

3. Но здесь возникает вопрос: как заинтересовать иностранных приобретателей российских товаров использовать описанный выше механизм и перейти на оплату отечественного экспорта рублями?

Сразу же следует отказаться от методов административного принуждения. Объявить законодательный запрет на использование иностранной валюты при осуществлении внешнеэкономической деятельности — самый непродуктивный (и опасный) способ достижения поставленной цели.

В научных источниках подчеркивается, что «предприниматели традиционно привыкли использовать в транснациональных сделках свободно конвертируемые валюты и перейдут на другие формы расчетов только в том случае, если это принесет дополнительную прибыль»¹⁶. Для обеспечения указанной прибыли и «популяризации» российского рубля среди приобретателей товаров отечественного экспорта возможно применить методы таможенно-правового регулирования. Необходимо дифференцировать ставки экспортной таможенной пошлины, установив более низкую ставку при продаже за рубеж товаров по внешнеторговым контрактам, которыми предусмотрена оплата в рублях РФ, и, наоборот, более высокую — по внешнеторговым контрактам, предусматривающим использование иностранной валюты. Это позволит экономически стимулировать

№ 7. С. 13–33). В экономической теории, например, ликвидность в самом общем виде понимается как способность актива быть реализованным в минимально короткий срок по максимально возможной цене. Однако в практике Банка России термин «ликвидность» почти тождественен понятию «денежные средства». В частности, Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов (URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2021_2023/ (дата обращения: 07.07.2021)), говоря об операциях по абсорбированию рублевой ликвидности, предполагают изъятие с денежного рынка (у кредитных организаций) денежных средств, номинированных в рублях. В рамках статьи термин «рублевая ликвидность» будет использоваться в аналогичном значении.

¹⁵ Хорошим примером подобного, подконтрольного Центральному банку учреждения является ООО «Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора», которая формально не включена в структуру Банка России, однако полностью контролируется им, так как последнему принадлежит 100 % долей в ее уставном капитале.

¹⁶ Линкевич Е. Ф. Указ. соч. С. 12.

приобретателей товаров российского экспорта к использованию рубля, так как уменьшение экспортной таможенной пошлины повлечет соответствующее снижение цены товара. При этом, однако, у иностранного партнера останется возможность по своему усмотрению либо привычно производить оплату в долларах (или иной валюте), либо непривычно, но с дополнительной выгодой использовать в расчетах российские рубли. Подобная диспозитивность нивелирует риски отказа иностранных приобретателей от отечественных товаров при практической реализации предложений, описанных в настоящей работе.

Далее рассмотрим вопрос внедрения предложенного выше механизма в практику внешнеэкономической деятельности.

Следует согласиться с тем, что перечисленные предложения являются революционным новшеством для отечественной экономики и правовой системы, поэтому их практическая реализация требует осторожности. Первоначально необходимо провести ограниченный эксперимент¹⁷ по внедрению описанной модели на международных рынках лишь некоторых товаров. «Отбор» экспериментальных рынков должен быть произведен исходя из следующих критериев:

- 1) рынок должен быть существенен, но не должен играть на данный момент решающей (стратегической) роли для обеспечения экономической стабильности Российской Федерации. По этой причине от экспериментов на рынке углеводородов следует сразу же отказаться;
- 2) на данном рынке Россия должна занимать одну из лидирующих позиций, что давало бы нашей стране некоторую «свободу поведения» и обеспечивало «терпимость» дру-

гих участников рынка (в первую очередь присутствующих на нем покупателей) к возможным нововведениям;

- 3) по этой же причине желательно, чтобы основные приобретатели российских товаров на избранном для эксперимента рынке не играли ведущей роли в системе международных отношений и не оказывали (или не были способны оказывать) России политического противодействия. Сопротивление отдельных иностранных государств попыткам внедрения российского рубля в систему международных торговых расчетов вполне вероятно, поэтому для успеха эксперимента желательно реализовать его на тех рынках, где указанные государства не являются основными приобретателями товаров российского производства;
- 4) предложение товара на избранном рынке должно иметь объективно ограниченный характер, что не давало бы возможности традиционным торговым партнерам Российской Федерации по политическим или экономическим мотивам переориентироваться на иных поставщиков. У конкурентов нашей страны на данном рынке должна отсутствовать возможность быстро нарастить объем выпуска продукции и «заменить» Россию в международной системе поставок соответствующего товара.

Перечисленным условиям в настоящий момент вполне удовлетворяет международный рынок зерна: Российская Федерация является одним из крупнейших экспортеров зерна¹⁸; основными приобретателями зерна российского производства являются государства¹⁹, которые не станут (или не смогут) оказывать существенного противодействия России в процессе укрепления статуса ее национальной валюты;

¹⁷ Экспериментальное использование отдельных правовых моделей и режимов следует признать необходимым методом проверки их эффективности. Опыт КНР показывает, что «экспериментальное законодательство» способно принести чрезвычайно ценные финансово-экономические результаты (см. подробнее: *Дегтярев М. В.* Применение эксперимента в законодательной практике: опыт Китайской Народной Республики // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 11–19).

¹⁸ На протяжении последних лет наша страна является ведущим экспортером пшеницы (URL: <https://ria.ru/20190714/1556497768.html> (дата обращения: 07.07.2021)), а экспорт Российской Федерацией зерна в целом на протяжении двух последних десятилетий увеличился, по данным Федеральной службы государственной статистики, более чем в три раза (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/a85nmPyu/bal_1.xls (дата обращения: 07.07.2021)).

¹⁹ По итогам 2020 г. крупнейшими приобретателями российского зерна стали Турция, Египет, Иран, Саудовская Аравия, Китай, Бангладеш, Казахстан (URL: <https://tass.ru/ekonomika/10373715> (дата обращения: 07.07.2021)).

и наконец, предложение товара на зерновом рынке объективно ограничено и фактически не может быть увеличено (без ущерба внутренней продовольственной безопасности) ни одним из поставщиков как минимум до следующего сельскохозяйственного сезона. Поэтому одни страны-экспортеры не способны заместить в международной структуре поставок другие — каждое из государств — производителей зерна занимает свою стабильную нишу на рынке.

Но каких конкретно результатов позволит достичь переход к использованию в международной торговле (пусть даже на отдельных избранных товарных рынках) российского рубля в качестве расчетной единицы? Рассмотрим предполагаемые последствия практического применения Российской Федерацией описанной выше модели.

Для «обмена» иностранной валюты на отечественную в рамках предложенного механизма предоставления ликвидности Банк России должен российскую валюту откуда-то получать. Разумеется, главным источником рублей для Центрального банка станет внутренний валютный рынок, на котором он, проводя валютные интервенции, будет закупать отечественную валюту для ее последующей конвертации в доллары (иные валюты). Таким образом, наиболее близким последствием применения механизма предоставления рублевой ликвидности станет изъятие с внутреннего валютного рынка определенного объема российских рублей. Одновременно на валютном рынке произойдет пропорциональное увеличение объема иностранной валюты (в первую очередь долларов США). Очевидно, что подобное изменение спроса на рубли и предложения долларов создаст предпосылки для укрепления курса российского рубля.

Вместе с тем неконтролируемое изменение валютного курса, даже в направлении укрепления национальной валюты, несет определенные экономические риски (например, снижение конкурентоспособности для отечественных экспортеров). Поэтому в целях обеспечения стабильности валютного курса Банк России должен будет использовать традиционные инструменты денежно-кредитной политики: в первую очередь сложившаяся ситуация позволит уменьшить ключевую ставку без угрозы обесценения российского рубля. То есть Центральный банк получит возможность компенсировать инфляционный эффект снижения ключевой ставки дефляционным эффектом изъятия с валютного рынка излишней рублевой ликвидности (в этом контексте предлагаемый механизм предоставления рублевой ликвидности вполне может считаться новым инструментом денежно-кредитной политики).

Понижение ключевой ставки стимулирует снижение российскими банками процентных ставок по кредитам, предоставляемым на территории Российской Федерации и номинированным в рублях. Повышение доступности кредитных ресурсов создаст предпосылки для ускоренного развития отечественного народного хозяйства и обеспечит в конечном счете существенный рост экономических показателей²⁰.

При этом возможности понижения ключевой ставки будут прямо зависеть от объема российских товаров, реализуемых за рубли. Популяризация расчетов в рублях по экспортным контрактам позволит Банку России снизить ключевую ставку до минимальных значений, принятых в наиболее развитых государствах современного мира²¹. В случае, если Банк России придет к выводу, что последующее снижение ключевой ставки нецелесообразно (появится

²⁰ О влиянии объемов кредитования на инфляцию, ВВП и другие экономические показатели см., например: *Авис О. У.* О критериях оценки эффективности кредита как фактора экономического роста // Финансовые рынки и банки. 2019. № 4. С. 17–22; *Бывшев В. А., Бровкина Н. Е.* Моделирование влияния кредитного рынка на уровни инфляции и монетизации экономики России // Современная математика и концепции инновационного математического образования. 2019. № 1. С. 158–168.

²¹ Например, ключевая ставка Европейского центрального банка на протяжении последних пяти лет (с 10 марта 2016 г.) составляет 0 % (URL: <http://global-finances.ru/kluchevaya-stavka-etcb/> (дата обращения: 07.07.2021)). В США ключевая ставка с 16 марта 2020 г. сохраняется на уровне 0,25 %. Ранее она равнялась 1,25 % (с 3 марта 2020 г.), а в период, предшествующий пандемии коронавирусной инфекции, — 1,75 % (с 30 октября 2019 г.) (URL: <http://global-finances.ru/stavka-frs-ssha/> (дата обращения: 07.07.2021)). В КНР ключевая ставка по состоянию на 21 июня 2021 г. составляет 3,85 %, в Великобритании с 6 мая 2021 г. — 0,1 %, а в Швейцарии и Японии ключевая ставка сохраняется на отрицательном уровне: –0,75 % и –0,1 % соответственно (URL: <http://global-finances.ru/bazovyie-protsentnyie-stavki-tsentroban/> (дата обращения: 07.07.2021)).

угроза укрепления рубля сверх целевых ориентиров) Центральный банк сможет предоставлять рублевую ликвидность за счет имеющихся резервов отечественной валюты или за счет ее дополнительной эмиссии, то есть без приобретения рублей на внутреннем валютном рынке. В этом случае будет происходить накопление Банком России иностранной валюты и соответствующее увеличение его валютных резервов, что также следует оценить положительно.

Таковы механизм и финансово-экономические последствия внедрения рубля РФ в систему международных расчетов за товары, производимые и экспортируемые Российской Федерацией. Как указано выше, переход к подобной схеме должен происходить аккуратно и постепенно — первоначально в качестве эксперимента на отдельном товарном рынке. Однако в последующем возможно увеличить объем товаров, оплачиваемых рублями при реализации на экспорт, за счет распространения изложенного механизма на другие рынки. Представляется, что для реализации данной задачи вполне подходят международные рынки оружия, некоторых специфических работ и услуг (строительство атомных электростанций, запуск космических аппаратов), отдельных металлов, в производстве которых Российская Федерация имеет доминирующее положение (например, алюминий и никель).

Автор настоящей работы не склонен полагать, что в современных экономических реалиях необходим полный переход на применение рубля во всех внешнеэкономических сделках, предусматривающих экспорт российских товаров, работ и услуг. Для достижения изложенных выше целей денежно-кредитной политики, вероятно, будет вполне достаточно использования отечественной валюты лишь на отдельных избранных рынках.

Вместе с тем со временем возможен переход к приобретению рублевой ликвидности покупателями товаров российского экспорта не через описанный механизм Банка России, а напрямую на валютном рынке. В этих целях возможно дополнительно дифференцировать экспортные таможенные пошлины, установив

наиболее высокую для исполнения экспортных контрактов в иностранной валюте, менее высокую — для исполнения контрактов в рублях, приобретенных у Банка России, и наименьшую — для исполнения контрактов в рублях, приобретенных на валютном рынке.

Использование покупателями продуктов российского экспорта валютного рынка для приобретения рублей сделает применение российской валюты в коммерческих расчетах еще более рыночным и одновременно укрепит ее международное значение.

Обобщая изложенное, следует отметить, что модели совершенствования современной валютной системы широко представлены в научной литературе. Большинство из них имеет «глобальный» характер и направлено на кардинальное изменение существующей системы международных расчетов: предлагается, например, введение в обращение новой наднациональной денежной единицы²², использование криптовалют во внешнеэкономической деятельности²³, обсуждается повышение роли специальных прав заимствования²⁴... Подобные предложения следует признать нереалистичными. Для их практической реализации требуется достижение консенсуса большинством стран мира, многие из которых вполне устраивают существующее положение вещей. Поэтому необходимо сосредоточиться на возможностях отдельно взятого государства ограничено внедрить свою валюту в систему международной торговли и получить от этого максимальный финансово-экономический эффект в ныне существующих условиях (без «всемирной» перестройки валютной системы).

Вместе с тем описанная конструкция механизма предоставления рублевой ликвидности достаточно сложна, нова и не имеет опыта практического применения. Поэтому автор надеется, что научная рефлексия на данную работу вызовет профессиональную дискуссию по описанной проблематике, результаты которой позволят уточнить детали функционирования предложенного механизма и в конечном счете воплотить его в реальную финансово-правовую действительность.

²² Линкевич Е. Ф. Указ. соч. С. 11–16.

²³ Алексеенко О. А. Криптовалюты как катализатор процесса реформирования Ямайской валютной системы // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. № 1. С. 529–531.

²⁴ Смыслов Д. В. Перспективы реформы международной валютной системы: современные подходы // Деньги и кредит. 2016. № 10. С. 25–29.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авис О. У. О критериях оценки эффективности кредита как фактора экономического роста // Финансовые рынки и банки. — 2019. — № 4. — С. 17–22.
2. Алексеенко О. А. Криптовалюты как катализатор процесса реформирования Ямайской валютной системы // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2018. — № 1. — С. 529–531.
3. Арсланалп С., Симпсон-Белл Ч. Доля доллара США в мировых валютных резервах сократилась до 25-летнего минимума, 2021 // Международный валютный фонд. — URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low> (дата обращения: 08.07.2021).
4. Бывшев В. А., Бровкина Н. Е. Моделирование влияния кредитного рынка на уровни инфляции и монетизации экономики России // Современная математика и концепции инновационного математического образования. — 2019. — № 1. — С. 158–168.
5. Дегтярев М. В. Применение эксперимента в законодательной практике: опыт Китайской Народной Республики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2021. — № 1. — С. 11–19.
6. Кошкин Р. П. Бреттон-Вудская система: прошлое и настоящее мировой и российской экономики // Стратегические приоритеты. — 2019. — № 2. — С. 93–94.
7. Кучкаров З. А., Дербенцев Д. Д., Лебедева В. А. Логический анализ понятия «ликвидность» в нормативной правовой базе РФ // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2017. — № 7. — С. 13–33.
8. Линкевич Е. Ф. Кризис Ямайской валютной системы и возможные пути ее реформирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2013. — № 21. — С. 11–16.
9. Мидс Н., Мюлейзен М., У И., Янку А. Ледники глобальных финансов: валютная структура резервов центральных банков, 2020 // Международный валютный фонд. — URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/12/16/blog120620-glaciers-of-global-finance> (дата обращения: 08.07.2021).
10. Наркевич С. С. Резервные валюты в наличных расчетах и международной торговле // Российское предпринимательство. — 2012. — № 23. — С. 65–73.
11. Смыслов Д. В. Перспективы реформы международной валютной системы: современные подходы // Деньги и кредит. — 2016. — № 10. — С. 20–33.

Материал поступил в редакцию 4 июля 2021 г.

REFERENCES

1. Avis OW. O kriteriyakh otsenki effektivnosti kredita kak faktora ekonomicheskogo rosta [About the criteria for evaluating the effectiveness of credit as a factor in economic growth]. *The Financial Markets and Banks*. 2019;4:17-22 (In Russ.).
2. Alekseenko OA. Kriptovalyuty kak katalizator protsessy reformirovaniya Yamayskoy valyutnoy sistemy [Cryptocurrencies as a catalyst for the process of reforming the Jamaican monetary system]. *Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technologies*. 2018;1:529-531 (In Russ.).
3. Arslanalp S, Simpson-Bell Ch. The share of the US dollar in global foreign exchange reserves fell to a 25-year low, 2021. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low> (accessed: 8 July 2021).
4. Byvshev VA, Brovkina NE. Modelirovanie vliyaniya kreditnogo rynka na urovni inflyatsii i monetizatsii ekonomiki Rossii [Modeling the influence of the credit market on the levels of inflation and monetization of the Russian economy]. *Modern Mathematics and Concepts of Innovative Mathematical Education*. 2019;1:158-168 (In Russ.).
5. Degtyarev MV. Application of the Experiment in Legislative Practice: The Experience of the People's Republic of China]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2021;1:11-19 (In Russ.).

6. Koshkin RP. Bretton-Vudskaya sistema: proshloe i nastoyashchee mirovoy i rossiyskoy ekonomiki [Bretton-Woods System: Past and Present of World And Russian Economy]. *Strategicheskie priority*. 2019;2:93-94 (In Russ.).
7. Kuchkarov ZA, Derbentsev DD, Lebedeva VA. Logicheskiy analiz ponyatiya «likvidnost» v normativnoy pravovoy baze RF [Logical analysis of the concept of «liquidity» in the regulatory legal framework of the Russian Federation]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 2017;7:13-33 (In Russ.).
8. Linkevich EF. Krizis Yamayskoy valyutnoy sistemy i vozmozhnye puti ee reformirovaniya [The Crisis of the Jamaican Currency System and Possible Ways of Its Reforming]. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2013;21:11-16 (In Russ.).
9. Meads N, Müleizen M., U I, Yanku A. Glaciers of Global Finance: Currency Structure of Central Bank Reserves, 2020. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/12/16/blog120620-glaciers-of-global-finance> (accessed: 8 July 2021).
10. Narkevich SS. Rezervnye valyuty v nalichnykh raschetakh i mezhdunarodnoy torgovle [Reserve currencies in cash payments and international trade]. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*. 2012;23:65-73 (In Russ.).
11. Smyslov DV. Perspektivy reformy mezhdunarodnoy valyutnoy sistemy: sovremennyye podkhody [Prospects for the reform of the international monetary system: modern approaches]. *Russian Journal of Money and Finance*. 2016;10:20-33 (In Russ.).

Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия

Аннотация. В статье на основе взаимосвязанных положений ст. 35 и 210 УК РФ рассмотрены критерии выделения такой формы соучастия, как преступное сообщество (преступная организация). При проведении исследования учтено разнообразие точек зрения отечественных ученых, освещавших проблемные вопросы содержания и квалификации организованной преступной деятельности. В контексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» и ряда судебных решений обобщены наиболее типичные признаки данного криминального объединения.

На базе анализа стадий построения преступного сообщества (преступной организации) отмечается малая вероятность квалификации прерванного создания этой формы соучастия как неоконченного преступления. Основная практическая сложность заключается в установлении и доказывании ее неотъемлемых уголовно-правовых аспектов (признаков) на всех этапах формирования. Это относится, во-первых, к оценочному признаку устойчивости группы лиц (их консолидированности), являющемуся базовой характеристикой организованного соучастия. Во-вторых, обязательно единое руководство двумя и более организованными группами либо наличие в такой группе обособленных подразделений, осуществлявших свою деятельность в составе преступного сообщества (преступной организации). Поэтому квалификация ролей его организаторов и участников возможна лишь в случае доказанности иерархии управления консолидированным объединением соучастников, включенных в структурные подразделения, что, в свою очередь, сопряжено с их деятельностью по достижению целей, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УК РФ. Следовательно, привлечение виновных лиц к уголовной ответственности по ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ фактически обусловлено доказыванием подготовки или совершения ими запланированных преступлений как членами указанных групп.

Ключевые слова: организатор; создание; руководство; иерархия; устойчивость; объединение; структурные подразделения; преступная деятельность; тяжкие и особо тяжкие преступления; материальная выгода.

Для цитирования: Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 34–45. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045.

© Демчук С. Д., 2022

* Демчук Сергей Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, войсковая часть № 44014 просп. Энергетиков, д. 27, г. Санкт-Петербург, Россия, 195248
VPP911@yandex.ru

Criminal Law Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) and their Correlation with the Signs other Forms of Complicity

Sergey D. Demchuk, Cand Sci. (Law), Associate Professor, military unit No. 44014
prosp. Energetikov, d. 27, St. Petersburg, Russia, 195248
VPP911@yandex.ru

Abstract. The paper, based on the interrelated provisions of Art. 35 and Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, examines the criteria for distinguishing such a form of complicity as a criminal community (criminal organization). The study has taken into account the diversity of points of view of domestic scientists who covered the problematic issues of the content and qualification of organized criminal activity. In the context of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 No. 12 "On judicial practice in considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it" and a number of court decisions, the author determines the most typical features of this criminal association. Based on the analysis of the stages of constructing a criminal community (criminal organization), there is a low probability of qualifying the interrupted creation of this form of complicity as an unconsummated crime. The main practical difficulty lies in establishing and proving its integral criminal-legal aspects (signs) at all stages of formation. This applies, firstly, to the evaluation sign of the stability of a group of persons (their consolidation), which is the basic characteristic of organized complicity. Secondly, a unified leadership of two or more organized groups or the presence in such a group of separate units that carry out their activities as part of a criminal community (criminal organization) is mandatory. Therefore, characterization of roles of its organizers and participants is possible only if the management hierarchy of the consolidated association of accomplices included in the structural divisions is proved, which, in turn, is associated with their activities to achieve the goals provided for in Part 4 of Art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. Consequently, bringing the perpetrators to criminal liability under Parts 1 and 2 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation is actually due to the proof of the preparation or commission of planned crimes by them as members of these groups.

Keywords: organizer; foundation; management; hierarchy; stability; association; structural units; criminal activity; serious and extremely serious crimes; financial benefit.

Cite as: Demchuk SD. Ugolovno-pravovye priznaki prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) i ikh sootnoshenie s priznakami inykh form souchastiya [Criminal Law Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) and their Correlation with the Signs other Forms of Complicity]. *Lex russica*. 2022;75(2):34-45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045. (In Rus., abstract in Eng.).

В связи с тем что проблема организованной преступности в нашей стране, к сожалению, продолжает сохранять определенную актуальность, ее различные аспекты широко освещаются отечественными учеными¹. Некоторые общие вопросы организованной преступной деятельности и содержание уголовно-правовых признаков организованной группы рассмотрены нами ранее².

С учетом сложившейся криминальной ситуации и предшествовавших корректировок уго-

ловного законодательства, в целях усиления борьбы с организованной преступностью и дифференциации уголовной ответственности в новый УК РФ 1996 г. были включены статьи 35 и 210. Первоначально эти нормы не противоречили друг другу и целью создания преступного сообщества (преступной организации)³ часть 4 ст. 35 УК РФ указывала лишь совершение тяжких либо особо тяжких преступлений. Впоследствии законодатель изложил обязательные уголовно-правовые признаки данного объеди-

¹ См., например: *Мацкевич И. М.* Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 4–10 ; *Скуратов Ю. И., Глазкова Л. В., Грудинин Н. С., Незнамова А. А.* Развитие организованной преступности в России: системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 638–648 ; *Клейменов М. П., Клейменов И. М.* Развитие организованной преступности: явление и определение // Вестник Омского университета. 2017. № 2 (51). С. 160–174 ; *Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности : материалы Всероссийской конференции (22–23 января 2019 г., Москва).* М., 2019.

² *Демчук С. Д.* Уголовно-правовые признаки организованной группы // *Lex russica*. 2021. № 8 (177). С. 58–68.

³ Далее — преступное сообщество.

нения в новой редакции⁴. При этом конструкция ст. 210 УК РФ предусматривает несколько самостоятельных составов преступлений⁵. Мы будем анализировать положения ст. 35, 210 УК РФ и судебные решения по уголовным делам с точки зрения создания и руководства преступным сообществом, а также участия в нем.

Ряд основных признаков, характеризующих данное объединение, раскрыт в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12). Наряду с перечислением признаков, указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ, в п. 2 этого постановления сказано, что преступное сообщество отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой. В пунктах 3 и 5 раскрыты соответственно понятия структурированной организованной группы и объединения организованных групп.

По смыслу закона организованные группы, объединенные под общим руководством, и подразделения структурированной организованной группы необходимо понимать как структурные подразделения преступного сообщества. Структурные подразделения могут иметь своих непосредственных руководителей.

Здесь следует отметить, что Верховный Суд РФ связывает признаки преступного сооб-

щества, указанные в ч. 4 ст. 35, с положениями ст. 210 УК РФ. Сходной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ в определении от 18.07.2017 № 1528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гендляря Максима Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 35 и 210 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁶.

Г. В. Овчинникова пишет, что уголовный закон выделяет признак, отличающий преступное сообщество от других видов организованной преступной деятельности, — структурная оформленность. Это предполагает: во-первых, территориальную и (или) функциональную обособленность подразделений сообщества или самостоятельных организованных групп; во-вторых, наличие у них общей цели, которая объединяет и сплачивает подразделения сообщества и его отдельных участников⁷.

Однако представляется требующим уточнения указанное упоминание самостоятельных организованных групп в контексте преступного сообщества, аналогично п. 5, 11, 12 и 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12. Их самостоятельность не является полной и принципиально не отличается от таковой у подразделений структурированной организованной группы. По своей сути и те и другие являются различными подразделениями преступного сообщества⁸.

Л. М. Прокументов отмечает, что вследствие изменения ч. 4 ст. 35 УК РФ основное отличие

⁴ Оно состоит из структурированной организованной группы или объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Целью объединения является совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

⁵ Полагаем, что объективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1, 1.1 и 2 ст. 210 УК РФ, предусматривает действия, не только прямо связанные с ч. 4 ст. 35 УК РФ, но и не вполне корреспондирующие с ее содержанием. К первым можно отнести создание преступного сообщества, руководство им либо его структурными подразделениями, а также участие в преступном сообществе. В то же время содержание иных действий выглядит относительно «самостоятельным» по отношению к ч. 4 ст. 35 УК РФ и более широким, чем предусмотрено наименованием ст. 210 УК РФ. По своей сути, эти действия в определенной мере выходят за пределы организации конкретного преступного сообщества и участия в нем, требуя отдельного рассмотрения.

⁶ КС РФ указывает, что статья 210 УК РФ, предусматривая ответственность за организацию особого вида организованной группы — преступного сообщества — или участие в нем, коррелирует ее с дополнительными признаками такой группы, закрепленными во взаимосвязанных положениях этой статьи и ч. 4 ст. 35 УК РФ.

⁷ Овчинникова Г. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10.06.2010 № 12. СПб., 2011. С. 5.

⁸ На это же справедливо указывает Е. В. Благов. Он отмечает, что организованные группы, входящие в объединение, условно можно считать подразделениями объединения, а подразделения структу-

организованной группы от преступного сообщества состоит в цели объединения. Организованная структурированная группа объединяется для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения материальной выгоды. Он обращает внимание на некорректность определения преступного сообщества через направленность на совершение тяжких либо особо тяжких преступлений и крайнюю узость цели наживы⁹.

В. С. Прохоров акцентирует внимание на характере связей между действиями соучастников. По его мнению, организованная группа и преступное сообщество — это две разновидности одной формы соучастия. Последнее создается для совершения только тяжких или особо тяжких преступлений и характеризуется более высоким уровнем организованности, кроме устойчивости оно еще и структурировано, может выступать как объединение организованных групп. Кроме того, преступное сообщество связано с деятельностью для получения материальной выгоды. При этом В. С. Прохоров справедливо отмечает, что устойчивые, структурированные организации могут создаваться и для совершения других преступлений¹⁰.

Л. Д. Гаухман указывает, что понятие преступного сообщества основано на понятии «организованная группа». Присущие ей признаки характеризуют и преступное сообщество. Вместе с тем последнему свойственны и другие признаки:

- 1) структурированность организованной группы;
- 2) момент окончания преступления — само создание такого сообщества;
- 3) цель создания;
- 4) уголовно-правовое значение конститутивного признака состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ¹¹.

Т. В. Якушева склоняется к точке зрения об отсутствии в ст. 35 УК РФ определения преступного сообщества применительно к ст. 210 УК РФ. Опираясь на буквальное толкование ст. 35 УК РФ, она приходит к выводу, что от организованной группы его отличают структурированность и конкретизированная (специальная) цель. Т. В. Якушева указывает, что преступное сообщество, безусловно, имеет более совершенную организационную структуру: либо оно объединяет две и более организованные группы с одновременной утратой ими самостоятельности и независимости принятия решений, либо организованная группа разрастается с образованием внутрискруктурных подразделений¹².

Сопоставление ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ показывает, что основой преступного сообщества служит организованная группа. Поэтому является бесспорным значение устойчивости как исходного и неотъемлемого элемента организованности при решении вопросов квалификации организации преступного сообщества и участия в нем¹³.

Главное отличие преступного сообщества от организованной группы заключается в иерархии управления структурными подразделениями, ориентированными на решение криминальных задач по функциональному, территориальному или смешанному признаку. Это означает возникновение дееспособной преступной организованной структуры, включающей более трех лиц, складывающейся в одном из предусмотренных законодателем вариантов объединения. Увеличение его сложности сопряжено с созданием наиболее прочного и развитого соучастия.

Другое важное отличие состоит в обязательной цели членов преступного сообщества, также указанной в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Здесь следует отметить, что она сформулирована законодате-

---

рированной организованной группы условно допустимо понимать как организованные группы (Благогов Е. В. Преступное сообщество (преступная организация): проблемы понимания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4 (79). С. 70–71).

⁹ Прохоров В. С. Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 140–141.

¹⁰ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. СПб., 2013. С. 278–280.

¹¹ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. М., 2016. С. 259–261.

¹² Якушева Т. В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 48–50, 133.

¹³ Неслучайно в судебных решениях о преступлениях, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ, перечисляются сходные элементы, характеризующие их устойчивость.

лем не вполне корректно, поскольку совместное совершение ими тяжких либо особо тяжких (и не только) преступлений фактически является инструментальной целью. По сути, это преступный способ обогащения, получения наживы соучастниками.

Достижение основной цели невозможно без создания рассчитанного, как правило, на длительное функционирование надежного механизма извлечения больших объемов прибыли преступным способом (не исключающим иных незаконных деяний). Это обеспечивается увеличением количества соучастников и формированием устойчивой иерархической структуры, организованной по принципу обособленных подразделений (вплоть до создания разветвленной законспирированной системы). Особую роль в этом процессе играет лицо, создавшее преступное сообщество и руководящее им. В силу неформального характера криминального объединения его организатор является лидером среди соучастников.

Членов преступного сообщества консолидирует устойчивая общность враждебных интересам общества криминальных социально-психологических характеристик. В их основе лежат имеющиеся у соучастников криминогенные побуждения и соответствующая направленность личности. В результате между членами криминального объединения возникает тесная связь, они действуют совместно согласно заранее обдуманному определенному (конкретизированному) умыслу. Сговор относительно преступной деятельности достигается за достаточный промежуток времени (иногда задолго) до его непосредственной реализации и характеризуется общностью преступных целей, поиском оптимальных путей их достижения с постановкой и решением соответствующих задач. Обязательной также является система управления участниками, в результате чего преступное сообщество действует как единый слаженный механизм. При этом включение в него лиц, обладающих криминальным профессионализмом, позволяет добиться максимальной эффективности преступной деятельности.

Здесь следует заметить, что формально преступное сообщество может быть создано и для совершения одного тяжкого или особо тяжкого преступления. Очевидно, оно должно отличать-

ся своим масштабом, большим объемом единовременной материальной выгоды, особой сложностью реализации и поэтому требовать очень тщательного приготовления к этому преступлению, включая обеспечение выполнения объективной стороны рядом лиц.

Однако при рассмотрении вопросов, связанных с созданием и функционированием преступного сообщества, необходимо учитывать, что его организационная структура иногда аналогична структуре юридического лица, используемого в преступных целях. В отдельных случаях это может повлечь необоснованное привлечение к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ лиц, связанных с такой организацией отношениями собственности или трудовыми отношениями. В связи с этим согласно Федеральному закону от 01.04.2020 № 73-ФЗ примечание к ст. 210 УК РФ получило новую редакцию. Соответственно, учредители, участники, руководители, члены органов управления и работники юридического лица, руководители и работники его структурного подразделения подлежат уголовной ответственности только в случаях, когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были созданы с прямым умыслом в целях, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Безусловными примерами криминальной деятельности членов преступных сообществ могут служить систематически совершаемые корыстные, а также корыстно-насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления. В первую очередь они представлены особо квалифицированными составами мошенничества, контрабанды и незаконного сбыта наркотиков и оружия, разбоя, вымогательства, фальшивомонетничества, легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Полагаем, что при этом в ряде случаев совершается не совокупность преступлений, а одно продолжаемое преступление.

Для лучшего понимания проблемы нами проанализированы некоторые судебные решения в отношении членов преступных сообществ, связанные с квалификацией их соучастия в целях получения постоянных доходов путем совершения тяжких либо особо тяжких преступлений¹⁴. На основе обобщения имеющихся теоретических и практических сведений можно

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.03.2012 № 45-012-13 ; приговор Хабаровского краевого суда от 18.09.2012 по делу № 2-84/12 ; приговор Хабаров-

выделить следующие основные характерные признаки преступного сообщества:

- 1) наличие инициатора (инициаторов) преступной деятельности с устойчивой криминально-корыстной направленностью личности, обладающего выраженными организаторскими и лидерскими качествами, зачастую имеющего определенные связи и авторитет в криминальной среде, способного создать преступное сообщество и руководить им; заблаговременная разработка организатором (организаторами) плана систематического совершения тяжких либо особо тяжких преступлений с целью стабильного получения материальной выгоды и формирования эффективного устойчивого объединения, состоящего из структурных подразделений, организованных по функциональному и (или) территориальному принципу работы¹⁵;
- 2) четкое управление со строгой иерархией и координация криминальной деятельности
- структурных подразделений и всего преступного сообщества путем функционально-ролевого распределения соучастников (вплоть до наличия криминальной специализации) и их налаженного взаимодействия, проведения взаимосвязанной «кадровой политики» и мер безопасности; контроль и распоряжение общими преступными доходами со стороны руководства преступного сообщества¹⁶;
- 3) прочная криминальная связь (сплоченность) соучастников на основе общей корыстной мотивации и единого умысла, что в целом обеспечивает стабильность состава преступного сообщества в течение длительного времени с начального этапа его создания и в процессе совместной деятельности, включая тщательную подготовку к запланированным преступлениям и их совершение в составе подразделений преступного сообщества¹⁷;
- 4) обеспеченность соучастников орудиями и средствами совершения преступлений, а в

ского краевого суда от 21.12.2012 по делу № 2-119/12 ; приговор Хабаровского краевого суда от 16.02.2015 по делу № 2-2/2015 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.07.2015 № 58-АПУ15-29 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.12.2017 № 5-АПУ17-118 ; приговор Московского городского суда от 27.07.2018 № 2-39/2018 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № 5-АПУ18-61 ; приговор Забайкальского краевого суда от 26.05.2016 по делу № 2-19-2016 ; приговор Брянского областного суда от 17.06.2019 по делу № 2-4/2019 ; приговор Брянского областного суда от 10.08.2020 по делу № 2-2/2020 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.09.2019 № 83-АПУ19-4 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.08.2019 № 67-АПУ19-8 // ГАС «Правосудие».

¹⁵ Создание преступного сообщества может происходить путем приискания необходимого числа соучастников (часто около 10 человек) в виде группы на основе предварительного сговора, с параллельным объединением их в устойчивые обособленные подразделения и организацией системы управления. Кроме того, подобные образования создаются и на основе трансформации действующих групп по предварительному сговору и организованных групп (при этом численность преступного сообщества иногда достигает нескольких десятков и даже многих сотен членов). Организатор не только приискивает соучастников, но и прилагает необходимые усилия по их консолидации. В случае увеличения численности преступного сообщества его руководящее ядро образуют лидер и иные близкие к нему лица, которые выполняют организационно-управленческие функции в данном объединении.

¹⁶ Криминальная «кадровая политика» включает в себя соблюдение определенных правил, связанных с изменением состава соучастников, строгую дисциплину и отчетность нижестоящих членов преступного сообщества перед вышестоящими, систему мер поощрения и наказания. Безопасность поддерживается благодаря соблюдению мер внутренней и внешней конспирации, а в ряде случаев путем осуществления «разведывательных» и «контрразведывательных» мероприятий. Преступные сообщества, «идеология» которых предполагает применение активных мер обеспечения безопасности, включающих насилие, могут использовать широкий спектр действий: от компрометации до убийства лиц, представляющих угрозу их криминальной деятельности.

¹⁷ Упоминание сплоченности продолжает встречаться в судебных решениях, хотя действующая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ и не предусматривает этого понятия. При этом указывается, в частности, на идейную близость и приятельские отношения соучастников. Подготовка к совершению запланированных преступлений охватывает функционально-ролевое распределение соучастников, а в случае необходимости — приискание предметов, орудий или средств совершения преступлений.

случае незаконного оборота предмета преступления его необходимым количеством, наличие общей финансовой базы («кассы») преступного сообщества, образованной в основном из взносов от криминальной деятельности¹⁸;

- 5) длительность и масштабность криминальной деятельности преступного сообщества, которая продолжается как минимум от нескольких месяцев до нескольких лет и приносит многомиллионные доходы в «кассы» таких объединений, причем в некоторых случаях она охватывает значительную территорию, вплоть до нескольких государств одновременно.

К дополнительным признакам действующего преступного сообщества можно отнести:

- 1) использование представителей государственной власти, коммерческих и иных организаций для повышения безопасности и эффективности криминальной деятельности, а также легализации (отмывания) доходов, полученных преступным и иным незаконным путем;
- 2) поддержание руководством преступного сообщества тесных связей с криминальной средой, вплоть до своих зарубежных «контрагентов».

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о количественном признаке — численности организованных преступных объединений. Любая совместно действующая группа лиц является в той или иной мере взаимосвязанной общностью людей. Фактически ее оптимальный состав из 5–9 соучастников совпадает для большой самостоятельной организованной группы и малого, примитивного преступного сообщества. По мере «развития», охвата большей территории либо иного расширения круга

задач, решаемых для достижения криминальных целей, усложняется его структура и увеличивается численность. Практика показывает, что преступное сообщество зачастую возникает не сразу и в оконченном виде, а является результатом последовательной «эволюции» предварительного сговора двух и более лиц¹⁹. Этот процесс характеризуется усложнением соучастия от простых и менее прочных групп к более сложным и устойчивым образованиям. Социальная специфика группового взаимодействия обеспечивает необходимую степень влияния организатора, сохранение устойчивости группы и эффективность преступной деятельности. При этом, естественно, необходимо учитывать критерии разграничения, установленные статьей 35 УК РФ.

Спорным является вопрос выделения видов преступных сообществ. По мнению Ю. А. Клименко, ими являются:

- 1) террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ);
- 2) структурированная организованная группа (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- 3) объединение организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- 4) собрание организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- 5) экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ)²⁰.

Представляется, что Ю. А. Клименко, включив в этот перечень террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ) и экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ), являющиеся специальными видами организованной группы, всё же допускает расширительное толкование преступного сообщества, противоречащее ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ²¹. Об этом говорит и судебно-

¹⁸ Орудия и средства совершения преступлений обычно представлены оружием, транспортом, современными средствами связи, компьютерной техникой, программным обеспечением и т.п. При незаконном обороте предметом выступают наркотики, оружие, поддельные деньги и иные предметы, указанные в составах тяжких и особо тяжких преступлений УК РФ.

¹⁹ В таких случаях группа лиц, действующих по предварительному сговору, трансформируется в организованную группу, а на ее базе складывается преступное сообщество. Следует отметить, что первый этап преобразования присутствует не во всех случаях и продолжительность создания преступного сообщества может быть разной.

²⁰ Клименко Ю. А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // Lex russica. 2016. № 5 (114). С. 166.

²¹ Несмотря на то что по организационной структуре они могут соответствовать преступному сообществу либо являться его подразделениями, по целям своей деятельности эти сообщества явно не предусматривают совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения материальной выгоды. Поэтому дополнительная квалификация содеянного по ст. 210 УК РФ

следственная практика. Например, по уголовному делу членов «Чистопольского джамаата» их действия квалифицированы по ст. 205.4 и 210 УК РФ, что свидетельствует о разделении судами понятий сообщества, применяемых в этих нормах уголовного закона²². В ином случае налицо было бы двойное вменение.

Кроме того, статья 210 УК РФ не выделяет виды преступных сообществ, которые обобщенно перечислены в ч. 4 ст. 35 УК РФ. В части 1.1 ст. 210 УК РФ говорится о собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью 1 этой нормы. Однако это скорее не самостоятельный вид преступного сообщества, а некий ситуативный высший коллегиальный орган в сфере координации деятельности организованных преступных формирований. Обращает на себя внимание и меньшая строгость санкции ч. 1.1 в плане размера штрафа по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Не вступая в дискуссию о том, относятся ли составы преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, к формальным или усеченным (и вообще обоснованно ли такое деление составов преступлений), отметим следующее. Организация преступного сообщества или участие в нем должны признаваться оконченными, если в содеянном содержатся все признаки соответствующего состава преступления с учетом критериев, установленных в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Таким образом, уголовная ответственность по ст. 210 УК РФ наступает с момента создания структурированной организованной группы или объеди-

нения организованных групп под общим руководством и фактической готовности их членов реализовать свои преступные намерения.

К сожалению, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12 не вносит полной ясности в этот вопрос. В его пункте 7 указано, в частности, что о готовности преступного сообщества к совершению запланированных преступлений может свидетельствовать, например, приобретение и распространение между участниками орудий или иных средств совершения преступления, договоренность о разделе территорий и сфер преступной деятельности.

Г. В. Овчинникова дополнительно отмечает, что такая готовность означает формирование «кадрового» состава и по количеству, и по «специализации», приобретение помещений, техники, транспорта, планирование будущей деятельности, распределение функций. Состояние готовности, естественно, зависит от вида задуманных преступлений²³.

На первый взгляд открытый перечень деяний, предусмотренных частью 1 ст. 30 УК РФ, в основном охватывает перечисленные примеры готовности преступного сообщества как приготовление к преступлениям, для совершения которых оно создается. Однако при этом статья 210 УК РФ криминализует саму форму соучастия, предусмотренную частью 4 ст. 35 УК РФ, являющуюся узловым звеном данных приготовительных действий. Следовательно, их иные элементы могут служить лишь косвенным подтверждением готовности именно преступного сообщества к совершению запланированных преступлений. Таким образом, лишь наличие устойчивого объединения

требуется только в случае, если предусмотренные ст. 205.4, 208, 209 и 282.1 УК РФ группа или сообщество отвечают всем критериям, установленным ч. 4 ст. 35 УК РФ. Последующее совершение запланированных преступлений для получения материальной выгоды также влечет квалификацию по соответствующим нормам Особенной части УК РФ. На существенное терминологическое противоречие между ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, в частности, обращает внимание И. А. Тарасевич (*Тарасевич И. А. О противоречии статей 35 и 282.1 Уголовного кодекса России в контексте определения преступного сообщества // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. № 4. С. 173*). В свою очередь, на коллизию между ч. 4 и 5 ст. 35 УК РФ с точки зрения понимания преступного сообщества указывают М. П. Клейменов, И. М. Клейменов и М. Г. Козловская в статье «Нормативный подход к организованной преступности» (*Вестник Омского университета. 2019. № 1. С. 171*). Они отмечают, что введение в уголовное законодательство понятий террористического и экстремистского сообщества разрушает понимание организованной преступности, основанное на концепции соучастия.

²² Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 12.05.2016 по делу № 2-10/2016 ; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 31.08.2017 № 203-АПУ17-21 // ГАС «Правосудие».

²³ Овчинникова Г. В. Указ. соч. С. 9.

структурных подразделений будет основным признаком такой готовности. В общем виде применительно к созданию преступного сообщества это момент, когда согласно критериям, установленным в ч. 4 ст. 35 УК РФ, организатором сформировано устойчивое объединение соучастников, имеющее соответствующую организационную структуру и готовое к практической реализации конкретных криминальных планов.

Участие в преступном сообществе состоит в осознанном вхождении лица в его состав и в выполнении любых функциональных обязанностей согласно распределению ролей в рамках деятельности этого криминального образования либо в совершении в качестве соучастника конкретных преступлений, предусмотренных целями создания преступного сообщества. Участие является оконченным деянием, если лицо хотя бы однократно выполнило свои функциональные обязанности или участвовало в совершении запланированного преступления в рамках деятельности преступного сообщества²⁴.

В пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 говорится, что в тех случаях, когда действия организатора по независимым от него обстоятельствам не привели к созданию преступного сообщества, они подлежат квалификации как приготовление к созданию или как покушение на создание этого объединения.

Г. В. Овчинникова пишет, что в ситуациях, когда первоначальная деятельность по организации преступного сообщества была пресечена (например, на стадии вербовки членов сообщества) или сформировать его не удалось по другим причинам, действия организатора представляют собой приготовление либо покушение на создание преступного сообщества в зависимости от этапа этих организационно-технических преступных действий, т.е. степени близости к их завершению²⁵.

Однако, если в процессе создания преступного сообщества первоначально сложилась группа лиц по предварительномуговору, она может совершить одно или несколько тяжких или особо тяжких преступлений корыстной направленности. Это относится и к следующему

этапу, когда она трансформировалась в организованную группу. Причем в некоторых случаях дееспособная организованная группа возникает, практически минуя предшествующую ей форму соучастия. Во всех приведенных примерах будет иметь место приготовление к указанным преступлениям, происходящее параллельно с созданием преступного сообщества. Более того, сходная деятельность таких групп иногда происходит и при отсутствии намерения создать преступное сообщество, что впоследствии приводит к оправданию подсудимых по ст. 210 УК РФ в связи с отсутствием состава преступления²⁶.

Полагаем, что следует учитывать формы соучастия, предусмотренные частями 2, 3 и 4 ст. 35 УК РФ, в их взаимосвязи. Приискание будущих участников преступного сообщества, предварительный сговор на объединение в его составе, создание организованной группы либо иное умышленное создание условий для формирования преступного сообщества можно расценивать как приготовление, если эта деятельность была прервана по независящим от организатора обстоятельствам. Покушение на создание преступного сообщества охватывает этап формирования структурированной организованной группы или реализации мер по объединению самостоятельных организованных групп под общим руководством, если при этом организатору по независящим от него обстоятельствам не удалось достичь поставленной цели. Разработка и коррекция криминальных планов могут иметь место на любой стадии создания преступного сообщества.

Однако здесь возникают сложности практического характера. Во-первых, приготовление к созданию и покушение на создание преступного сообщества не всегда легко разграничить между собой, но можно смешать с приготовлением группы лиц по предварительномуговору или организованной группы к совершению задуманных преступлений. Во-вторых, выявление и доказывание деятельности на этих стадиях тем сложнее, чем раньше прервана реализация умысла (особенно с учетом оценочного характера устойчивости группы лиц). Поэтому вопрос

²⁴ Такой подход соответствует позиции, изложенной в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12.

²⁵ Овчинникова Г. В. Указ. соч. С. 9–10.

²⁶ См., например: приговор Пермского краевого суда от 18.06.2019 по делу № 2-9-2019 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.11.2019 № 44-АПУ19-14 // ГАС «Правосудие».

неоконченного преступления применительно к конструкции ст. 210 УК РФ представляет в большей степени научный, чем практический интерес.

Так, А. Н. Мондохонов указывает на фактическую невозможность доказать, что умысел и действия организатора преступного сообщества были направлены именно на создание сообщества, а не организованной группы. При этом стадия покушения предполагает обязательное наличие созданной организованной группы. Для чего, в свою очередь, требуется, чтобы она, как правило, существовала длительное время и неоднократно совершала преступления. Если эта группа не будет их совершать либо будет существовать недостаточно длительный период, то она не сможет быть признана устойчивой и, соответственно, организованной. Поэтому уголовная ответственность ее организатора практически исключена²⁷. Д. В. Карелин и А. В. Шеслер придерживаются сходной точки зрения и также отмечают фактическую невозможность

возбуждения уголовного дела сразу по ст. 210 УК РФ²⁸.

В заключение можно констатировать, что предусмотренные частью 4 ст. 35 УК РФ признаки (несмотря на недостатки законодательной техники и необходимость ее совершенствования) не только имеют формальное значение, но и призваны на практике отграничить преступное сообщество от иных форм соучастия. Квалификация ролей организаторов и участников преступного сообщества требует наличия доказательств обязательных уголовно-правовых признаков: устойчивости объединения лиц, единого управления структурными подразделениями преступного сообщества и объединяющей его членов цели получения материальной выгоды путем совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений²⁹. При этом привлечение виновных лиц к уголовной ответственности по ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ фактически сопряжено с доказыванием подготовки или совершения ими указанных деяний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Благов Е. В.* Преступное сообщество (преступная организация): проблемы понимания // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 4 (79). — С. 68–72.
2. Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности: материалы Всероссийской конференции (22–23 января 2019 г., Москва) / под ред. А. И. Долговой. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2019. — 448 с.
3. *Демчук С. Д.* Уголовно-правовые признаки организованной группы // Lex russica. — 2021. — № 8 (177). — С. 58–68.
4. *Карелин Д. В., Шеслер А. В.* Преступное сообщество: проблемы законодательной регламентации и практики применения // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 1 (5). — С. 5–9.
5. *Клейменов М. П., Клейменов И. М.* Развитие организованной преступности: явление и определение // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. — № 2 (51). — С. 160–174.
6. *Клейменов М. П., Клейменов И. М., Козловская М. Г.* Нормативный подход к организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2019. Т. 16. — № 1. — С. 167–177.
7. *Клименко Ю. А.* Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // Lex russica. — 2016. — № 5 (114). — С. 156–168.
8. *Мацкевич И. М.* Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. — 2016. — № 1 (18). — С. 4–10.

²⁷ *Мондохонов А. Н.* Проблема соотношения понятия организованной преступной группы в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и в уголовном законодательстве России // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 80.

²⁸ *Карелин Д. В., Шеслер А. В.* Преступное сообщество: проблемы законодательной регламентации и практики применения // Сибирский юридический вестник. 2015. № 1 (5). С. 7–8.

²⁹ Устойчивость является базовой характеристикой организованного соучастия. Полагаем, что в основе консолидации группы лиц лежат взаимосвязанные социально-психологический и организационно-практический аспекты (*Демчук С. Д.* Указ. соч. С. 67). Как уже отмечалось, оценочный характер признака устойчивости группы лиц затрудняет доказывание по таким делам. Сложности могут быть связаны и с установлением механизма, системы руководства (иерархии управления) преступным сообществом.

9. Мондохонов А. Н. Проблема соотношения понятия организованной преступной группы в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и в уголовном законодательстве России // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 3 (58). — С. 77–81.
10. Овчинникова Г. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» от 10 июня 2010 года № 12 / под ред. А. Н. Попова. — СПб. : С.-Петербург. юрид. институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2011. — 32 с.
11. Прокументов Л. М. Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 352. — С. 138–142.
12. Скуратов Ю. И., Глазкова Л. В., Грудинин Н. С., Незнамова А. А. Развитие организованной преступности в России: системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10. — № 4. — С. 638–648.
13. Тарасевич И. А. О противоречии статей 35 и 282.1 Уголовного кодекса России в контексте определения преступного сообщества // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 168–181.
14. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. — СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. — 600 с.
15. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. — М. : Юстицинформ, 2016. — 580 с.
16. Якушева Т. В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 219 с.

Материал поступил в редакцию 30 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Blagov EV. Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya): problemy ponimaniya [Criminal community (criminal organization): Problems of Comprehension]. *The Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2020;4(79):68-72 (In Russ.).
2. Dolgova AI, editor. Borba s organizovannymi proyavleniyami prestupnosti i obespechenie natsionalnoy bezopasnosti : materialy Vserossiyskoy konferentsii (22–23 yanvarya 2019 g., Moskva) [Combating organized manifestations of crime and ensuring national security: Proceedings of the All-Russian Conference (January 22–23, 2019, Moscow)]. Moscow: Russian Criminological Association; 2019 (In Russ.).
3. Demchuk SD. Ugolovno-pravovye priznaki organizovannoy gruppy [Criminal Law Characteristics of an Organized Group]. *Lex russica*. 2021;8(177):58-68 (In Russ.).
4. Karelin DV, Shesler AV. Prestupnoe soobshchestvo: problemy zakonodatelnoy reglamentatsii i praktiki primeneniya [The criminal association: problems of legislative regulation and application practice]. *Siberian Law Herald*. 2015;1(5):5-9 (In Russ.).
5. Kleymenov MP, Kleymenov IM. Razvitie organizovannoy prestupnosti: yavlenie i opredelenie [The Development of organized crime: The phenomenon and definition]. *Herald of the Omsk University. Series «Law»*. 2017;2(51):160-174 (In Russ.).
6. Kleimenov MP, Kleimenov IM, Kozlovskaya MG. Normativnyy podkhod k organizovannoy prestupnosti [Normative approach to organized crime]. *Herald of the Omsk University. Series «Law»*. 2019; 16(1):167-177 (In Russ.).
7. Klimenko YuA. Klassifikatsiya souchastiya: formy, vidy, znachenie dlya ugolovno-pravovoy otsenki prestupleniya [Classification of conspiracy: forms, types, meaning for the criminal-legal assessment of a crime]. *Lex russica*. 2016;5(114):156-168 (In Russ.).
8. Matskevich IM. Organizovannaya ekonomicheskaya prestupnost [Organized economic crime]. *Monitoring of Law Enforcement*. 2016;1(18):4-10 (In Russ.).
9. Mondokhonov AN. Problema sootnosheniya ponyatiya organizovannoy prestupnoy gruppy v Konventsii OON protiv transnatsionalnoy organizovannoy prestupnosti i v ugolovnom zakonodatelstve Rossii [The problem of correlation between the concepts of the organized criminal group in the united nations convention against

- transnational organized crime and in the criminal law of Russia]. *Siberian Law Herald*. 2012;3(58):77-81 (In Russ.).
10. Ovchinnikova GV. Kommentariy k postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike rassmotreniya ugovolnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastii v nem» ot 10 iyunya 2010 goda № 12 [Commentary to the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it» dated June 10, 2010 No 12]. Popova AN, editor. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2011 (In Russ.).
  11. Prozumentov LM. Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya) kak forma souchastiya v prestuplenii [Criminal community (criminal organization) as a form of complicity in a crime]. *Tomsk State University Journal of Law*. 2011;352:138-142 (In Russ.).
  12. Skuratov Yul, Glazkova LV, Grudinin NS, Neznamova AA. Razvitie organizovannoy prestupnosti v Rossii: sistemnyy analiz [The Development of Organized Crime in Russia: A System Analysis]. *Russian Journal of Criminology*. 2016;10(4):638-648 (In Russ.).
  13. Tarasevich IA. O protivorechii statey 35 i 282.1 Ugolovnogo kodeksa Rossii v kontekste opredeleniya prestupnogo soobshchestva [On the contradiction of articles 35 and 282.1 of the Criminal Code of Russia in the context of the definition of a criminal community]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2017;3(4):168-181 (In Russ.).
  14. Lukyanov VV, Prokhorov VS, Shchepelkova VF, editors. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast [Criminal law of Russia. General part: textbook]. St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishing House; 2013 (In Russ.).
  15. Revin VP, editor. Ugolovnoe pravo Rossii [Criminal law of Russia. General part: textbook]. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2016 (In Russ.).
  16. Yakusheva TV. Zakonodatel'naya reglamentatsiya i praktika privlecheniya k ugovolnoy otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) : dis. ... kand. jurid. nauk [Legislative regulation and practice of bringing to criminal responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization): Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2016 (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.046-055

К. З. Трапаидзе*

Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения

Аннотация. Одним из важнейших направлений уголовной политики представляется повышение эффективности норм уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних. В работе ставится цель исследования уголовно-правовых норм, дифференцирующих ответственность в зависимости от возраста лица, совершившего преступление, и практики его применения. Проведенное с применением исторического и сравнительного методов исследование показало, что количество преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет, в УК РФ постоянно растет — с 20 в 1997 г. до 33 в 2021 г. Полученные в ходе исследования результаты подтверждают, что практику установления уголовной ответственности за совершение преступления с 14 лет или снижения уже установленного возраста с 16 до 14 лет по мотивам одной лишь опасности такого преступления нельзя считать обоснованной. Еще один вывод, который сделан по итогам исследования, заключается в том, что российскому законодателю следовало воспользоваться рекомендацией Модельного УК для государств — участников СНГ и закрепить норму о том, что в случаях, предусмотренных законом (например, за должностные или воинские преступления), уголовной ответственности подлежит только лицо, достигшее более старшего, чем 16 лет, возраста. Отказ от включения непосредственно в ст. 20 УК РФ третьего возраста (помимо 16 и 14) уголовной ответственности привел к тому, что суды, в частности, не применяют положения о «возрастной невменяемости» к лицам, достигшим на момент совершения преступления 18 лет, но имеющим отставание в психическом развитии, что при определенных условиях может рассматриваться как проявление дискриминации по признаку возраста.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности; уголовная ответственность несовершеннолетних; основание уголовной ответственности; общие условия уголовной ответственности; возрастная невменяемость; время совершения преступления; ювенальные уголовно-правовые нормы; состав преступления; субъект преступления.

Для цитирования: Трапаидзе К. З. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 46–55. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.046-055.

The Age of Criminal Responsibility: Controversial Issues of Legislation and Practice

Konstantin Z. Trapaidze, Cand Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Administration of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) (MGIMO of the MIA of Russia)
prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454
trape@list.ru

Abstract. One of the most important areas of criminal policy is to increase the effectiveness of the norms of criminal law concerning the responsibility of minors. The paper aims to study criminal law norms that

© Трапаидзе К. З., 2022

* Трапаидзе Константин Заурович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) (МГИМО МИД России)
просп. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454
trape@list.ru

differentiate responsibility depending on the age of the person who committed a crime and the practice of its application. A study carried out using historical and comparative methods showed that the number of crimes, the responsibility for which starts at the age of 14 under the Criminal Code of the Russian Federation is constantly growing. The number increased from 20 crimes in 1997 to 33 crimes in 2021. The results obtained in the course of the study confirm that the practice of establishing criminal liability for committing a crime from the age of 14 or reducing the already established age from 16 to 14 years based on the mere danger of such a crime cannot be considered justified. Another conclusion drawn from the study is that the Russian law-maker should have taken advantage of the recommendation of the Model Criminal Code for the CIS member states and enshrined the rule that in cases provided for by law (for example, for crimes committed by public officials or military crimes), only a person who has reached an age older than 16 years can be subject to criminal responsibility. Refusal to include in Art. 20 of the Criminal Code of the Russian Federation of the third age (in addition to 16 and 14) of criminal liability has led to the fact that the courts, in particular, do not apply the provisions on «age-related insanity» to persons who have reached 18 years of age at the time of the crime, but who have a mental retardation, which under certain conditions can be considered as a manifestation of age discrimination.

Keywords: age of criminal responsibility; criminal liability of minors; grounds for criminal liability; general conditions of criminal liability; age insanity; time of the crime; juvenile criminal law; corpus delicti; subject of the crime.

Cite as: Трапаидзе КЗ. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность: спорные вопросы законодательства и практики применения [The Age of Criminal Responsibility: Controversial Issues of Legislation and Practice]. *Lex russica*. 2022;75(2):46-55. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.046-055 (In Russ., abstract in Eng.).

Одним из важнейших направлений уголовной политики современного государства является повышение эффективности норм уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних (ювенальные уголовно-правовые нормы). В российской уголовно-правовой литературе имеется множество работ, посвященных им; особенностью настоящего исследования является то, что оно проведено с учетом упущенных возможностей отечественного законодателя и инициирует новые для обсуждения аспекты темы уголовной ответственности несовершеннолетних. Анализ соответствующих рекомендаций Модельного УК для государств — участников СНГ¹ (далее — МУК), сравнение норм УК РФ и норм уголовных кодексов (законов) других бывших советских республик, исследование отечественной нормотворческой и правоприменительной практики мы расцениваем как важные методы для оценки эффективности норм об уголовной ответственности несовершеннолетних, в частности полноты отражения ими обстоятельств, возникающих в правоприменительной практике. Результаты такой оценки в целом могут стать основой формулирования предложений в целях повышения эффективности ювенальных уголовно-правовых норм.

В УК РФ (ст. 8) совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, признается основанием уголовной ответственности. Наука уголовного права определяет состав преступления как совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние в качестве преступления. Указанные признаки, в свою очередь, объединены в группы, именуемые элементами состава преступления. Признаком, причем обязательным, одного из таких элементов — субъекта преступления — является возраст лица, совершившего преступление (наряду с его вменяемостью). То есть возраст в качестве одного из обязательных признаков входит в основание уголовной ответственности.

Только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного законом, подлежит уголовной ответственности. Однако, как следует из названия ст. 19 УК РФ, содержащей данную норму, возраст лица (наряду с его вменяемостью) относится к «общим условиям» уголовной ответственности. Таким образом, если теория уголовного права рассматривает возраст в качестве одного из признаков состава преступления, то УК РФ говорит о возрасте как об одном из общих условий уголовной ответ-

¹ Модельный уголовный кодекс для государств — участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 17.02.1996) // URL: <https://base.garant.ru/2566472/510567bc799b499f450a4638e59966a6/> (дата обращения: 06.08.2020).

ственности. Представляется, что указанное противоречие можно решать с учетом опыта, например, УК Республики Казахстан (2014 г.)², в котором статья 15, соответствующая статье 19 УК РФ, называется «Признаки лица, подлежащего уголовной ответственности». Подобное решение важно с целью устранения возможных сомнений относительно возраста как одного из обязательных признаков состава преступления, признаваемого законом единственным основанием уголовной ответственности.

Если статья 19 УК РФ лишь упоминает возраст среди общих условий уголовной ответственности, то статья 20 (ч. 2) УК РФ непосредственно называет возраст, по достижении которого должна наступать уголовная ответственность, — лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста.

Поскольку закон говорит о достижении 16 лет «ко времени совершения преступления», то естественно возникает вопрос, что считать временем совершения преступления. Из текста ч. 2 ст. 9 УК РФ следует, что временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) «независимо от времени наступления последствий». В преступлениях, содержащих формальный или усеченный составы, положения ст. 9 УК РФ не вызывают разночтений, поскольку такие составы сконструированы с учетом и вокруг исключительно общественно опасного деяния, безотносительно к его последствиям, которые, исходя из этого, никакого юридического значения для квалификации преступления не имеют.

Другое дело преступления, содержащие материальный состав или состав опасности. Первые сконструированы таким образом, что без учета наступивших общественно опасных последствий квалификация содеянного винов-

ным лицом будет неверной (например, ст. 105, 158, 264, 330 УК РФ и др.). В составах опасности также недостаточно одного лишь деяния — необходимо установить, что оно создавало угрозу наступления конкретного последствия (например, ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 217.2 УК РФ). Однако положения ст. 9 (ч. 2) УК РФ, по сути, стирают разницу между всеми видами составов преступлений (усеченным, формальным, материальным, составом опасности) и предлагают при определении времени их совершения придавать значение исключительно деянию. Последствия, которые наступили (материальный состав) или могли наступить, но не наступили (состав опасности), учету в данном случае не подлежат³.

В МУК (ч. 2 ст. 11) в целом содержится то же самое определение, которое закреплено в УК РФ (ч. 2 ст. 9). Однако здесь хотели бы напомнить, что при подготовке проектов УК РФ мнения их авторов о том, что считать временем совершения преступления, разошлись. Так, согласно одному из них временем совершения преступления следовало признавать «время наступления последствий, а в случаях, когда ответственность установлена за сам факт совершения предусмотренного уголовным законом действия (бездействия)», — время совершения этого действия (бездействия)⁴. Но если в УК РФ указанное определение было отклонено (как нам представляется, без достаточных оснований), то в УК двух государств — членов СНГ оно стало нормой закона: в УК Республики Туркменистан⁵ (ч. 2 ст. 5) и УК Республики Узбекистан⁶ (ст. 13). На наш взгляд, установление возраста наступления уголовной ответственности применительно не только к моменту совершения лицом деяния, но и в определенных случаях (в так называемых материальных составах) к моменту наступления предусмотренных законом последствий указан-

² Уголовный кодекс Республики Казахстан (2014, с изменениями от 05.2020) // URL: https://www.legislationline.org/download/id/8671/file/Kazakhstan_CC_2014_am2020_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

³ Определение законодателем подобным образом времени совершения преступления, следует заметить, в литературе разделяется не всеми. См., например: Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1 : Преступление / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 182.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть). М., 1994. Проект подготовлен Министерством юстиции РФ и Государственно-правовым управлением Президента РФ.

⁵ Уголовный кодекс Туркменистана (2010, с изменениями от 2019) // URL: https://www.legislationline.org/download/id/8316/file/Turkmenistan_CC_2010_am2019_en.pdf (дата обращения: 05.08.2020).

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (1994, с изменениями от 2020) // URL: https://www.legislationline.org/download/id/8565/file/Uzbekistan_CC_1994_am012020_ru.pdf (дата обращения: 05.08.2020).

ного деяния заслуживает серьезного внимания и законодателя, и специалистов.

Здесь следует напомнить, что отношение законодателя к общему возрасту наступления уголовной ответственности в истории российского и советского уголовного права не было неизменным. Так, Уголовное уложение⁷ запрещало вменять в вину преступное деяние, учиненное малолетним, не достигшим 10 лет (ст. 40), а по УК РСФСР 1922 г.⁸ не подлежали ответственности малолетние до 14 лет (ст. 18). Подобное решение предлагал также УК РСФСР в редакции 1926 г. Правда, в 30–40-е гг. прошлого столетия параллельно с УК союзных республик действовали другие уголовно-правовые акты, в том числе союзного значения, которые позволяли привлекать к уголовной ответственности за отдельные преступления и с более раннего возраста, в частности с 12 лет⁹.

Принятые в 1958 г. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик установили, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. Однако за совершение ряда преступлений, перечисленных в данном законе, ответственность могла наступать с 14 лет.

После распада Советского Союза (1991 г.) вопросы об общем и о специальном возрасте

привлечения к уголовной ответственности были решены точно так же, как и до этого в бывших советских республиках. Содержащаяся в МУК (ч. 1 ст. 22) рекомендация о привлечении к уголовной ответственности лица, достигшего ко времени совершения преступления 16 лет, в УК РФ реализована в ч. 1 ст. 20.

Из всех бывших советских республик нестандартным подходом к решению вопроса об общем возрасте наступления уголовной ответственности отличается грузинский законодатель¹⁰. Согласно УК Республики Грузия¹¹, противоправные деяния, предусмотренные законом, не вменяются в вину лицам, не достигшим «до совершения этих деяний» 14-летнего возраста (ст. 33).

Привлечение к уголовной ответственности с 14 лет предусмотрено также МУК (ч. 2 ст. 22), однако это считается исключением из правил. Государствам — участникам СНГ рекомендуется перечень преступлений, за совершение которых лицо можно привлекать к уголовной ответственности с 14 лет.

Если первоначально МУК рекомендовал привлекать к ответственности с 14 лет за 14 преступлений, то УК РФ — за 20. В последующем количество подобных преступлений только возрастало: в МУК — до 16 (2006 г.), в УК РФ — до 33 (2020 г.).

Норма уголовного кодекса государства — участника СНГ	Количество в УК преступлений, за совершение которых возможно привлечь к уголовной ответственности с 14 лет
УК Республики Азербайджан (ст. 20)	17
УК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 27)	24
УК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 15)	30
УК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 30)	20
УК Республики Молдова (ч. 2 ст. 21)	40

⁷ Новое уголовное уложение 1903 г. СПб., 1903. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 05.08.2020).

⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_\(1922\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_(1922)) (дата обращения: 05.08.2020).

⁹ Речь идет о совершении краж, причинении насилий, телесных повреждений, увечий, об убийстве или попытках к убийству (постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 81. 08.04.1935. Документ утратил силу лишь с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13.04.1959 «О признании утратившими силу законодательных актов в связи с введением в действие Основ уголовного законодательства, Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления, Основ законодательства о судостроительстве, Положения о военных трибуналах и Основ уголовного судопроизводства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 15. Ст. 91).

¹⁰ Грузия вышла из СНГ в 2009 г.

¹¹ Уголовный кодекс Грузии (1999, с изменениями от 2019) URL: https://www.legislationline.org/download/id/8541/file/Georgia_CC_2009_amOct2019_ru.pdf (дата обращения: 06.08.2020).

Норма уголовного кодекса государства — участника СНГ	Количество в УК преступлений, за совершение которых возможно привлечь к уголовной ответственности с 14 лет
УК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 23)	23
УК Республики Туркменистан (ч. 2 ст. 21)	13
УК Республики Узбекистан (ст. 17)	21
УК Украины (ч. 2 ст. 22)	48

Таким образом, наименьшее количество преступлений, за совершение которых можно привлечь к уголовной ответственности с 14 лет, перечислено в УК Республики Туркменистан — 13, а наибольшее в УК Украины — 48. При этом из всех государств — членов СНГ только в УК Республики Беларусь в перечне преступлений, за совершение которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности с 14 лет, содержится неосторожное преступление — причинение смерти по неосторожности.

По нашему мнению, перманентные решения российского законодателя о дополнении перечня преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет, нельзя считать во всех без исключения случаях глубоко проработанными и научно обоснованными. Некоторые из таких решений вызывают сомнения и с точки зрения их практической обоснованности. Примером, подтверждающим сделанный вывод, можно считать Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ¹², которым возраст наступления уголовной ответственности был снижен с 16 до 14 лет сразу за 11 преступлений. Как следует из пояснительной записки к его проекту, упор при обосновании снижения возраста уголовной ответственности его авторами был сделан на «законодательный про-

бел», сложившийся из-за того, что, например, за кражу установлена ответственность с 14 лет, а за организацию террористического сообщества — нет¹³. Правда, в заключении Комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы, возглавляемого одним из авторов законопроекта, обращается внимание также на то, что дополнение закрепленного в УК РФ перечня преступлений, при совершении которых ответственность наступает при достижении 14-летнего возраста, предлагается «с учетом правоприменительной и уголовно-правовой оценки»¹⁴. Однако, на каких именно данных основаны упомянутые «оценки», из решения Комитета, к сожалению, понять нельзя.

Очевидно, что установление уголовной ответственности за совершение преступления с 14 лет или снижение установленного возраста с 16 до 14 лет по мотивам одной лишь опасности такого преступления нельзя считать правильным. Ведь общеизвестно, что уголовная ответственность с 14 лет законодателем предусматривается за преступления, общественная опасность которых не является самой высокой, но является очевидной и понятной для лица, достигшего указанного возраста¹⁵. Если бы это было не так, то уголовная ответственность, например, за самое опасное преступление в

¹² Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Пояснительная записка «К проекту федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174/6 «О проекте федерального закона № 1039101-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. М. : Проспект, 2019. С. 136. См. также: Уголовное право России. Общая часть : курс лекций / под ред. А. П. Кузнецова, Е. Е. Черных. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 218 ; Хромова Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 96–109.

международном праве и национальном законодательстве многих государств, «преступление преступлений» — геноцид — следовало бы установить с 14 лет.

Поэтому в целом вынуждены констатировать, что тенденция ужесточения уголовной ответственности путем снижения возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет не имеет под собой достаточных оснований — как научных, так и практических¹⁶.

Подтверждением указанной тенденции следует назвать также отсутствие за годы действия УК РФ прецедентов изменения возраста уголовной ответственности в сторону его увеличения с 14 до 16 лет. Ни теоретически, ни практически подобные решения законодателя не должны быть исключены, поскольку не только преступность молодеет, но и уголовно-правовое противодействие ей трансформируется, результатом чего может быть отпадение необходимости привлечения к уголовной ответственности за какое-либо преступление с 14 лет. Конечно, важно, что в перечне, содержащемся в ч. 2 ст. 20 УК РФ, нет неосторожных преступлений (как это имеет место, например, в УК РБ), но в нем имеется достаточно преступлений, опасность которых, на наш взгляд, не столь высока или последствия которых четко не прописаны в законе. Так, например, сомнения вызывает привлечение к ответственности с 14 лет за некоторые преступления, содержащие не квалифицированные составы (предусмотренные первыми частями статей 112, 158, 166, 207 УК РФ и др.). В этом отношении очередное предложение законодателей о дополнении перечня преступлений, содержащегося в ч. 2 ст. 20 УК РФ, еще одним основным составом преступления вызывает серьезные сомнения. Авто-

ры соответствующего законопроекта, рассуждая о том, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет «не несут никакой ответственности за жестокое обращение с животными, даже если указанные действия были совершены группой лиц в отношении нескольких животных в присутствии малолетних с применением садистских методов и трансляцией в сети “Интернет”»¹⁷, предлагают дополнить ч. 2 ст. 20 УК РФ словами «жестокое обращение с животными (ст. 245)». То есть, приведя в качестве аргумента квалифицированный состав, авторы законопроекта тем не менее предлагают дополнить ч. 2 ст. 20 УК РФ обеими частями ст. 245 УК РФ, предусматривающими не только квалифицированный, но и основной составы преступления.

С другой стороны, вряд ли у законодателя имелись веские основания для снижения (в 2016 г.) возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), фактическое совершение которого в этом возрасте ранее и так было наказуемо — как убийство (ст. 105 УК РФ). Причем, предприняв данный шаг, законодатель оставил без внимания другие составы, объективную сторону которых также составляет лишение жизни другого человека (покушение на лишение жизни другого человека) — посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), за совершение которых ответственность продолжает наступать с 16 лет.

МУК закрепил рекомендацию о том, что в случаях, предусмотренных законом, уголовной

¹⁶ То же самое следует сказать о законопроекте, суть которого заключалась в предложении о снижении «возраста уголовной ответственности в России до 12 лет за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления» (проект федерального закона № 293093-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (текст по состоянию на 02.12.2009) // СПС «КонсультантПлюс»). Следует признать, что в уголовно-правовой науке имеются сторонники данной позиции (см., например: *Давыденко В. М.* Уголовно-правовое значение возраста для дифференциации ответственности несовершеннолетних // *Адвокат.* 2011. № 3. С. 24). Более того, имеются сторонники снижения возраста уголовной ответственности до 13 (*Побегайло Э. Ф.* Право человека на жизнь и его уголовно-правовая охрана в России // *Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры / отв. ред. Б. В. Волженкин.* СПб., 1998. С. 46), до 12 (*Герасимова О. И.* Отдельные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних // *Вестник Адыгейского государственного университета.* 2005. № 4. С. 126–130) и даже до 11 лет (*Байбарин А. А.* К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности // *Пробелы в российском законодательстве.* Юридический журнал. 2008. № 2. С. 224–226).

¹⁷ Проект федерального закона № 750685-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

ответственности подлежит только лицо, достигшее более старшего возраста, чем 16 лет (ч. 3 ст. 22). К сожалению, российский законодатель, как и все остальные на постсоветском пространстве законодатели (кроме одного), проигнорировали данную рекомендацию. Лишь УК Республики Узбекистан (далее — УК РУ) пошел по пути установления исчерпывающего перечня преступлений, за совершение которых ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 18 лет (ст. 17)¹⁸.

Как нам представляется, российскому законодателю также следовало выполнить рекомендацию МУК, поскольку формально такая группа преступлений имеется и в УК РФ (ст. 135, 150, 151, 151.2, ч. 2 ст. 157, 332–352 и др.). Помимо них, в УК РФ есть еще большая группа преступлений, которые фактически могут быть совершены только лицами, достигшими 18 лет, например с использованием своего служебного положения.

Таким образом, если в УК большинства государств — участников СНГ закреплены только два возраста — 16 (общий) и 14 (специальный), по достижении которых лицо может быть привлечено к ответственности, то в УК РУ имеется еще и третий возраст (он же — второй специальный) — 18 лет.

Однако не только в случае недостижения 16 (14) лет лицо не привлекается к ответственности за совершенное преступление. Законом (ч. 3 ст. 20 УК РФ) уголовная ответственность

исключается, даже если несовершеннолетний достиг возраста ее наступления. Речь идет о ситуации, когда он вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими¹⁹. Например, по одному из дел Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что, хотя у обвиняемого отсутствует психическое заболевание, однако экспертизой обнаружена серьезная задержка психического развития вследствие перенесенных им при родах травмы головного мозга, асфиксии и недоношенности. Был сделан вывод о том, что по уровню общего психического развития обвиняемый не соответствует паспортному возрасту и не может считаться достигшим 14 лет²⁰.

Для обозначения обстоятельства, предусмотренного ч. 3 ст. 20 УК РФ, в теории уголовного права используются разные термины, например «психологический возраст»²¹, «возрастная незрелость»²². Однако наиболее часто используется понятие «возрастная невменяемость»²³. Очевидно, что такой термин является весьма условным, поскольку невменяемость, какой бы она ни была, всегда связана с психическим расстройством. Между тем при «возрастной невменяемости» лицо лишь отстает в своем психическом развитии, но остается при этом вменяемым, поскольку не имеет психического расстройства²⁴. В случае возникновения сомне-

¹⁸ К таким преступлениям в УК РУ отнесены: уклонение от содержания несовершеннолетних или нетрудоспособных лиц (ст. 122); нарушение законодательства об организации, проведении выборов или референдума (ст. 146); нарушение норм и требований экологической безопасности (ст. 193); злоупотребление властью или должностными полномочиями (ст. 205); привлечение невиновного к ответственности (ст. 230) и др.

¹⁹ В МУК это положение сформулировано несколько иначе: «Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой и второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии был неспособен в полной мере осознавать характер и значение своих действий либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности» (ч. 4 ст. 22).

²⁰ Определение № 45-096-154 по делу Бормотова (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1997 года от 14.05.1997 // СПС «КонсультантПлюс»).

²¹ Долгих Т. Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

²² Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 118–125.

²³ Например: Янина И. Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 117–137; Панарина В. В. Общественно опасные деяния, совершаемые лицами, не обладающими свойствами субъекта преступления // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 33–38; Мелешко Д. А. Квалификация соучастия в преступлении // Уголовное право. 2017. № 2. С. 78–85.

²⁴ Казалось бы, если у лица обнаружено и отставание в психическом развитии, и психическое расстройство, то такое лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности, однако, как показывает практика, это

ний в наличии такого состояния приговор не может быть вынесен²⁵.

Отставание в пределах возраста, по достижении которого наступает уголовная ответственность, на квалификацию не влияет. Так, по делу С., осужденного за убийство при отягчающих обстоятельствах (п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), Верховный Суд РФ разъяснил: «Как следует из заключения психолого-психиатрической экспертизы, возрастное развитие С. отстает от календарного и находится в рамках возрастного периода 16–18 лет ближе к его началу. С учетом данного заключения основания для прекращения дела в отношении С. в порядке ч. 3 ст. 20 УК РФ отсутствуют»²⁶.

В практике возник вопрос о том, идет ли речь в ч. 3 ст. 20 УК РФ только о лицах, достигших 16 (14) лет, или указанная норма может быть распространена также на тех, кто достиг 18 лет (как уже говорилось, субъектом большой группы преступлений формально или фактически может быть только лицо, достигшее 18 лет). По этому вопросу Верховный Суд РФ, рассмотрев апелляционные жалобы осужденной Б. и ее защитника на приговор одного из областных судов, указал, что положения ч. 3 ст. 20 УК РФ распространяют свое действие лишь на лиц, которые хотя и достигли возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 этой статьи (соответственно 16 и 14 лет), но остаются несовершеннолетними, тогда как Б. во время совершения ею преступных действий уже исполнилось 18 лет²⁷.

Следует сказать, что в Конституционный Суд РФ даже была подана жалоба о неконституционности ч. 3 ст. 20 УК РФ. Согласно материалам этого дела, гражданин А. С. Ногай был осужден за совершение в возрасте 18 лет 8 месяцев убийства и покушения на убийство двух лиц. При этом суд признал его вменяемым, а также учел заключение стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы о том, что осужденный обнаруживает органическое расстройство личности и не имеет признаков отставания в психическом развитии. Вышестоящими судами доводы апелляционной и кассационной жалоб о том, что психическое (интеллектуальное) развитие обвиняемого имеет значительные отклонения и соответствует несовершеннолетнему возрасту, были отклонены. Оспаривая конституционность ч. 30 ст. 20 УК РФ, заявитель утверждал, что она не позволяет проводить в отношении лица, достигшего по документам 18-летнего возраста, но имеющего отставание в развитии, подтвержденное медицинскими документами, судебную психолого-психиатрическую экспертизу для установления соответствия развития этого лица определенному возрасту, а также позволяет назначать при таких обстоятельствах наказание, руководствуясь лишь общими началами его назначения. Однако оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению Конституционный Суд РФ не нашел²⁸.

далеко не так. Например, по делу Ч. Верховный Суд РФ признал несостоятельными доводы жалобы адвоката о том, что «в соответствии с нормами ст. 20 ч. 3 УК РФ Ч. не подлежит уголовной ответственности, т.к. у него имеется отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность, поскольку из заключения судебной психолого-психиатрической экспертизы следует, что отставание в психическом развитии у Ч. связано с психическим расстройством» (определение Верховного Суда РФ от 07.06.2004 № 44-о04-51 // СПС «КонсультантПлюс»). Ч. назначено амбулаторное принудительное лечение у психиатра (ч. 2 ст. 99 УК РФ).

²⁵ Так, судом Ханты-Мансийского автономного округа 15-летней Ш. осуждена за убийство потерпевшей, находившейся в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Однако суд не дал оценки противоречиям между выводом эксперта-психолога о том, что Ш. по уровню развития не соответствует своему возрасту, а поэтому не в полной мере понимает значение своих действий и не может полностью руководить ими, и заключением эксперта-психиатра о том, что Ш. здорова и способна отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Исходя из этого, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор нижестоящего суда «вследствие односторонности или неполноты предварительного и (или) судебного следствия» (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1998 год // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁶ Определение Верховного Суда РФ от 08.09.2004 № 81-о04-66 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.05.2013 № 16-АПУ13-3 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ногай Артема Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

На наш взгляд, отказ российского законодателя от включения в ст. 20 УК РФ третьего возраста уголовной ответственности — 18 лет — привел к тому, что действительно в отношении лиц, достигших по документам 18-летнего возраста, но имеющих отставание в развитии, нельзя ставить вопрос о применении положений о «возрастной невменяемости».

Между тем фактическое привлечение к уголовной ответственности за отдельные преступления с 18 лет никуда не делось. Поэтому неприменение к ним названных положений и применение их только к лицам, достигшим 16 и 14 лет, следует считать определенным проявлением дискриминации по возрасту.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что возраст лица, совершившего преступление, по достижении которого оно привлекается к уголовной ответственности, следует рассматривать исключительно как часть основания данного вида юридической ответственности. Перманентное снижение возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет нельзя признать во всех случаях научно и практически обоснованным. Кроме того, следует вернуться к рекомендации Модельного УК о закреплении в ст. 20 УК РФ третьего (помимо 16 и 14 лет) возраста уголовной ответственности — 18 лет, что позволит судам, в частности, в необходимых случаях применять положения о «возрастной невменяемости».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байбарин А. А. К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2008. — № 2. — С. 224–226.
2. Герасимова О. И. Отдельные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2005. — № 4. — С. 126–130.
3. Давыденко В. М. Уголовно-правовое значение возраста для дифференциации ответственности несовершеннолетних // Адвокат. — 2011. — № 3. — С. 24.
4. Долгих Т. Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления // СПС «КонсультантПлюс», 2020.
5. Мелешко Д. А. Квалификация соучастия в преступлении // Уголовное право. — 2017. — № 2. — С. 78–85.
6. Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6. — С. 118–125.
7. Панарина В. В. Общественно опасные деяния, совершаемые лицами, не обладающими свойствами субъекта преступления // Уголовное судопроизводство. — 2018. — № 3. — С. 33–38.
8. Побегайло Э. Ф. Право человека на жизнь и его уголовно-правовая охрана в России // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры / отв. ред. Б. В. Волженкин. — СПб., 1998.
9. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1 : Преступление / под ред. А. И. Коробеева. — Владивосток, 1999. — 604 с.
10. Уголовное право России. Общая часть : курс лекций / под ред. А. П. Кузнецова, Е. Е. Черных. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 568 с.
11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. — М. : Проспект, 2019. — 416 с.
12. Хромова Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. — 2018. — № 4. — С. 96–109.
13. Янина И. Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3. — С. 117–137.

Материал поступил в редакцию 27 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Baibarin AA. K voprosu o minimalnom vozraste nastupleniya ugolovnoy otvetstvennosti [About the issue of the minimum age of criminal responsibility]. *Gaps in Russian Legislation. Law Journal*. 2008;2:224-226 (in Russ.).
2. Gerasimova OI. Otdelnye aspekty ugolovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Separate aspects of criminal liability of minors]. *The Bulletin of Adyghe State University: Internet Scientific Journal*. 2005;4:126-130 (In Russ.).

3. Davydenko VM. Uголовно-prавовое znachenie vozrasta dlya differentsiatsii otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Significance of age for differentiation of liability of minors in the context of criminal law]. *Jurist.* 2011;3:24 (In Russ.).
4. Dolgikh TN. Ponyatie i priznaki subekta prestupleniya. Osobennosti spetsialnogo subekta prestupleniya [The concept and signs of the subject of crime. Features of the special subject of the crime]. SPS «ConsultantPlus»; 2020 (In Russ.).
5. Meleshko DA. Kvalifikatsiya souchastiya v prestuplenii [Qualification of complicity in a crime]. *Criminal Law.* 2017;2:78-85 (In Russ.).
6. Mukhacheva IM. Primenenie polozheniy ch. 3 st. 20 UK RF o «vozrastnoy nezrelosti» [Application of Provisions of Part 3 of Art. 20 of The Criminal Code of The Russian Federation on «Age Immaturity»]. *Aktual'nye problemi rossijskogo prava.* 2018;6:118-125 (In Russ.).
7. Panarina VV. Obshchestvenno opasnye deyaniya, sovershaemye litsami, ne obladayushchimi svoystvami subekta prestupleniya [Socially dangerous acts committed by persons who do not have the properties of the subject of a crime]. *Criminal Judicial Proceeding.* 2018;3:33-38 (In Russ.).
8. Pobegailo EF. Pravo cheloveka na zhizn i ego uголовно-pravovaya okhrana v Rossii [The human right to life and its criminal law protection in Russia]. In: Volzhenkin BV, editor. *Universal Declaration of Human Rights and the Human Rights Function of the Prosecutor's Office.* St. Petersburg; 1998 (In Russ.).
9. Korobeev AI, editor. Rossiyskoe uголовное pravo : kurs lektsiy. [Russian criminal law: a course of lectures]. Vol. 1: A Crime. Vladivostok; 1999 (In Russ.).
10. Kuznetsov AP, Chernykh EE, editors. Uголовное pravo Rossii. Obshchaya chast : kurs lektsiy [Criminal law of Russia. General part: course of lectures]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2018 (In Russ.).
11. Gracheva YuV, editor. Uголовное pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast : uchebnyk [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 2019 (In Russ.).
12. Khromova NM. Vozrast uголовной otvetstvennosti nesovershennoletnikh [The age of criminal liability of minors]. *Journal of Russian Law.* 2018;4:96-109 (In Russ.).
13. Yanina IYu. Ponyatie i vidy prichineniya v uголовном prave [Concept and types of inflicting in criminal law]. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki.* 2019;3:117-137 (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.056-063

Д. А. Шаманский*

Primum mobile коррупционера: понятие, особенности развития и предупредительной деятельности

Аннотация. В статье исследуются внутренние психологические особенности коррупционера, его основная движущая сила (мотивация). Автор статьи отмечает, что внутренняя мотивация личности проявляется в ее потребностях. Невозможность удовлетворения основных потребностей и интересов легальным путем подталкивает личность к выбору коррупционной модели поведения. В качестве основного *primum mobile* коррупционера автор называет эгоизм, корысть и иной личный интерес.

Интерес к мотивационной направленности отдельного вида преступности в криминологической науке является широким и безграничным. Это связано с тем, что *primum mobile* преступника формируется вместе с личностью преступника. При этом формирование *primum mobile* во многом зависит не только от внутренних характеристик личности, но и от внешних факторов, которые оказывают на нее воздействие. По мнению автора, обстоятельства, влияющие на формирование *primum mobile* коррупционера, должны быть устранены путем идеологического и социального воспитания личности с обязательным созданием и применением системы раннего порицания коррупционных взглядов и ориентиров. Процесс самореализации личности и удовлетворения основных потребностей и интересов должен исключать коррупционную модель поведения.

Автор указывает на очевидную необходимость расширения мер, направленных на противодействие коррупционной деятельности. В целях реализации эффективных мер, гарантирующих антикоррупционную безопасность Российской Федерации, необходимо минимизировать или исключить любую возможность приобретения благ, удовлетворения потребностей и интересов личности с помощью коррупционных практик. Процесс самореализации личности и удовлетворения основных потребностей и интересов должен стать максимально доступным и прозрачным, а также должен исключать коррупционную модель поведения.

Ключевые слова: коррупция; коррупционная деятельность; личность коррупционера; психологические особенности; коррупционная мотивация; психология; социальное воспитание.

Для цитирования: Шаманский Д. А. *Primum mobile* коррупционера: понятие, особенности развития и предупредительной деятельности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 56–63. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.056-063.

Primum Mobile of a Corrupt Official: The Concept, Features of Development and Preventive Activities

Dmitriy A. Shamanskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute, the North Caucasus State Academy
ul. Stavropolskaya, d. 36, Cherkessk, Russia, 369000
shama.80@mail.ru

Abstract. The paper examines the internal psychological characteristics of a corrupt official, his main driving force (motivation). The author highlights that the internal motivation of a person is manifested in his needs. The

© Шаманский Д. А., 2022

* Шаманский Дмитрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказской государственной академии
Ставропольская ул., д. 36, г. Черкесск, Россия, 369000
shama.80@mail.ru

impossibility of satisfying basic needs and interests in a legal way pushes a person to choose a corrupt behavior model. The author names selfishness, self-interest and other personal interests as the main primum mobile of a corrupt official.

The interest in the motivation of a particular type of crime in the criminological science is broad and boundless. This happens due to the fact that the criminal's primum mobile is formed along with the criminal's personality. At the same time, the formation of primum mobile largely depends not only on the internal characteristics of the individual, but also on external factors that affect him.

According to the author, the circumstances influencing the formation of the primum mobile of a corrupt official should be eliminated through ideological and social education of the individual with the mandatory creation and application of a system of early censure of corrupt views and guidelines. The process of self-realization of the individual and satisfaction of basic needs and interests should exclude a corrupt behavior model.

The author points to the obvious need to expand measures aimed at combating corruption. In order to implement effective measures that guarantee the anti-corruption security of the Russian Federation, it is necessary to minimize or exclude any possibility of acquiring benefits, satisfying the needs and interests of the individual through corrupt practices. The process of self-realization of the individual and satisfaction of basic needs and interests should become as accessible and transparent as possible, and it should exclude a corrupt behavior model.

Keywords: corruption; corrupt activities; identity of the corrupt official; psychological features; corrupt motivation; psychology; social education.

Cite as: Shamanskiy DA. Primum mobile korrupsionera: ponyatie, osobennosti razvitiya i predupreditelnoy deyatel'nosti [Primum Mobile of a Corrupt Official: The Concept, Features of Development and Preventive Activities]. *Lex russica*. 2022;75(2):56-63. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.056-063. (In Russ., abstract in Eng.).

С латинского языка *primum mobile* переводится как «основная движущая сила», «основной побудительный мотив»¹. В уголовно-правовой науке под мотивом преступления понимаются обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствуется при его совершении². По сути, мотив является одним из признаков субъективной стороны состава преступления. Мотив влияет на итоговое наказание и квалификацию (работает принцип дифференциации и индивидуализации наказания), поэтому требуется его установление и доказывание. На данном основании Верховный Суд РФ указал судам на необходимость выполнения требований ст. 307 УПК РФ, согласно которой обвинительный приговор должен раскрывать мотивы и цели преступления³. На этом интерес к мотиву преступления как со стороны уголовно-правовой науки, так и со стороны судебной практики следует считать исчерпанным.

В свою очередь, интерес к мотивационной направленности отдельного вида преступности в криминологической науке является настолько безграничным, что изучение данного вопроса требует особых усилий. Это связано с тем, что *primum mobile* преступника формируется вместе с личностью преступника. Кроме того, формирование *primum mobile* во многом зависит не только от внутренних характеристик личности, но и от внешних факторов, которые оказывают на нее воздействие.

Необходимо отметить, что формирование основных взглядов, принципов, ориентиров и ценностей личности может быть подвергнуто изменению. В этой связи вопрос *primum mobile* коррупционера должен быть максимально исследован в целях разработки адекватных мер, направленных на пресечение и предупреждение коррупционного поведения.

Внутренняя мотивация коррупционера формируется в процессе становления и формирования самой личности. Итоговая совокупность взглядов, установок и ценностей, которые ис-

¹ См.: Латинский словарь // URL: <https://latin.slovaronline.com> (дата обращения: 16.11.2021).

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 183.

³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 07.12.2016. № 277 ; УПК РФ от 18.12.2001 № 171-ФЗ // Российская газета. 22.12.2001. № 249.

пользует личность в качестве базовых, зависит от совокупности внутренних морально-психологических особенностей личности и внешних факторов, повлиявших на ее формирование. Перечень внешних факторов, которые влияют на формирование и становление внутренней мотивации коррупционера, весьма велик и не может быть исчерпывающим. В качестве основных внешних факторов необходимо назвать отсутствие системы государственного идеологического образования или воспитания, направленного на привитие личности общественно полезных установок, ориентиров и ценностей; низкий уровень доверия к органам власти со стороны населения, низкий уровень антикоррупционного правосознания в обществе, существенная разница между доходами бедных и богатых и т.п.

В качестве внутренних морально-психологических факторов, влияющих на становление личности коррупционера, следует назвать отсутствие социально полезных установок и ориентиров, личный эгоизм, корысть или иной личный интерес. В своих трудах В. И. Ленин отмечал, что судить о реальных помыслах и чувствах личности необходимо на основании ее общественно полезных действий и поступков⁴. Действительно, полное отсутствие или низкий уровень качества общественно полезных действий и поступков личности в достаточной мере характеризует как личность, так и ее внутреннее отношение к таким важным институтам, как семья, гражданское общество или государство. Более того, представляется важным и необходимым сегодня широко использовать и применять данную практику, на основании которой эффективность деятельности представителей органов власти и должностных лиц должна оцениваться в зависимости от количества и качества реализуемых общественно полезных проектов. Необходимо отметить, что ситуация, при которой чиновник годами занимает свою должность и за данный период не реализует ни единого общественно полезного проекта, стала обыденной практикой для многих регионов России. Соответственно, *primum mobile* подобного чиновника установить несложно — это либо эгоизм, либо иной корыстный интерес.

Шотландский ученый А. Фергюсон также пришел к выводу о том, что все человеческие занятия следует делить на два класса: эгоистические и социальные. Лица, относящиеся к первому классу, корыстолюбивы, склонны к соперничеству, вражде и разобщению людей. Вторые, напротив, честолюбивы и законопослушны, склонны объединять людей и легко уживаются в коллективе⁵. По его мнению, именно эгоисты, в целях защиты собственного бытия и достижения личного успеха, склонны избирать коррупционную модель поведения. Ф. Ницше отмечал, что у всех людей мстительного типа *primum mobile* — ненависть и презрение⁶.

Внутренняя мотивация, как правило, проявляется в потребностях личности. Удовлетворение основных потребностей и интересов личности не предполагает выбора коррупционной модели поведения в случае, если процесс удовлетворения основных потребностей (питание, жилье, работа, образование и т.п.) является высокоорганизованным и доступным. Следует также отметить, что невозможно полностью исключить коррупционную модель поведения в результате создания условий, возможностей и организации равного доступа к удовлетворению основных потребностей личности. Это связано с тем, что *primum mobile* коррупционера может проявляться на бессознательном уровне⁷. В этом случае речь идет об отдельных лицах, у которых негативные условия формирования личности проявляются в качестве внутренних психических аномалий.

Кроме того, коррупционная деятельность порождает антикоррупционную деятельность. И в этой связи видится важным раскрыть внутреннюю мотивацию лиц, противодействующих коррупционной деятельности. Основным *primum mobile* лиц, противодействующих коррупционной деятельности, является желание восстановить или защитить социальную справедливость. В случае, когда уровень коррумпированности власти высок и осуществление процесса восстановления социальной справедливости легитимными способами не представляется возможным, *primum mobile* борца с коррупцией перерастает в открытый экстремизм.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 1. С. 423–424.

⁵ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 293.

⁶ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2019. С. 81.

⁷ См.: Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 35.

Например, командир кавалерии Красной армии и создатель первых конных войск Б. М. Думенко прославился тем, что вел эффективную ожесточенную борьбу против регулярной царско-казахской армии во время Гражданской войны. Сын крестьянина с детства ухаживал за лошадьми, был помощником табунщика⁸. Классовое неравенство того времени и массовые факты проявления несправедливости со стороны казахской знати по отношению к крестьянам привели к тому, что именно крестьяне в поисках справедливости и равного доступа к материальным благам пополняли ряды Красной армии. Похожие примеры истории связаны с именами Б. М. Хмельницкого, Е. И. Пугачева и др.

По сути, коррумпированная власть порождает в обществе массовые проявления экстремистских настроений. Коррупция во власти разрушает государство тем, что порождает недоверие к власти со стороны населения, желание вовсе отказаться от подобной власти, а также готовность населения идти на самые крайние меры для достижения цели смены политического режима. В случае с Б. М. Хмельницким нежелание польских властей восстановить социальную справедливость впоследствии стоило Польше утраты значительной части ее территории⁹.

Следует отметить, что это примеры не отдельных исторических личностей, которые пытались восстановить социальную справедливость. За этими людьми следовали массы других ущемленных властью людей. Массовые проявления коррупции и невозможность восстановления социальной справедливости также привели к распаду Римской империи. Например, в целях восстановления социальной справедливости римский трибун Тиберий Гракх выступал за запрет на продажу и скупку земель римских легионеров состоятельными римлянами, так как это приводило к массовому появлению бедных и бездомных. Состоятельные римляне, воспользовавшись долгим отсутствием легионеров, выкупали или присваивали их земли, жен и имущество. В итоге римскими властями был принят земельный закон братьев Гракхов, который впоследствии был отменен и разорение легионеров продолжилось¹⁰. Таким

образом, коррупция во власти сначала порождает антикоррупционную деятельность среди населения, затем неизбежно приводит к массовому экстремизму и разрушению существующего политического государственного режима.

Раскрывая *primum mobile* коррупционера, необходимо отметить, что его внутренняя мотивация — это некий результат формирования и становления личности. Итоговый *primum mobile* личности напрямую зависит от обстоятельств и условий, при которых формировалась личность.

На основании изложенного представляется возможным раскрыть и предложить основные меры предупредительной деятельности, направленные на достижение целей антикоррупционной безопасности. Эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от устранения причин, условий, обстоятельств и факторов, способствующих ее возникновению и существованию. При наличии основных знаний об обстоятельствах и о причинах формирования *primum mobile* коррупционера возможность их устранения становится очевидной.

В этой связи всех коррупционеров в зависимости от мотивационной направленности представляется возможным разделить на две основные категории. Первая — это лица, реализующие коррупционную модель поведения в целях удовлетворения основных потребностей и интересов личности в связи с невозможностью удовлетворения данных потребностей иным законным способом. Вторая — это лица, страдающие негативными внутренними психическими аномалиями как на сознательном, так и на бессознательном уровне. Для первой категории антикоррупционная безопасность гарантирована в случае создания государством для граждан соответствующих благоприятных условий, позволяющих удовлетворять потребности и интересы личности, не прибегая к коррупционной модели поведения. Личность должна иметь доступную и легальную возможность удовлетворять свои основные потребности в социальном, спортивном, профессиональном, культурном, творческом и духовном развитии. Отсутствие подобных возможностей приводит либо к социальной изоляции личности, либо к выбору нелегальной модели поведения, которая в конечном счете позволит личности

⁸ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.11.2021).

⁹ См.: *Хмельницкий Б. М.* Биография. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.11.2021).

¹⁰ См.: *Вигасин А. А., Годер Г. И., Свенцицкая И. С.* История Древнего мира : учебник для образовательных организаций / под ред. А. А. Искендерова. М., 2017. С. 242.

получить или удовлетворить искомое благо, интерес, потребность. Некоторые исследователи отмечают, что основная причина дефекта правосознания обусловлена тем, что в современных условиях российского общества ограничены возможности для удовлетворения даже минимальных потребностей¹¹.

В первую очередь речь идет о доступности, прозрачности и реальной возможности удовлетворения таких основных потребностей личности, как трудоустройство в органы государственной власти; поступление в вуз; получение государственных, муниципальных, медицинских и прочих услуг легальными способами. Прозрачность и доступность удовлетворения названных потребностей личности сегодня не является реальной. На сегодняшний день многое сделано в сфере прозрачности и доступности предоставления отдельных государственных и муниципальных услуг с появлением официального сайта «Госслужба», единого Портала государственных услуг РФ. К сожалению, для достижения целей доступности и прозрачности государственных услуг реализация и принятие данных мер являются недостаточными, в связи с тем что доступными стали лишь отдельные виды государственных и муниципальных услуг. Многие услуги невозможно получить без преодоления существующих административных барьеров. Например, успешная сдача экзамена на должность судьи не гарантирует кандидату трудоустройство в данной должности, поскольку кандидата на должность судьи должен рекомендовать председатель данного суда. Безусловно, данный порядок является коррупциогенным фактором и административным барьером для граждан, желающих реализовать себя в сфере правосудия. Прозрачная, доступная и реальная возможность стать министром, председателем правительства, ректором, прокурором также отсутствует. Включение в федеральный резерв управленческих кадров того или иного кандидата не представ-

ляется возможным без использования административного ресурса. Более того, дальнейшее движение по этапам вертикали власти также не является прозрачным. Невозможно получение ученых степеней и званий в удаленном формате без использования административного ресурса и т.п. В подобных обстоятельствах, преодолевая существующие административные барьеры, личность вынужденно избирает коррупционную модель поведения в целях самореализации или удовлетворения своих потребностей и интересов¹².

Для второй категории коррупционеров антикоррупционная безопасность гарантирована в случае активного участия государства в формировании личности гражданина.

В качестве фундаментальных основ формирования личности гражданина необходимо назвать следующие. Это создание необходимых условий для самореализации личности, для ее гармоничного развития и становления, а также обязательное участие общественных и государственных институтов в формировании антикоррупционных ценностей, ориентиров и установок личности. Личность должна иметь общественно полезные установки, антикоррупционные взгляды, должна порицать коррупционную модель поведения, презирать корысть и эгоизм во всех его проявлениях. Процесс формирования личности гражданина — это не простой системный труд, который должен проявляться в масштабном государственном идеологическом воспитании. Многие российские криминологи также отмечают, что ценности и вся мотивационная сфера могут поддаваться изменению и перестройке, что является основой успеха предупредительной деятельности¹³.

Следует также отметить, что образовательные учреждения, государственное телевидение, современный кинематограф и современная литература не прививают гражданам антикоррупционных взглядов, высоконравственных и духовных ценностей, общественно

¹¹ См.: Аглямова Г. М., Харисова Э. А., Шакирова А. А. Изучение личности преступника как основа предупреждения коррупционной преступности в образовательной сфере // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 235.

¹² См.: Следственный комитет завел дело о взятках биткоинами за диссертации в МПГУ // URL: <https://www.rbc.ru/society/25/08/2021/61262ebe9a7947383e067c59> ; По запросу Александра Бастрыкина началось расследование о крупной судейской взятке // URL: <https://rg.ru/2021/04/01/glava-sk-iniciiroval-rassledovanie-o-krupnoj-sudejskoj-vzjatke.html> ; Пообещали за 12 млн должность федерального судьи // URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777389989/> (дата обращения: 23.11.2021).

¹³ См.: Антоян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 146. С. 336.

полезных установок, важность и необходимость порицания и презрения корысти и эгоизма во всех его проявлениях. Во многом это связано с действующими положениями ст. 13 Конституции РФ, в силу требований которой в России признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной¹⁴. По сути, частью 2 ст. 13 Конституции РФ наложен прямой запрет на государственное идеологическое воспитание, который позволяет иным негосударственным организациям выполнять данную задачу. Представляется, что идеологическое воспитание, в основе которого лежат высоконравственные и духовные общественно полезные взгляды, установки и ценности, принятые и признанные многонациональным народом России в качестве основных, должно и может быть сформулировано в качестве основной государственной идеологии. Практическое применение и реализация названных норм Конституции РФ привели к образованию идеологического вакуума, который каждая личность заполняет самостоятельно — так, как считает нужным. Необходимо указать на то, что бездействие власти в системной, государственной идеологической работе неминуемо приведет к появлению негосударственных или иностранных организаций, которые успешно используют имеющиеся возможности заполнения идеологического вакуума гражданами для себя либо вовсе разрушительными для Российского государства взглядами, ценностями и установками. Среди которых следует назвать низкий уровень патриотизма, высокое распространение корыстных целей и эгоизма, высокую степень недоверия к власти со стороны населения, низкий уровень антикоррупционного правосознания и т.п.

В заключение необходимо отметить, что антикоррупционная безопасность государства во многом зависит от совокупности внешних факторов, условий и обстоятельств, в которых формируются антикоррупционные ориентиры, взгляды и установки личности и общества. Учитывая сложившиеся неблагоприятные условия и обстоятельства, которые влияют на формирование и развитие коррупции, а также общий

рост коррупционной преступности, следует указать на очевидную недостаточность реализуемых мер, направленных на обеспечение антикоррупционной безопасности. Стабильность и даже рост преступлений коррупционной направленности подтверждаются данными уголовной статистики. Так, в 2019 г. по делам коррупционной направленности было вынесено 15 562 обвинительных приговоров¹⁵. Согласно официальным данным МВД РФ, в 2020 г. около 16 % от общего количества зарегистрированных преступлений составили преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления и около 2 % — преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях¹⁶.

Кроме того, желание или мотивация приобрести благо или право на имущество, удовлетворить иной личный интерес путем преодоления запретов и ограничений зачастую возникает у коррупционера на основании предыдущего опыта или рецидива ранее совершенных коррупционных деяний. Названный опыт приобретается личностью самостоятельно или о нем становится известно от третьих лиц. Например, гражданин К. приобрел сертификат о вакцинации у гражданина Н. и рекомендовал поступать так же своим родственникам и знакомым.

Соответственно, подобный порядок дел приводит к распространению в обществе коррупционного правосознания. Следует указать на то, что иные коррупционные деяния в сознании граждан вовсе расцениваются как нечто дозволенное. Например, должностное лицо предоставило супруге служебное транспортное средство с водителем для постоянного использования в личных целях; один чиновник обратился к другому с просьбой трудоустроить знакомого; декан обратился к преподавателю с просьбой оказать услугу на экзамене и т.п.

В результате человек, который решает вопросы с трудоустройством, оформлением справок, выдачей заключений, разрешений и иных правоустанавливающих документов, преодолевая установленный порядок, запреты и ограничения, считается успешным и даже вос-

¹⁴ См.: Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

¹⁵ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 24.12.2020).

¹⁶ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. Раздел статистика. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.11.2021).

требуемым в обществе. В свою очередь, человек, который является должностным лицом, но при этом не совершает действий в обход установленного порядка, мало кому интересен. Распространенность коррупционных практик в первую очередь обусловлена нормативно-правовыми причинами и факторами, в центре которых несовершенство антикоррупционного законодательства РФ. Иная коррупционная деятельность нормативно не регламентирована. Нормы запрета, предусматривающие ответственность за осуществление иной коррупционной деятельности, как в административном, так и в уголовном законодательстве отсутствуют. Вряд ли сегодня в образовательном учреждении удастся найти локальный акт, прямо запрещающий (порицающий) деятельность одного преподавателя в виде обращения к другому с просьбой о благосклонности или выставлении завышенной оценки. Отсутствуют в органах власти локальные акты, запрещающие чиновникам принимать на работу по просьбе. Локальные акты, порицающие протекционизм и относящие его к видам коррупционной деятельности, вовсе отсутствуют. При этом согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹⁷ карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получение взаимной услуги, сокрытие своей некомпетентности, протекционизм, корыстную заинтересованность, иную личную заинтересованность выс-

ший суд относит к признакам субъективной стороны ст. 285 УК РФ «злоупотребление должностными полномочиями».

Таким образом, *primus mobile* коррупционера имеет некую общественную распространенность или даже признание.

Кроме того, распространенность коррупционных практик обусловлена отсутствием реальных, доступных способов и возможностей для удовлетворения основных потребностей и интересов личности легальным способом.

В этой связи органы государственной власти, осознавая разрушительную потенциальную опасность коррупционной деятельности, должны расширить перечень мер, направленных на противодействие коррупционной деятельности. Существующая совокупность обстоятельств, причин и условий, влияющих на формирование *primus mobile* коррупционера, должна быть устранена путем идеологического и социального воспитания личности с обязательным созданием и применением системы раннего порицания коррупционных взглядов, установок и ориентиров.

В целях реализации эффективных мер, гарантирующих антикоррупционную безопасность РФ, необходимо минимизировать или исключить любую возможность приобретения благ, удовлетворения потребностей и интересов личности с помощью коррупционных практик. Процесс самореализации личности и удовлетворения основных потребностей и интересов должен стать максимально доступным и прозрачным, а также должен исключать коррупционную модель поведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аглямова Г. М., Харисова Э. А., Шакирова А. А. Изучение личности преступника как основа предупреждения коррупционной преступности в образовательной сфере // Бизнес. Образование. Право. — 2019. — № 3 (48). — С. 232–237.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. — М. : Юристъ, 1996. — 336 с.
3. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 366 с.
4. Вигасин А. А., Годер Г. И., Свенцицкая И. С. История древнего мира : учебник для образовательных организаций / под ред. А. А. Искендерова. — М. : Просвещение, 2017. — 303 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М. : Политиздат, 1967. — 662 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. — М. : АСТ, 2019. — 480 с.

¹⁷ Российская газета. 30.10.2009. № 207.

7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2000. — 479 с.
8. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. — 392 с.

Материал поступил в редакцию 28 ноября 2021 г.

REFERENCES

1. Aglyamova GM, Kharisova EA, Shakirova AA. Izuchenie lichnosti prestupnika kak osnova preduprezhdeniya korruptsiionnoy prestupnosti v obrazovatel'noy sfere [The study of the criminal personality as the basis of prevention of corruption criminality in the system of higher education]. *Business. Education. Law*. 2019;3(48):232-237 (In Russ.).
2. Antonyan YuM, Enikeev MI, Eminov VE. Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy [Psychology of a criminal and investigation of crimes]. Moscow: Jurist Publ.; 1996 (In Russ.).
3. Antonyan YuM, Kudryavtsev VN, Eminov VE. Lichnost prestupnika [Personality of the perpetrator]. St. Petersburg: Legal Center-Press; 2004 (In Russ.).
4. Vigasin AA, Goder GI, Svetsitskaya IS. Istoriya drevnego mira : uchebnik dlya obrazovatel'nykh organizatsiy [History of the ancient world: a textbook for educational organizations]. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 2017 (In Russ.).
5. Lenin VI. Polnoe sobranie sochineniy. T. 1 [Full composition of writings. Vol. 1. Moscow: Politizdat Publ.; 1967 (In Russ.).
6. Nietzsche F. Volya k vlasti [Will to power]. Moscow: AST Publ.; 2019 (In Russ.).
7. Zdravomyslov BV, editor. Uголовное право Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast : uchebnik [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. 2nd ed. Moscow: Jurist; 2000 (In Russ.).
8. Ferguson A. Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva [Experience in the history of civil society]. Moscow: Russian political encyclopedia Publ.; 2000 (In Russ.).

Политико-правовые трансформации экономики в концепции кубинского социализма

Аннотация. Статья посвящена основным принципам политико-правовой трансформации экономики в доктрине кубинского социализма. Сам кубинский социализм рассматривается в трех ипостасях: как социально-политический строй, как общественное движение и как политико-правовая доктрина. В статье подчеркивается системообразующее значение экономики как объекта политико-правовых трансформаций; отмечается особая гибкость соответствующей концепции, позволившая в ситуации ограниченности природных ресурсов и масштабной экономической блокады найти множество верных решений поставленных задач; выводятся современные основополагающие принципы экономического строительства, служащие ориентиром для принятия как сегодняшних политико-экономических решений, так и для определения экономической стратегии будущего.

Экономическая проблематика в политико-правовой доктрине кубинского социализма во все времена имела системообразующий характер, оказываясь одним из основных слагаемых, опираясь на которое указанное учение могло объяснять сложнейшие политико-правовые процессы настоящего и осветить горизонты будущего. Гибкость экономической мысли, свойственная кубинским революционерам, в синтезе с ее глубокой ценностной ориентированностью позволяла в труднейших условиях экономической блокады принимать верное решение и уверенно идти вперед. Благодаря указанному обстоятельству кубинский социализм как общественный строй показал удивительную устойчивость на протяжении более чем шести десятилетий, меняясь и трансформируясь в соответствии с требованиями времени и стремительно меняющейся мировой реальностью. В настоящее время экономическая доктрина Острова свободы продолжает свое видоизменение и обогащение, находя всё более эффективные, комплексные и системные решения в ответ на глобальные вызовы современности, порождаемые бурными волнами двадцать первого столетия.

Ключевые слова: социализм; кубинский социализм; экономика; экономические принципы; Кубинская революция; Куба; политико-правовое регулирование экономики.

Для цитирования: Сергеев А. Л. Политико-правовые трансформации экономики в концепции кубинского социализма // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 64–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.064-076.

Political and Legal Transformations of the Economy in the Concept of Cuban Socialism

Aleksandr L. Sergeev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
alsergeev1980@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the main principles of the political and legal transformation of the economy in the doctrine of Cuban socialism. Cuban socialism itself is threefold: a socio-political system, a social movement,

© Сергеев А. Л., 2022

* Сергеев Александр Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
alsergeev1980@mail.ru

and a political and legal doctrine. The paper highlights the backbone importance of the economy as an object of political and legal transformations, focuses on the special flexibility of the corresponding concept, which made it possible, in a situation of limited natural resources and a large-scale economic blockade, to find many correct solutions to the tasks set. The author describes modern fundamental principles of economic construction that serve as a guideline for making both today's political and economic decisions, and for determining the economic strategy of the future.

An economic agenda in the political and legal doctrine of Cuban socialism at all times was of a system-forming nature, being one of the main components, relying on which this doctrine could explain the most complex political and legal processes of the present and illuminate the horizons of the future. The flexibility of economic thought inherent to the Cuban revolutionaries in synthesis with its deep value orientation, made it possible in the most difficult conditions of the economic blockade to make right decisions and confidently move forward. Due to this circumstance, Cuban socialism as a social system has shown amazing stability for more than six decades, changing and transforming in accordance with the requirements of the time and a rapidly changing world reality. At present, the economic doctrine of the Island of Freedom continues its modification and enrichment, finding more and more effective, comprehensive and systemic solutions in response to the global challenges of our time generated by the stormy waves of the 21st century.

Keywords: socialism; Cuban socialism; economy; economic principles; Cuban Revolution; Cuba; political and legal regulation of the economy.

Cite as: Sergeev AL. Politiko-pravovye transformatsii ekonomiki v kontseptsii kubinskogo sotsializma [Political and Legal Transformations of the Economy in the Concept of Cuban Socialism]. *Lex russica*. 2022;75(2):64-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.064-076. (In Russ., abstract in Eng.).

Феномен кубинского социализма необходимо рассматривать в трех ипостасях: как социально-политический строй, сложившийся на Кубе за последние полвека; как общественно-политическое течение, институционализированное прежде всего в рамках Кубинской коммунистической партии; в качестве специфической политико-правовой доктрины, трансформировавшейся под влиянием практики второй половины XX — первых десятилетий XXI в. Целью настоящей статьи является выведение основных принципов экономического строительства, свойственных кубинскому социализму как политико-правовому учению.

Проблематика кубинского социализма как политико-правового учения чрезвычайно широка и многообразна. Идеино-смысловые основы, сформировавшиеся в кубинском обществе на протяжении последних двух столетий и составляющие сегодня его основу, глубоко затронули экономическую проблематику.

Экономическая доктрина кубинского социализма — феномен, продемонстрировавший исключительную динамичность и гибкость. Некоторые ее принципы изначально стали системообразующими, обусловившими ее стратегическую направленность (экономоцентризм, стремление к построению нового, справедливого международного экономического порядка, экономико-правовой прагматизм и антидогматизм и др.); некоторые постулаты имели локальный характер, обусловленный

конкретной исторической эпохой и особенностью внутринациональных социальных процессов (сохранение широкой распределительной системы, обусловленной ограниченностью островных ресурсов и масштабной экономической блокадой со стороны США); от некоторых теоретических аспектов пришлось отказаться под влиянием практики (революционный романтизм революционеров в 1960-е гг., попытки «взять крепость одним приступом», неудачи «великой сафры» начала 1970-х гг. и др.). Под влиянием времени экономическая доктрина кубинского социализма стала приобретать всё более фундаментальный характер и долговременные очертания своего действия, направленные на глубинную историческую перспективу.

Идеология марксизма сыграла на определенном этапе истории важную роль в становлении кубинского социалистического движения. Фидель Кастро — многолетний лидер кубинской Революции — неоднократно подчеркивал, что марксизм помог ему сформировать категориальный аппарат, позволяющий комплексно анализировать кубинские экономические проблемы, равно как и способы и средства их дальнейшего решения.

В то же время следует подчеркнуть, что на ранних этапах своего оформления кубинская социально-политическая мысль и практика были в большей степени обязаны ленинизму — самостоятельному политическому учению, глубоко трансформировавшему мар-

ксистские постулаты при решении обширных и сложных задач текущей российской практики. Для настоящей проблематики наиболее важное значение имеют работы В. И. Ленина, в которых говорится о возможности построения социализма и победы социалистической революции в преимущественно крестьянской стране за счет теснейшего сплочения рабочего класса и крестьянства в аспекте борьбы за политическую и власть, и дальнейшую трансформацию общественной жизни¹.

Дореволюционная Куба была страной с преобладающим крестьянским населением. Массовая поддержка крестьянства (а не пролетариата, как во многих революциях европейского типа) стала основополагающим и решающим фактором, обеспечившим победу национально-освободительной революции, очень быстро принявшей социалистический характер.

В рассматриваемом нами аспекте немало важен и внешний фактор. В течение долгого времени Куба была объектом уродливых форм колониальной и неоколониальной эксплуатации, «слабым звеном», ощущающим на себе гнет и тяготы крупнейших империй мира. Социально-революционное освобождение Кубы и ее дальнейшее движение вперед во многом стали результатом того, что кубинский компонент оказался одним из решающих в глобальном антиимпериалистическом политическом процессе. Яркая иллюстрация этому — главенствующая роль Кубы на протяжении многих лет в Движении неприсоединения, а также во множестве иных совместных стратегических инициатив стран «третьего мира», зафиксированных в целом ряде международно-правовых документов. Влияние ленинизма на кубинский идейно-смысловой контент привело к тому, что марксистский экономический язык оказался освобожден от евроцентристского идеологического тренда, что создало возможность для его дальнейшего творческого применения и трансформации в новейших реалиях современности.

Кубинский социально-политический и политико-правовой процесс, предопределенный

Революцией 1959 г., стал определяться решением новых сложных задач, обуславливаемых совокупностью внутренних и внешних параметров кубинской реальности. Результатом вышеуказанных трансформаций оказалась система принципов, отражающих на сегодняшний день взгляд на кубинское социалистическое учение как на объект постоянного и целенаправленного воздействия со стороны социальных и политических институтов. Рассмотрим более подробно каждый из них.

1. Экономоцентризм — основа государственно-правовой доктрины. Социализм и коммунизм — сумма просвещения и материального изобилия. Фидель Кастро — основной идеолог и транслятор стратегической линии развития социалистической Кубы — неоднократно отмечал, что коммунизм равен сумме высоко развитого материального и нематериального производства, достигаемого параллельно с просвещением населения, гуманистическим воспитанием человека и всесторонним подъемом его культуры. В одном из послереволюционных выступлений Ф. Кастро подчеркивает: «Главную роль играют материальные средства, материальные условия плюс просвещение, так как само по себе изобилие еще недостаточно для воспитания человека коммунистического общества... Капитализм создает общество волков, где люди пожирают один другого, в котором все люди — враги. Нужно создать общество, в котором все мы будем братьями друг другу. Именно тут-то и надо воспитывать в человеке добрые начала»². Иными словами, экономоцентризм кубинского социализма требует новой этики, которая способна существовать лишь на основе определенного уровня развития материального и нематериального производства.

Важнейшим принципом кубинской доктрины в экономико-идеологической сфере является стремление к достижению режима изобилия «для масс, но не для отдельных людей». Массы людей не должны ни в чем нуждаться. В то же время культ потребительства крайне опасен для любого общества, ибо он неизбежно ведет к его расколу и распаду.

¹ Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. М., 2018. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/36-2.htm> (дата обращения: 22.09.2021); Он же. Апрельские тезисы. М., 2018. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_l/lenin_apr.php (дата обращения: 22.09.2021); Он же. Империализм как высшая стадия капитализма. М.: Public domain, 1916. 89 с.

² Кастро Ф. Солидарность СССР с Кубой перед лицом агрессивных действий США. Из интервью кубинскому радио и телевидению. Гавана, 10 июля 1960 г. // Кастро Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960–1977 гг. М.: Издательство политической литературы, 1978. С. 8–9.

Такое видение нашло свое отражение в мартианской этике, сложившейся к концу XIX в. и ставшей важнейшим идейно-смысловым корнем кубинской государственности. В то же время идеологический и методологический аппарат марксизма дал мартианству важный экономоцентрический дискурс. Во множестве выступлений Фиделя Кастро видно категорическое осуждение волюнтаризма, неоднократно подчеркивается глубинная объективная экономическая обусловленность общественной жизни. Вспоминая первые годы революции, Фидель признает распространенную склонность революционеров к экономическому идеализму, неизбежно приводящую к практическим управленческим ошибкам. После одного из первых посещений Советского Союза, в 1963 г., Фидель ставит в пример кубинцам советский экономоцентризм, который позволил добиться в течение нескольких десятилетий чрезвычайно многого и которого так не хватает его кубинским соотечественникам: «... Там все интересуются экономикой. Отношение к экономике там очень серьезное, так что кубинскому гостю было даже неловко оттого, что в нашей стране мы до сих пор не придавали экономике должного значения. Да, мы в некотором роде революционеры-идеалисты. Мы очень революционны, мы много агитируем, много мобилизуем, мы большие патриоты. Нет никакого сомнения, что все граждане до единого готовы ринуться в бой, защищая свою Родину, не щадя жизни. Но создается впечатление, что мы не всегда отдаем себе отчет в том, что для строительства нового общества нужно иметь экономическую базу. И нам было немного стыдно за некоторых наших товарищей, хороших революционеров, которые часто даже забывают о существовании экономики. Есть такие “революционеры”, которые едят, спят, одеваются и обуваются, но, однако, не знают, что существует экономика»³.

В своих послереволюционных выступлениях Фидель характеризует советское общество как «бесклассовое», «лишенное эксплуатации человека человеком» и «далеко продвинувшееся вперед». Коренной залог этого успеха — хорошее знание экономики.

Фидель Кастро неоднократно говорил, что изначально среди победивших революционеров было немало заблуждений утопического

характера. Желание побыстрее разрешить наиболее острые противоречия приводило к идее простейшего распределения имеющихся ресурсов. Фиделю приходилось тратить большие усилия для того, чтобы убедить значительную часть кубинского актива и народных масс в необходимости делать основной акцент в социалистическом строительстве не на распределении имеющихся ресурсов, а на создании новых. Создание нового, многоотраслевого диверсифицированного производства с фундаментальным увеличением количественных и качественных показателей должно было стать базой для дальнейшего фундаментального улучшения жизни.

Переходу к верному оцениванию кубинским обществом экономического фактора в жизни страны на первом этапе революционных преобразований препятствовало два важнейших обстоятельства: 1) огромные материальные ресурсы оставались в руках контрреволюционных господствующих классов; 2) ежедневное увеличение внешнеэкономического давления со стороны Соединенных Штатов Америки — бывшего главного торгового партнера острова. Данные обстоятельства часто рождали у многих кубинцев соблазн «отнять и разделить» как способ решения множества насущных проблем.

С указанной идеологемой Фиделю пришлось вести серьезную борьбу.

По выражению Ф. Кастро, «в том, что касается экономики, невежество было практически всеобщим, в ходу были старые лозунги профсоюзов и крестьянских организаций — весьма справедливые, но характерные для капиталистического общества, которое должно было быть преобразовано. Помню первые недели 1960 г., театр ПТК (Профсоюзный центр трудящихся Кубы) на 3 тыс. мест, заполненный представителями работников сахарного производства, которые в один голос требуют ввести четыре смены вместо трех на сахарных центрах... Руководители “26 июля” и НСП яро соревновались за то, чтобы поддержать популярную идею. Как объяснить этой массе, что подобная идея подрывала экономику, что существовала необходимость создавать новые рабочие места, а не распределять те, которые имелись? Социализм не был провозглашен, да еще не могло быть и речи: предприятия нахо-

³ Кастро Ф. Из доклада кубинскому народу о первом визите в СССР. Выступление по радио и телевидению. Гавана, 4 июня 1963 г. // Кастро Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960–1977 гг. С. 101–103.

дились в частных руках, а многие из наиболее важных принадлежали янки. Однако наши замыслы действительно были социалистическими и достаточно радикальными. Нас бы изначально обрекли на банкротство. Пришлось мне призвать на помощь всю силу воображения, чтобы найти способ убедить — “Видите ли, в результате у вас разорятся предприятия и вся отрасль”. Но действовал с помощью конкретных доводов: “Не стоит потому-то, потому-то и потому-то”. Пришлось провести разъяснительную работу среди самих членов “26 июля”. Даже существовало соперничество между руководителями, и надо было проявлять крайнюю осторожность»⁴.

В первые послереволюционные годы во время путешествий по Советскому Союзу у кубинских революционеров было заметно искреннее восхищение советским социалистическим проектом и даже его идеализация. Во многих выступлениях Фидель называл советский народ «народом-гигантом», «народом-победителем», многократно выражал восхищение сочетанием национальных различий и интернационального духа советского народа. Именно советский путь, по выражению Фиделя, позволил превратить бывшие «царские феодальные колонии» в цивилизованные и развитые общества. Вместе с тем Ф. Кастро подчеркивает, что Советский Союз смог добиться всего этого с учетом глубокого знания и глубокого применения экономических законов, что так не хватало революционной Кубе.

Экономическая составляющая имеет важнейшее значение для современного кубинского конституционного права. В структуре кубинской Конституции 2019 г. содержится второй раздел «Экономические основы», в котором экономика признана фундаментом кубинской социальной жизнедеятельности и перечислена совокупность способов, средств и методов воздействия на нее со стороны как государства в целом, так и отдельных социальных институтов, малых групп населения и отдельных лиц. Мейнстрим кубинского правового регулирования — социалистический рынок с высокой этико-патриотической составляющей и опорой на социальную справедливость. Основные правовые формулы конституционного регулирования кубинской экономики сводятся к следующему:

- закрепляется социалистическая экономическая система, общенародная собственность на средства производства объявляется главенствующей, существует система директивного государственного планирования в синтезе с регулируемым рынком;
- закрепляется право участия трудящихся в планировании, регулировании и контроле за экономическими процессами;
- государство обязано продвигать достижения научно-технического прогресса в качестве основы экономического развития нации;
- признается и закрепляется сосуществование множества форм собственности (общенародной, коллективной, ассоциативной, частной, личной, смешанной и др.) при четком определении места каждой из них в системе общенационального экономического процесса;
- земля (за исключением частной и кооперативной), пляжи, лес, вода и иные природные ресурсы принадлежат Республике. В общенародную собственность могут быть отведены и иные объекты, имеющие общегосударственное и общенациональное значение;
- социалистическое государственное предприятие — главный субъект экономического развития. Оно имеет экономическую автономию и систему социальных обязанностей;
- государство создает собственные субъекты предпринимательства для предоставления системы товаров и услуг населению и не отвечает за их обязательства;
- частная собственность на землю регулируется специальным правовым режимом, запрещается лизинг и ипотека в отношении земли, перепродажа земли происходит под государственным контролем при праве государства на первичную покупку земли по справедливой цене;
- концентрация собственности в негосударственных секторах контролируется государством на основе принципов социальной справедливости;
- труд является первостепенной национальной ценностью, правом, социальной ответственностью и почетом для каждого кубинца. Оплата за труд должна быть справедливой и должна способствовать материальному и духовному росту человека⁵.

⁴ Кастро Ф., Рамоне И. Моя жизнь. Биография на два голоса. М.: Рипол Классик, 2009. С. 26

⁵ Constitucion Cubana, 2019 // URL: <http://media.cubadebate.cu/wp-content/uploads/2019/01/Constitucion-Cuba-2019.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).

2. Взятие постиндустриального рубежа государственно-правового и социально-экономического развития — неотложная задача социалистической экономики. Любая завершенная концепция экономизма и экономоцентризма стремится к обретению доктринально-философских основ и корней. Кубинский социализм в указанном плане не стал исключением. Унаследовав марксистское понимание коммунизма как социально справедливого и изобильного братского общества с отсутствием эксплуатации человека человеком, кубинский социализм ставит цель максимального сокращения выполнения объемов физического материального труда и перспективы построения принципиально новой системы взаимоотношений между человеком и природой. Иными словами, человечеству предстоит взятие постиндустриального рубежа, где господствующей и производящей силой станет наука. Наука дает человечеству перспективы бесконечного роста, познания мира и самопознания, и, что не менее важно, она создает условия для укрепления психологии экологизма, восприятия человека и человечества как части ноосферы — мира разума, в котором общество и природа представлены как гармоничные, взаимодополняющие друг друга слагаемые. Фидель отмечает: «Когда появляется коммунистическое общество, эпохе социальных революций приходит конец. Но ведь тогда начнется в больших масштабах, чем когда-либо, эпоха революционных преобразований в природе. Временами я спрашиваю себя: чем бы я занимался, если бы не стал революционером? И даже будучи революционером, кем бы я хотел стать? Я бы хотел стать исследователем. Почему? Потому что мог бы заняться революционным преобразованием природы и внести свой скромный вклад в создание, например, новых видов растений, животных, в области сельского хозяйства или в области физики, химии. Ведь во всех областях происходит вечная революция, которую нужно осуществлять и которую должен осуществлять человек. К этому и должна идти беспокойная молодежь, сосредоточивая свою энергию, свой прорыв на стремлении к обнов-

лению, к прогрессу, которое свойственно человечеству»⁶.

3. Экономическая солидарность и экономическая агрессия — антогонистичные международно-правовые режимы. С экономической агрессией необходима бескомпромиссная борьба. В соответствии с воззрениями Ф. Кастро, существует два противоположных типа экономической этики: экономическая солидарность и экономическая агрессия. Первую позицию проявлял по отношению к Кубе Советский Союз, предоставляя ей крупную экономическую помощь не только вследствие геополитического интереса, но и исходя из идейно-смысловой общности: «...Наши отношения с Советским Союзом и Соединенными Штатами различны по существу. Американские товары более дорогостоящие, чем советские. СССР предоставил нам кредит на сумму 100 миллионов долларов для строительства промышленных предприятий, тогда как США лишили нас кредитов, которые мы получали в основном в американских банках. В то время как США угрожают сокращением нашей традиционной квоты на продажу сахара, что представляет собой экономическую агрессию против нашего народа, Советский Союз, социалистические страны, а также независимые государства начали покупать у нас сахар. Советский Союз поставляет нам нефть и другие необходимые товары, а американцы лишают нас нефти. Американские нефтяные компании даже посягают на наш суверенитет. В то время как СССР уважает нашу революцию и суверенитет и хочет развивать с нами отношения, основанные на дружбе и равенстве, Соединенные Штаты, напротив, отказывают нам в независимости и настаивают на сохранении прежних экономических отношений, присущих империалистической колониальной системе и политике агрессии»⁷. Фидель подчеркивает, что давление на Кубу является заказом американской олигархии, которая старательно реализуется государственно-властной системой с помощью соответствующих нормативно-правовых инструментов. В современном мире, по его мнению, для многих западных правительств ин-

⁶ Будущее нашей Родины обязательно должно быть будущим ученых (Речь Фиделя Кастро, произнесенная 15 января 1960 г. в Академии наук по случаю 20-й годовщины со дня основания Спелеологического сообщества) // Кастро Ф. Речи и выступления 1959–1960 гг. С. 241–243.

⁷ Кастро Ф. Советская экономическая солидарность и американский экономический геноцид. Из интервью кубинскому радио и телевидению. Гавана, 10 июня 1960 г. // Кастро Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960–1977 гг. С. 4–12.

тересы транснациональных корпораций дороже ценности суверенитета народов, в то время как американская политическая элита лицемерно заявляет о приверженности международно-правовым принципам, на деле их систематически нарушая. Ф. Кастро отмечает, что принципы целостности и суверенитета народа, явившиеся достоянием эпохи просвещения, они неотъемлемы и священны для каждого кубинца. Даже до проявленной Советским Союзом солидарности Куба готова была сопротивляться. Сейчас же у кубинского народа появилась готовность сопротивляться любой ценой⁸.

4. Построение нового социально-справедливого международно-правового экономического порядка — ответ на вызовы неолиберальной глобализации. Во имя спасения человечества необходим нормативно оформленный компромисс между богатыми и бедными странами. Указанный постулат наиболее рельефно оказался отражен в интервью Фиделя Кастро испанскому журналисту Федерико Майору Сарагосе, данному в начале 2000-х гг. Говоря о советском проекте, Фидель подчеркивает, что это был грандиозный прорыв человечества в социальном измерении, решивший многие крупнейшие задачи, который необходимо было усовершенствовать, трансформировать, но ни в коем случае не уничтожать. Ликвидация СССР привела к триумфу системы неолиберальной глобализации — ужасному и невыносимому порядку для большинства государств — бедных стран, но в конечном счете опасному для существования и стран первого мира⁹. То, что Куба выстояла в новых условиях, создавших для нее двойную экономическую блокаду (со стороны как США и ее союзников, так и части тех стран, которые недавно входили в мировую социалистическую систему), является настоящим чудом и подвигом народа. В то же время это чудо смогло возникнуть потому, что Куба «имела привилегию не принадлежать к МВФ» и не выполнять по команде советы международных мондиалистских организаций транснационального капитала, реализация которых обанкротила множество экономик стран третьего мира. Приведем из указанного интервью обширную цитату: «Развитая капиталистическая система, позже пре-

вратившаяся в современный империализм, в конце концов навязала миру неолиберальный глобализованный порядок, являющийся совершенно невыносимым. Она породила мир спекуляции, создание фиктивных богатств и ценностей, не имеющих ничего общего с реальным производством, и сказочные личные состояния, некоторые из которых превосходят валовой внутренний продукт десятков бедных стран. Излишне добавлять к этому грабеж и растрату природных мировых ресурсов, а также жалкую жизнь миллиардов людей. Эта система ничего не обещает человечеству и не нужна ни для чего, кроме самоуничтожения, причем вместе с ней будут, возможно, уничтожены природные ресурсы, служащие опорой для жизни человека на планете... Раньше говорили об апартеиде в Африке, сегодня мы можем говорить об апартеиде в мире, где более 4 миллиардов человек лишены самых элементарных человеческих прав: на жизнь, на здравоохранение, на образование, на питьевую воду, на питание, на жилье, на работу, на веру в будущее для себя и для своих детей. Судя по тому, как развиваются события, скоро для нас не останется даже воздуха, чтобы дышать, воздуха, который все больше отравляют расточительные потребительские общества, заражающие жизненно важные элементы и разрушающие среду обитания человека... Богатый мир пытается забыть о том, что причинами отсталости и бедности были рабство, колонизация, жестокая эксплуатация и грабеж, которым в течение веков подвергались наши страны. На нас смотрят как на низшие народы... Я твердо убежден в том, что нынешний экономический порядок, навязанный богатыми странами, не только жесток, несправедлив, бесчеловечен, противоречит неизбежному курсу истории, но также является выражением расистского мировоззрения, которое в свое время вдохновило в Европе нацизм, с его массовыми истреблениями и концентрационными лагерями, которые сегодня в странах третьего мира называют лагерями беженцев и в которых на самом деле сконцентрированы бедность, голод и насилие; тех же расистских концепций, которые в Африке инспирировали чудовищную систему апартеида»¹⁰.

⁸ Кастро Ф. Советская экономическая солидарность и американский экономический геноцид.

⁹ Кастро Ф. Куба не торгует и не продает свою революцию, стоившую крови и жертв многих ее сынов // URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2000/rus/f220600r.html> (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁰ Кастро Ф. Куба не торгует и не продает свою революцию, стоившую крови и жертв многих ее сынов.

Куба смогла справиться с испытаниями двойной блокады, не приспособившись к требованиям мира, а «приспособив мир к своим реалиям». Условием выживания Кубы в стремительно глобализирующемся мире была выработка собственной глубинной стратегии и тактики, позволяющей ей не приспособиваться к навязываемым экономико-идеологическим основам, а требуя, в соответствии с императивами международно-правовых документов, модели поведения третьих стран и структур международного сообщества, которая соответствовала бы интересам острова. В качестве примера Фидель подчеркивает, что Куба никогда не проводила навязываемых извне масштабных приватизаций. Приватизацию государственного имущества следует проводить «с большим здравым смыслом и мудростью, безо всяких безрассудств». Помимо отраслей, существующих хорошо в госсекторе, есть области господства индивидуального, кустарного производства, где частный собственник справляется намного лучше государства, и его необходимо всемерно поддерживать гражданско-правовыми и финансово-правовыми способами и средствами государственно-властной вертикали. В то же время имеется значительное количество областей экономики, где стране жизненно необходим иностранный капитал, например разработка нефтедобычи на кубинском континентальном шельфе. Иными словами, если рынок и приватизация не навязываются внешними силами, а точно внедряются в национальную экономику — это не только не вредит делу социализма, но и укрепляет его.

Фидель подчеркивает, что Куба, отстаивая права бедных стран, одновременно борется за спасение стран «первого мира». Сегодняшняя экономическая система — «гигантское казино», где огромная масса долларовой наличности и объема ценных бумаг совершенно не привязана к реальному производству. Обвал финансового рынка может привести к воистину катастрофическим последствиям для всего мира. В сегодняшней тяжелой предкризисной ситуации Фидель видит спасение мира и будущего в сотрудничестве бедных и богатых стран, поиске компромиссов, нахождении средств, изъятие которых не принесет вреда ни экономикам развитых стран, ни их финансовым системам.

Вышеуказанная идейно-смысловая конструкция прорабатывалась Фиделем Кастро давно. В начале 1980-х гг. в диалоге с виднейшим теологом освобождения фреем Бетто Фидель предлагает отменить долг бедных государств перед богатыми при условии, что богатые страны возьмут обязательства перед собственными банковскими системами, сократив лишь на 12 % свои военные расходы и сэкономив на этом до триллиона долларов в год. Сэкономленные средства позволят перейти к созданию нового, гораздо более справедливого экономического порядка. Если же военные расходы будут сокращены еще на треть, то освободится для развития дополнительно 700 млрд долл., что благотворно скажется и на занятости в промышленно развитых странах, и в конечном счете на покупательской способности их граждан, и на развитии ряда отраслей их экономики¹¹.

Создание нового экономического порядка жизненно необходимо для преодоления стремительно развивающегося мирового кризиса, равно как и для выживания и спасения человечества в целом. На вопрос фрея Бетто, что предпочтительнее, революционный или эволюционный выход из сегодняшней ситуации, Фидель говорит о желательности эволюционной трансформации, о предпочтительной контролируемости выхода из назревающей катастрофы: «Я ответил: я предпочитаю упорядоченный выход из этого кризиса, наименее травматические роды; я предпочитаю, чтобы в ситуации, когда мы приближаемся к критической массе, произошла эта цепная реакция и чтобы она была, как в атомном реакторе, реакцией контролируемой, а не неконтролируемым социальным взрывом. Я сказал: хорошо, в этот момент самое важное — важнее, чем одна, две, три, четыре или пять революций, — выйти из кризиса, установить новый международный экономический порядок и создать условия для развития, что позволит в будущем располагать ресурсами для решения социальных проблем и пользоваться независимостью, которая поможет нам в ближайшем или не в слишком отдаленном времени совершить необходимые, а также неизбежные глубокие социальные изменения»¹². Вклад каждой страны в спасение мира должен быть добровольным и осознанным, равно как

¹¹ Беседы о религии. Фидель и бразильский священник фрей Бетто / пер. с исп. В. Спасской. М. : Си-Мар, 1995.

¹² Беседы о религии. Фидель и бразильский священник фрей Бетто. С. 142–144.

и методы достижения поставленной цели. В то же время жизненно необходимо достижение общепланетарного единства и взаимопонимания. Указанный путь непрост, но «крестный путь предпочтительнее мук Сизифа», а потому альтернативы указанному вектору развития человечества на сегодня нет.

5. Экономико-правовой прагматизм и антидогматизм — средство выживания и развития в условиях блокады. Антидогматизм кубинской макроэкономической и экономико-правовой мысли оказался важнейшим условием ее выживания. Кубинская национально-освободительная революция 1959 г. победила в условиях исключительно сильной пропаганды антикоммунизма на всем латиноамериканском континенте. В то же время кубинские повстанцы-революционеры, испытав на себе серию актов экономической агрессии со стороны американского империализма, еще до объявления социализма в качестве стратегического выбора пришли к необходимости долгосрочной экономической интеграции с Советским Союзом. Фидель отмечает, что принцип солидарности СССР по отношению к Кубе стал проявлением экономической этики, на которое остров ответил взаимностью¹³: «... Что должна была делать страна в ответ на маневры (американских. — Прим. авт.) нефтяных трестов? Примириться с разорением? Остаться без нефти? Нет, страна должна была закупить нефть у тех, кто ее продает. Если Соединенные Штаты лишают нас сахарной квоты и отказываются закупить 700 тысяч тонн нашего сахара, что должна делать наша страна — объедаться сахаром, прекратить его производство, оставить без работы рабочих-сахарников, разрушить экономику страны? Нет! Как должна поступить страна? Она должна продавать сахар тем, кто его купит...»

Вместе с тем фактор прагматики часто вынуждал Кубу поддерживать экономические отношения и со странами, с которыми имелось серьезное идеологическое противоборство. Наиболее яркий пример — франкистская Испания, с которой у Кубы был жесточайший идеологический конфликт, но испано-кубинские политико-экономические отношения никогда не прекращались.

На протяжении более чем 60-летней истории социалистического строительства на Кубе соотношение плановых и рыночных механизмов в управлении кубинской экономической сферой многократно менялось. Это было вызвано как важнейшими внешнеэкономическими факторами (масштабная помощь, оказываемая Кубе со стороны СССР; американская экономическая блокада; масштабно поддерживаемая извне контрреволюционная террористическая активность и др.), так и параметрами собственного экономического строительства («трудное начало» 60-х гг.; попытка «великой сафры» 1970-х гг. с сохранением тростниковой монокультурности острова; управляемая индустриализация страны с одновременным развитием нематериального сектора — сферы услуг, фармацевтики и высоких технологий в 70–80-е гг.; «особый период в мирное время» в 90-е гг., связанный с крушением мировой социалистической системы; укрепление экономического суверенитета и строительство социалистического рынка с высокой этико-патриотической составляющей в 2010-е гг. и др.). На различных этапах социалистического строительства вопросы соотношения форм собственности и пропорций в применении механизмов плана и рынка решались во многом по-разному. Наступление на рынок в 60–70-е гг. сменилось постепенным внедрением рыночных механизмов в жизнь в 80-е гг. (частные сельскохозяйственные рынки и др.) и стремительным расширением прерогатив частной собственности и рыночных механизмов в 1990–2000-е гг. Гибкости кубинской социалистической модели способствовал доктринальный прагматизм и антидогматизм кубинских революционеров, исходящих из комплексного анализа существующей ситуации и поиска оптимальных решений имеющихся проблем.

В указанном контексте представляет исключительный интерес диалог Фиделя Кастро и лидера французских коммунистов Жоржа Марше: «Как-то я спрашиваю Марше: “Что вы собираетесь делать, когда придете к власти?” Он отвечает: “Мы национализируем ряд банков и больших предприятий”. Хорошо, говорю, но ни в коем случае не национализируйте сельское хозяйство. Оставьте в покое мелких произво-

¹³ Кастро Ф. Ответ Эйзенхауэру о солидарности Советского Союза. Из выступления по телевидению. Гавана. 18 июля 1960 г. // Кастро Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960–1977 гг. С. 13.

дитей, не трогайте их. В противном случае можете распрощаться с хорошим вином, хорошим сыром и замечательным foie gras!»¹⁴

6. Распределение товаров и услуг — вынужденная и адресная мера, продиктованная конкретными историко-правовыми условиями. Задача социалистического государства — дать людям зарабатывать. Кубинская социалистическая доктрина на ранних стадиях своего формирования и утверждения включала в себя значительное влияние механизмов уравнительного распределения товаров и услуг. Указанное обстоятельство диктовалось наличием крайней бедности подавляющего большинства населения, а затем, в 90-е гг., — необходимостью выживания в условиях двойной экономической блокады. Однако по мере стремительного улучшения благосостояния населения, особенно вследствие диверсификации экономики, позволившей к началу XXI в. постепенно преодолеть кризисные тенденции и активно включиться в мировую экономическую систему, Куба стала уходить от механизмов доминирования планового распределения, стремительно внедряя элементы рынка.

Для кубинского социализма характерен экономический оптимизм, вера в то, что развитие экономического потенциала страны сможет в значительной степени улучшить благосостояние каждого кубинца: «Те, кто работают и производят, будут получать больше, смогут приобрести больше продуктов и услуг; те, кто работал десятилетия, получают больше, у них будет больше материальных благ... Когда мы достаточно продвинемся в направлении к справедливому и достойному обществу, не будет людей, нуждающихся в субсидировании»¹⁵. В то же время при отказе от талонно-распределительной системы никого нельзя обрекать на голодную смерть, и неизбежным следствием отмены материальных благ должен быть соответствующий рост пенсий и заработных плат. Кубинская Конституция 2019 г. социальным правам и гарантиям их реализации отводит особое место, а принцип социальной справедливости и социальной защищенности оказывается системообразующим для всех без исключения отраслей кубинского права.

7. Бережливость и бескомпромиссная борьба с хищениями — правовой императив социалистического государства. Недостаток осознания важности экономического фактора в народных массах — еще одна базовая проблема, порождающая в конечном итоге такое социальное зло, как система крупных и мелких хищений. Указанное обстоятельство способно стать для общества социалистического типа смертельно опасным, и борьба с ним должна стать бескомпромиссной. Ф. Кастро подчеркивает: «Мы приглашаем весь народ участвовать в великом сражении... с мелким воровством и крупными растратами любого толка, в любом месте. Причина этому — отсутствие глубокого осознания экономики, которое мы до сих пор не смогли привить всему народу. Об этом мы думаем больше, чем обо всем другом: о наших недостатках, наших ошибках, нашем неравенстве, нашей несправедливости. Мы вовлечены в сражение против пороков, против утечки ресурсов, против некоторых общепринятых нравов. Мы находимся перед началом великого сражения, и мы будем вести его с большей силой и большим опытом, чем когда-либо, и мы выиграем это сражение»¹⁶. По словам Фиделя, огромный материальный вред стране приносят «несколько десятков тысяч паразитов, которые ничего не производят и тем не менее обогащаются. Например, покупая и ворую топливо... Это большой беспорядок, который, среди прочего, ведет к утечке десятков миллионов долларов... Ничего плохого нет в том, чтобы повидаться с семьей, друзьями или девушкой, но не на грузовике, предназначенном для работы»¹⁷. Фидель отмечает, что для общества кубинского типа чрезвычайно важно избегать разбазаривания ресурсов — как в больших, так и в малых пропорциях: «Некоторые покупали дома, становились их владельцами, заплатив 50 песо в месяц, ладно, 80 песо, по обменной ставке, если им присылали валюту из Майами, что-то вроде трех долларов. Через несколько лет они оплачивали их полную стоимость, что-то менее 500 долларов, а некоторые потом продавали эти дома за 15 тысяч, 20 тысяч долларов... А кто их покупал? Пролетариат? Неимущие? Много было неимущих, которые получали дом бес-

¹⁴ Кастро Ф., Рамоне И. Моя жизнь. Биография на два голоса. М. : Рипол Классик, 2009. С. 555.

¹⁵ Кастро Ф., Рамоне И. Указ. соч. С. 648.

¹⁶ Кастро Ф., Рамоне И. Указ. соч. С. 642–643.

¹⁷ Кастро Ф., Рамоне И. Указ. соч. С. 642–643.

платно, а потом продавали его новому богатей. Разве это социализм?»¹⁸

Экономическое развитие может осуществляться только на основании справедливости и беспощадной борьбы с коррупционно-криминальными элементами. Указанный постулат является важнейшим императивом в развитии уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Острова свободы. Вышеуказанное целеполагание — главный путь к построению нового общества XXI в., и само это общество, по мнению Фиделя, должно быть настроено в высшей степени решительно: «Или мы покончим с воровством, утечкой ресурсов, или мы погибнем».

8. Аграрный вопрос и социальная политика как система послереволюционных экономико-правовых преобразований: от всевластия элиты к интересам масс. Кубинская социалистическая доктрина с самого начала своего формирования находила в крестьянстве одну из главных своих классовых опор. Частичная коллективизация сельского хозяйства происходила в 1960-е гг. на Кубе исключительно добровольно, государственная власть в этом вопросе избегала насилия.

Фидель негативно оценивает методы советской коллективизации, уровень которой во времена нэпа был «почти на нуле», а затем в кратчайшие сроки стал сплошным, что привело к масштабным бедствиям и трагедиям. Для объединения земельных участков и создания кооперации необходима соответствующая социально-техническая и социально-экономическая инфраструктура. В случае реализации этого условия сельскохозяйственная кооперация окажется успешной. В то же время в вопросах ликвидации иностранных латифундий как одной из важнейших целей аграрной реформы 1960-х гг. Ф. Кастро занимает непреклонную позицию, считая оправданным революционный радикализм.

Фидель подчеркивает: для революции как для нового экономического строя необходимо формирование полноценных механизмов государственно-правовой защиты. Экономическая сфера здесь не является исключением. Как следует из Основного закона 1959 г., принятого вскоре после победы кубинской революции, изначальные экономические требования

лидеров кубинского социально ориентированного национально-освободительного движения были довольно умеренными, однако впоследствии совокупность внешнеполитических и внутрисоциальных процессов (экономическая блокада острова и контрреволюционный террор представителей господствовавших ранее классов) привели к стремительной радикализации экономической политики: «На каждое выступление против революции ответом была национализация».

В процессе национализации земельных латифундий западными корпорациями был поставлен ультиматум о необходимости немедленной и равноценной компенсации. Кубинское руководство отвергло его, полагая, что экономический суверенитет нации первичен перед интересами иностранных крупных собственников, ибо с потерей экономического суверенитета будет потерян суверенитет политический, а вместе с ним — и все остальные народно-революционные завоевания. Фидель говорит об антиправовом и антигуманистическом посыле подобного ультиматума, уточняя, что в случае Кубы речь стала бы идти о средствах, ранее расхищаемых и выкачиваемых колонистами.

Глубинная социальная ориентированность дореволюционного национально-освободительного движения, ставшего потом полноценно социалистическим, видна из его главных программных документов. В речи «История меня оправдает!», ставшей впоследствии манифестом кубинской революции, Фидель ставит следующие основополагающие экономико-правовые задачи:

- обеспечение стабильного и достойного дохода 400 тыс. сельскохозяйственных и 500 тыс. промышленных рабочих;
- обеспечение комплекса личных и социально-экономических прав для 100 тыс. мелких землевладельцев и 20 тыс. мелких торговцев;
- обеспечение достойного уровня жизни для 30 тыс. преподавателей и 10 тыс. представителей научной творческой и технической интеллигенции¹⁹. Именно эти группы населения, по выражению Фиделя, в первую очередь и есть народ, и революция в первую очередь должна осуществляться в их интересах.

¹⁸ Кастро Ф., Рамоне И. Указ. соч. С. 646.

¹⁹ Кастро Ф. История меня оправдает // Кастро Ф. Речи и выступления. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 41–42.

Для реализации вышеуказанных задач необходимо было выполнить следующую систему мероприятий:

- осуществление аграрной реформы в интересах арендаторов и мелких землевладельцев. Государство должно было взять на себя 10-летнее обязательство по компенсации земли бывшим землевладельцам;
- передача рабочим и служащим 30 % прибыли всех промышленных предприятий;
- право арендаторов и мелких землевладельцев получать 55 % прибыли сахарного тростника (учитывая кубинскую монокультурность, этот вид сельхозкультуры имел особенную важность);
- конфискация имущества у казнокрадов, в том числе переведенного по наследству²⁰.

Подчеркнем еще раз довольно умеренный характер целей кубинского революционного движения. Однако по мере радикализации контрреволюции, все более прибегающей к методам террора и саботажа и всесторонне поддерживаемой извне, кубинский экономико-правовой революционный процесс стал радикализироваться, с параллельной трансформацией революционной доктрины и заменой в ней умеренного социального компонента на ярко выраженный социалистический. Изначальные ценностные послы революционеров, имевшие антиимпериалистический, антиолигархический и антикомпрадорский характер — земля, индустриализация, жилища, безработица, образование и здравоохранение, по мере движения революции вперед всё более наполнялись леворадикальным доктринально-теоретическим и практико-преобразовательным компонентом.

Первоначально поиск средств для решения вышеуказанных задач виделся в экономии имеющихся средств и усилении уголовно-правовых мер воздействия на казнокрадов. Однако по мере реализации неотложных социальных задач с параллельным усилением контрреволюционного террора и внешнеэкономической блокады становилось очевидно, что этих средств может не хватить. Помимо национализации ряда предприятий и двух полноценных аграрных реформ, наносящих удар по иностранным латифундиям, были предприняты следующие финансово-хозяйственные меры,

нормативные конструкции которых развили положения основного Закона 1959 г.:

- 1) протекционистская политика в отношении предприятий, повышающих зарплату рабочим;
- 2) формирование «фонда будущего» из отчислений рабочих по процентным долям собственных зарплат;
- 3) ликвидация игорного бизнеса;
- 4) система мер по сбережению национальной валюты;
- 5) введение особого протекционистского таможенно-тарифного регулирования;
- 6) введение особо крупных налогов на роскошь;
- 7) создание нормативно-правовой и кадровой основы жесткого финансово-административного контроля.

В послереволюционной речи 1959 г. Фидель говорит о необходимости дать национальному капиталу максимально возможные преференции — при условии высокого и систематического повышения заработных плат рабочим и служащим²¹. Указанные меры — еще до оказания Советским Союзом полномасштабной финансово-экономической помощи Кубе — позволили убедить широкие массы населения в правильности и справедливости проводимого революционного курса.

После того, как революционная власть смогла обеспечить себе основы политико-правовой легитимности, Фиделем Кастро были сформулированы следующие долгосрочные стратегические ориентиры:

- производить больше, чем импортировать в страну;
- достигнуть достойного современного уровня потребления;
- достигнуть достойного уровня потребления, предполагаемого на будущее²².

Проанализировав вышеуказанные положения, еще раз повторимся: первоначальные требования, заявляемые революционерами, могут быть обозначены как социал-либеральные. Революция стала радикализироваться под влиянием тотального контрреволюционного ожесточения, сопровождающегося всеми видами внешней экспансии.

Из изложенного видно, что экономическая проблематика в политико-правовой доктрине

²⁰ Кастро Ф. История меня оправдает. С. 42–44.

²¹ Кастро Ф. Такой народ надо уважать. Речь, произнесенная 26 октября 1959 г. перед закрытием Конгресса трудящихся Кубы // Кастро Ф. Речи и выступления. С. 110–111.

²² Кастро Ф. Такой народ надо уважать.

кубинского социализма во все времена имела системообразующий характер, оказываясь одним из основных слагаемых, опираясь на которое указанное учение могло объяснять сложнейшие политико-правовые процессы настоящего и осветить горизонты будущего. Гибкость экономической мысли, свойственная кубинским революционерам, в синтезе с ее глубокой ценностной ориентированностью позволяла в труднейших условиях экономической блокады принимать верное решение и уверенно идти вперед. Благодаря указанному обстоятельству кубинский социализм как обществен-

ный строй показал удивительную устойчивость на протяжении более чем шести десятилетий, меняясь и трансформируясь в соответствии с требованиями времени и стремительно меняющейся мировой реальностью.

Сегодняшняя Куба с уверенностью смотрит в будущее, а значит, экономическая доктрина Острова свободы продолжит свое видоизменение и обогащение, находя всё более эффективные, комплексные и системные решения в ответ на глобальные вызовы современности, порождаемые бурными волнами двадцать первого столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беседы о религии. Фидель и бразильский священник фрей Бетто / пер. с исп. В. Спасской. — М. : АО «Си-Мар», 1995. — 382 с.
2. Кастро Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960–1977 годов. — М. : Изд-во политической литературы, 1978. — 328 с.
3. Кастро Ф. Речи и выступления. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. — 576 с.
4. Кастро Ф., Рамоне И. Моя жизнь. Биография на два голоса. — М. : Рипол классик, 2009. — 784 с.
5. Сергеев А. Л. Идеология Фиделя Кастро // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2215957.html>.
6. Сергеев А. Л. Кубинская государственно-правовая субъектность в XIX в.: истоки и процесс становления // История государства и права. — 2021. — № 5. — С. 68–73.
7. Сергеев А. Л. Кубинская государственно-правовая субъектность в XX–XXI вв.: система основополагающих трансформаций // История государства и права. — 2021. — № 6. — С. 71–75.
8. Fidel Castro y los Estados Unidos. 90 discursos, intervenciones y reflexiones / Editorial Capitan San Luis. — 2017. — 226 p.
9. Fidel Castro reader / Ed. by D. Deutschman and D. Shnookal. — Melbourne : Ocean Press, 2017. — 529 p.

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Besedy o religii. Fidel i brazil'skiy svyashchennik frey Betto [Conversations about religion. Fidel and the Brazilian Priest Frei Betto]. Moscow: AO «Si-Mar»; 1995 (In Russ.).
2. Kastro F. Oktyabr'skaya revolyutsiya i Kubinskaya revolyutsiya. Rechi i vystupleniya 1960–1977 godov [October Revolution and Cuban Revolution. Speeches 1960-1977]. Moscow: Publishing house of political literature; 1978 (In Russ.).
3. Kastro F. Rechi i vystupleniya [Addresses and speeches]. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1960 (In Russ.).
4. Castro F, Ramone I. Moya zhizn. Biografiya na dva golosa [My life. Biography for two voices]. Moscow: Ripol classic Publ.; 2009 (In Russ.).
5. Sergeev AL. Ideologiya Fidelya Kastro [Ideology of Fidel Castro]. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2215957.html>.
6. Sergeev AL. Kubinskaya gosudarstvenno-pravovaya subektnost v XIX veke: istoki i protsess stanovleniya [Cuban state-legal subjectivity in the 19th century: origins and the process of formation]. *History of State and Law*. 2021;5:68-73 (In Russ.).
7. Sergeev AL. Kubinskaya gosudarstvenno-pravovaya subektnost v XX–XXI vv.: sistema osnovopolagayushchikh transformatsiy [The cuban state law identity in the 20th to the 21st century: The system of fundamental transformations]. *History of State and Law*. 2021;6:71-75 (In Russ.).
8. Fidel Castro y los Estados Unidos. 90 discursos, intervenciones y reflexiones. Editorial Capitan San Luis. 2017.
9. Deutschman D, Shnookal D, editors. Fidel Castro reader. Melbourne : Ocean Press; 2017.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.077-089

Д. Е. Богданов*

Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект¹

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы о целесообразности внесения изменений в гражданское законодательство в связи с развитием аддитивных технологий либо о возможности эффективного применения действующих норм права к регулированию «инновационных» гражданских отношений.

Революционным элементом технологии трехмерной печати является оцифровка объектов материального мира, связанная с созданием их цифровых прототипов. Трехмерная цифровая модель (CAD-файл) может быть легко изменена, распространена и воплощена в виде физического объекта посредством его печати на 3D-принтере. Это порождает новые риски нарушения исключительных прав на объекты патентного права. В иностранной научной доктрине развернулась дискуссия относительно возможности квалификации создания и оборота цифровых моделей запатентованных продуктов (изобретений) в качестве прямого (direct infringement) или косвенного (indirect infringement) нарушения исключительного права. В работе сделан вывод, что российское патентное право оказалось не готовым к вызову, порожденному развитием технологии трехмерной печати, поскольку ему неизвестна концепция косвенного нарушения (indirect infringement) исключительного права. В российской правоприменительной практике ограничительно трактуется концепция прямого нарушения (direct infringement) патента.

Исследован вопрос о допустимости патентования технических решений в сфере биопринтинга. Сделан вывод, что в российском праве отсутствуют принципиальные препятствия для патентования технических решений в сфере биопринтных технологий. Российское законодательство прямо допускает возможность патентования «продуктов природы», а также способов и методов лечения, что отличает российский подход от американского и европейского. В случае нивелирования риска генетической нестабильности плюрипотентных клеток технология создания биопринтных органов человека будет соответствовать требованиям гражданского законодательства, в частности требованиям о соответствии патентуемых технических решений общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Ключевые слова: биопринтинг; биотехнология; биоэтика; патент; изобретение; патентоспособность; исключительное право.

Для цитирования: Богданов Д. Е. Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 77–89. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.077-089.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14027.

© Богданов Д. Е., 2022

* Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
bogdanov.de@yandex.ru

Patentability of Solutions in the Field of Bioprint Technologies: A Comparative Law Aspect²

Dmitriy E. Bogdanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
bogdanov.de@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the issues of advisability of introducing amendments to the civil legislation in connection with the development of additive technologies or the possibility of effective application of the existing rules of law to the regulation of «innovative» civil relations.

Digitization of objects of the material world associated with the creation of their digital prototypes constitutes a revolutionary element of 3D printing technology. A three-dimensional digital model (CAD file) can be easily modified, distributed and embodied in the form of a physical object by printing it on a 3D printer. This gives rise to new risks of infringement of exclusive rights to objects of patent law. In a foreign doctrine, a discussion has started regarding the possibility of qualifying the creation and circulation of digital models of patented products (inventions) as a direct infringement or indirect infringement of exclusive rights.

The paper concluded that Russian patent law was not ready for the challenge generated by the development of 3D printing technology, since it was not aware of the concept of indirect infringement of the exclusive right. In Russian law enforcement practice, the concept of direct patent infringement is interpreted in a restrictive manner.

The question of admissibility of patenting technical solutions in the field of bioprinting has been studied. It is concluded that in Russian law there are no fundamental obstacles to patenting technical solutions in the field of bioprinting technologies. Russian legislation provides for the possibility of patenting «natural products», as well as methods and means of treatment, which distinguishes the Russian approach from the American or European one. If the risk of genetic instability of pluripotent cells is leveled, the technology for creating bioprinted human organs will comply with the requirements of civil law. In particular, it will meet the requirements for the compliance of patented technical solutions with the public interest, the principles of humanity and morality.

Keywords: bioprinting; biotechnology; bioethics; patent; invention; patentability; exclusive right.

Cite as: Bogdanov DE. Patentosposobnost resheniy v sfere bioprintnykh tekhnologiy: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Patentability of Solutions in the Field of Bioprint Technologies: A Comparative Law Aspect]. *Lex russica*. 2022;75(2):77-89. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.077-089. (In Russ., abstract in Eng.).

Стремительное развитие новых технологий (промышленная революция 4.0) стало причиной постановки новых задач для цивилистической науки. Указанные задачи связаны с поиском ответов на вопросы о необходимости внесения изменений в гражданское законодательство в целях его адаптации к новым технологическим вызовам либо о возможности эффективного применения действующих норм права к регулированию «инновационных» гражданских отношений.

В научной литературе отдельными авторами указывается на феномен «регулятивного вакуума», или «нормативного вакуума», ставшего результатом новой промышленной революции³. Другими авторами указывается на некорректность тезиса о «регулятивном вакууме», поскольку любые гражданские отношения, даже «инновационные», охватываются действующей системой гражданско-правового регулирования общественных отношений⁴. Технология никогда не функционирует в правовом вакууме⁵.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14027.

³ *Heller D.* Initial Coin Offerings: Crowdfunding in a regulatory vacuum // Peterson Institute for International Economics, Realtime Economic Issues Watch (25 August 2017). URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/initial-coin-offerings-crowdfunding-regulatory-vacuum> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ *Caria R. de.* Blockchain and Smart Contracts: Legal Issues and Regulatory Responses Between Public and Private Economic Law // *The Italian Law Journal*. 2020. Vol. 6. № 1. P. 363–379.

⁵ *Deakin S., Markou Ch.* The Law-Technology Cycle and the Future of Work. University of Cambridge Faculty of Law Research Paper № 32/2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3183061> (дата обращения: 10.01.2022).

В отчетах экспертной группы отмечается, что одной из новых технологий (технологий 4.0), появление которых кардинально меняет процесс производства материальных благ и влечет изменения в социально-экономических отношениях, является технология трехмерной (3D) печати (аддитивные технологии)⁶.

Аддитивные технологии направлены на создание цельных трехмерных объектов практически любой геометрической формы на основе трехмерной цифровой модели — CAD-файла. 3D-печать основана на концепции построения объекта последовательно наносимыми слоями, отображающими контуры модели. Аддитивное производство является полной противоположностью таких традиционных методов, как использование формовочных прессов или субтрактивное производство (фрезеровка, резка и др.), при которых формирование облика изделия происходит за счет удаления лишнего материала, связанного с образованием большого количества отходов⁷. 3D-печать позволяет создавать объекты, которые не могли быть созданы посредством использования традиционных методов производства⁸.

В научной литературе указывается на феномен «диджитализации» объектов материального мира в связи с появлением технологии 3D-печати⁹. Последствием диджитализации становится размывание границы между материальным объектом и его цифровым воплощением (CAD-файлом), грань между физическим миром и киберпространством истончается до одного клика¹⁰. Это порождает вызов, связанный с необходимостью решения проблемы

применения законов «мира атомов» к «компьютерному миру битов», состоящему из единиц и нулей¹¹.

Таким образом, революционным элементом технологии 3D-печати является оцифровка объектов материального мира, связанная с созданием их цифровых прототипов. Трехмерная цифровая модель может быть легко изменена, распространена и воплощена в виде физического объекта посредством его печати на 3D-принтере¹².

Феномен диджитализации материального мира становится серьезным вызовом для гражданского права, поскольку, например, порождает новые риски нарушения исключительных прав на объекты авторского и патентного права, средства индивидуализации товаров, работ и услуг¹³. Так, в научной литературе развернулась дискуссия относительно возможности квалификации создания и оборота цифровых моделей запатентованных продуктов (изобретений) в качестве прямого (direct infringement) или косвенного (indirect infringement) нарушения исключительных прав на изобретение. Данные виды нарушения исключительного права на изобретения предусматриваются как Европейской патентной конвенцией, так и законодательством европейских стран. Прямое нарушение патента (например, производство, продажа или импорт товара, при создании которого использовано изобретение без согласия патентообладателя) является основанием для привлечения нарушителя к строгой ответственности (strict liability). Косвенное нарушение патента является основанием для возложения дополнительной ответственности (secondary liability)¹⁴.

⁶ Industry 4.0: The Future of Productivity and Growth in Manufacturing. Industries // The Boston Consulting Group. URL: https://www.bcgperspectives.com/content/articles/engineered_products_project_business_industry_40_futureproductivity_growth_manufacturing_industries/?chapter=2#chapter2_section9 (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ Краснов А. А., Смоленцев Е. В. Аддитивное и субтрактивное производство // Инновационная наука. 2016. № 12-2. С. 72–75.

⁸ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. 1st edn. Ginebra : World Economic Forum, 2016. P. 162–164.

⁹ Deven R. D., Magliocca G. N. Patents, Meet Napster: 3D Printing and the Digitization of Things // The Georgetown Law Journal. 2014. Vol. 102. P. 1691–1720.

¹⁰ Brean D. H. Patenting Physibles: A Fresh Perspective for Claiming 3D-Printable Products // Santa Clara Law Review. 2015. Vol. 55. P. 837–864.

¹¹ Osborn L. S. Regulating Three-Dimensional Printing: The Converging Worlds of Bits and Atoms // San Diego Law Review. 2014. Vol. 51. P. 553–652.

¹² Ballardini R. M., Norrgard M., Minssen T. Enforcing patents in the era of 3D printing // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2015. Vol. 10. № 11. P. 850–866.

¹³ См.: Holbrook T. R., Osborn L. S. Digital Patent Infringement in an Era of 3D Printing // UC Davis Law Review. 2015. Vol. 48. P. 1319–1385.

¹⁴ См.: Ballardini R. M., Norrgard M., Minssen T. Op. cit. P. 850–866.

Проблемой для российской правовой системы является то, что Верховный Суд занял негативную позицию, препятствующую квалификации создания и оборота цифровой модели (CAD-файла) в качестве нарушения исключительного права на изобретение. Так, согласно п. 123 постановления Пленума № 10 исключительным правом на изобретение, полезную модель или промышленный образец охватывается использование их непосредственно в продукте, способе или изделии соответственно, но не в документации (в том числе проектной) на изготовление находящегося в процессе разработки продукта или изделия, осуществление способа. Нарушением будет совершение действия, необходимого для осуществления хотя бы одной из стадий производства, с применением указанной документации¹⁵.

Таким образом, если экстраполировать позицию Верховного Суда РФ на технологию 3D-печати, получается, что создание трехмерной цифровой модели запатентованного продукта (изобретения) не является нарушением исключительного права, поскольку для нарушения исключительного права необходимо перейти уже к стадии материального воплощения продукта (производства). Позиция Верховного Суда РФ отстает от развития технологий, поскольку не учитывает того обстоятельства, что грань между физическим миром и киберпространством истончилась до одного клика.

Российское патентное право оказалось не совсем готовым к вызову, порожденному развитием технологии 3D-печати, поскольку ему неизвестна концепция косвенного нарушения (indirect infringement) исключительного права. При этом правоприменителем ограничительно трактуется концепция прямого нарушения патента.

Однако указанные выводы связаны с трехмерной печатью объектов неживой природы.

В настоящее время одним из наиболее перспективных направлений развития технологии 3D-печати является биопринтинг, связанный с трехмерной печатью живых тканей и органов. Биопринтинг не просто стирает границы между материальными объектами и их цифровыми воплощениями, он нивелирует границу между миром живой и неживой природы¹⁶. Соединение синтетической биологии с технологией трехмерной печати порождает синергетический эффект, связанный с автоматической генерацией живых клеток (биоматериалов)¹⁷.

Синтез живой и неживой природы в технологии биопринтинга порождает серьезные вызовы в отношении патентного права, связанные с определением пределов патентоспособности в сфере биотехнологий. Так, ведомство по интеллектуальной собственности Великобритании (IPO) прямо указало на то, что применение технологий 3D-печати становится ключевой сферой для патентования, особенно в области регенеративной медицины¹⁸.

В этой связи возникает вопрос о возможности законодательства и судебной доктрины сформулировать адекватные ответы на новые технологические вызовы. Например, Табриз Эбрахим утверждает, что судебной практикой в США еще не выработан стандарт, позволяющий однозначно ответить на вопрос о патентоспособности биотехнологий, в частности в сфере биопринтинга¹⁹.

Следует отметить, что в судебной доктрине США доминирует правовая позиция, согласно которой патентная защита должна предоставляться только изобретениям, являющимся результатом творческой деятельности человека. Все то, что изначально существует в природе, относится к сфере общественного достояния и предназначено для всего человечества, поскольку нельзя установить частное право на природный феномен²⁰. Так, продукт, относя-

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Tabrez E. 3D Bioprinting Patentable Subject Matter Boundaries // Seattle University Law Review. 2017. Vol. 41. № 1. P. 1–59.

¹⁷ Lemley M. A. IP in a World Without Scarcity // New York University Law Review. 2015. Vol. 90 P. 460–478 ; Li Ph. 3D Bioprinting Technologies: Patents, Innovation, and Access // Law, Innovation and Technology. 2014. Vol. 6. № 2. P. 282–304.

¹⁸ UK Intellectual Property Office, 3D Printing: A Patent Overview (2013) // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/757767/3D-printing.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁹ Tabrez E. Op. cit. P. 1–59.

²⁰ Bilski v. Kappos, 561 U. S. 593 (2010).

щийся к сфере живой природы, не является патентоспособным, даже если он был открыт заявителем. Отмечается, что функцией патентной системы является стимулирование изобретательской активности человека, а не совершение им открытий, связанных с изначально существующими природными феноменами²¹.

Поэтому вопрос о патентоспособности продуктов и способов в сфере биотехнологий остается дискуссионным как в научной, так и в судебной доктрине США²². Первые положительные примеры в судебной практике были связаны с патентованием синтетических соединений, полученных путем очистки биоматериалов.

Так, в решении по делу *Parke-Davis & Co. v. H. K. Mulford Co* (1911)²³ был рассмотрен вопрос о патентоспособности адреналина, полученного путем очистки биоматериалов (желез животных). Суд оставил в силе выданный патент на синтезированный адреналин, указав, что адреналин был выделен из естественной формы и очищен, поэтому его необходимо рассматривать в качестве уже не природного, а нового продукта применительно к коммерческому и терапевтическому использованию. Данное решение стало ориентиром для последующего патентования продуктов, полученных (выделенных) из биоматериалов²⁴.

В качестве патентоспособных стали признаваться продукты, полученные из биоматериалов путем их очистки или изменения структуры. Если указанный в патентной заявке продукт естественного происхождения (биоматериал) не был подвергнут изменениям, то он не признавался патентоспособным. Так, по одному делу суд указал на непатентоспособность указанной в заявке комбинации известных бактерий, поскольку она доступна для всех людей²⁵. Данный подход к патентованию в сфере биотехнологий оставался доминирующим до конца 1970-х гг.²⁶

В 1980 г. было вынесено решение по знаменитому делу *Diamond v. Chakrabarty*²⁷, в котором Верховный суд США расширил сферу патентной защиты применительно к генетическим технологиям. Спор был связан с патентованием генетически модифицированной бактерии (*Pseudomonas putida*), предназначенной для переработки нефти, и способа ее воспроизводства. Первоначально патентное ведомство (USPTO) отклонило заявку, поскольку квалифицировало такую бактерию в качестве «продукта природы» и живого организма.

Верховный суд США посчитал данную позицию необоснованной, поскольку бактерия имела искусственное происхождение, являлась результатом изобретательской (творческой) деятельности человека. В решении был высказан тезис о патентоспособности «всего, что создано под солнцем человеком» (*anything under the sun that is made by man*). Верховный суд США указал, что патентообладатель создал новую полезную бактерию с явно отличающимися характеристиками (*markedly different characteristics*) по сравнению с другими бактериями, встречающимися в природе. На этом основании большинство судей признало, что данная бактерия отвечает критериям патентоспособности, указанным в § 101 Патентного закона США.

В самом решении по делу *Diamond v. Chakrabarty* тезис о патентоспособности биотехнологического (генетического) продукта при наличии у него «явно отличных характеристик» (*markedly different characteristics*) по сравнению с «природой» не рассматривался в качестве соответствующего стандарта патентоспособности. Однако данный тезис впоследствии стал рассматриваться в качестве стандарта патентоспособности, например в деле *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc*²⁸.

²¹ *Tabrez E.* Op. cit. P. 1–59.

²² *Bohrer R. A.* A Guide to Biotechnology Law and Business. Durham, NC : Carolina Academic Press, 2007. P. 77–78.

²³ *Parke-Davis & Co. v. H. K. Mulford Co*, 189 F. 95, 103 (C.C.S.D.N.Y. 1911).

²⁴ *Beauchamp Ch.* Patenting Nature: A Problem of History // *Stanford Technology Law Review*. 2013. Vol. 16. P. 257–312.

²⁵ *Funk Bros. Seed Co. v. Kalo Inoculant Co*, 333 U.S. 127–30 (1948).

²⁶ *Torrance A. W.* Synthesizing Law for Synthetic Biology // *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. 2010. Vol. 11. № 2. P. 629–65.

²⁷ *Diamond v. Chakrabarty*, 447 U.S. 303, 309–10 (1980).

²⁸ *Ghosh S.* Gene Patents: Balancing the Myriad Issues Concerning the Patenting of Natural Products // *Berkeley Technology Law Journal*. 2012. Vol. 27. P. 241–272 ; *Ass'n for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc.*, 653 F.3d 1329 (Fed. Cir. 2011).

Данный спор был связан с вопросом допустимости патентования выделенного гена ДНК. Ранее компания Myriad Genetics (ответчик) доказала связь между мутациями в генах BRCA1 и BRCA2 и повышением риска развития онкозаболеваний. Впоследствии ответчик запатентовал выделенную им последовательность ДНК, получив исключительное право на проведение соответствующих диагностических тестов. Истец указывал на то, что выделенная и запатентованная ответчиком ДНК сохранила последовательность нуклеотидов природной ДНК, следовательно, она является природным продуктом и не отвечает критериям патентоспособности. Окружной суд согласился с позицией истца, поскольку патентная заявка не соответствовала стандарту «явно отличных характеристик» (*markedly different characteristics*) от «продуктов природы».

Верховный суд США данный вывод поддержал, указав, что сегменты ДНК являются продуктами природы. Они не могут стать патентоспособными объектами путем их простого выделения. Однако Верховный суд допустил патентоспособность синтетической ДНК, несмотря на то что гены, составляющие синтетическую ДНК, сами по себе встречаются в природе.

Как отмечается в литературе, Верховный суд США указал на патентоспособность синтетических продуктов как не встречающихся в природе, однако в его решении отсутствовал анализ стандарта «явно отличных характеристик», не были сформулированы критерии патентоспособности биотехнологических продуктов. В этой связи возникает вопрос о допустимости патентования в США технологий, связанных с биопринтингом, с учетом того, что согласно ст. 33 *America Invents Act*²⁹ патент не может быть выдан по заявке, направленной на организм человека или затрагивающей его³⁰.

С учетом позиции Верховного суда США по делу *Association for Molecular Pathology v.*

Myriad Genetics, Inc патентное ведомство разработало временное руководство по вопросам патентоспособности, согласно которому патентоспособным признается биотехнологический продукт («продукт природы»), если в него включены дополнительные существенные элементы³¹.

В этой связи в научной литературе высказывается позиция, что появление новых геномных и биотехнологий, в частности биопринтинга, обуславливает необходимость выработки более четкого стандарта в определении патентоспособности «продуктов природы». Запрет на патентование «человеческого организма» и нечеткий стандарт «явных отличительных характеристик» (*markedly different characteristics*) порождают проблемы для патентования продуктов и способов в сфере биопринтных технологий. Необходимо более четкое определение границ патентоспособности, в частности обозначение того, что не может быть отнесено к «человеческому организму» и «продуктам природы»³². Указывается также на то обстоятельство, что выработанные судебной практикой стандарты патентоспособности уже устарели, поскольку соответствующие судебные решения были вынесены еще до начала бурного развития биопринтных технологий³³.

В этой связи заслуживает внимания позиция Эбрахима Табреза, предложившего новый, гибкий стандарт патентоспособности применительно к сфере биопринтных технологий, который позволяет патентному праву США подстроиться под новые технологические вызовы. Автор формулирует стандарт патентоспособности «продуктов природы» на основе трех ключевых признаков: «смешение — сканирование — преобразование» (*Mixed — Scanned — Transformed, MST-стандарт*)³⁴.

Предложенный Э. Табрезом MST-стандарт патентоспособности учитывает возможность смешения природных и искусственных элемен-

²⁹ Leahy-Smith America Invents Act, Pub. L. № 112-29, 125 Stat. 284 (2011).

³⁰ *Tabrez E.* Op. cit. P. 1–59.

³¹ Interim Guidance on Patent Subject Matter Eligibility 79 FR 74618-01 (2014) / U. S. Patent & Trademark Office, 2014 // URL: <http://federalregister.gov/a/2014-29414> (<https://perma.cc/2DRB-4PFB>) (дата обращения: 10.01.2022).

³² О проблеме патентоспособности в сфере геномных и биотехнологий см.: *Smith S.* Claiming a Cell Reset Button: Induced Pluripotent Stem Cells and Preparation Methods as Patentable Subject Matter // *Boston College Law Review*. 2015. Vol. 56. P. 1577–1598 ; *Taylor D. O.* Amending Patent Eligibility // *UC Davis Law Review*. 2017. Vol. 50. P. 2149–2213.

³³ *Tabrez E.* Op. cit. P. 1–59.

³⁴ *Tabrez E.* Op. cit. P. 1–59.

тов при биопринтинге (микс живой и неживой природы). Например, клеточная биопечать органа будет осуществляться с использованием трехмерного каркаса из биоразлагаемых полимеров. «Сканирование» указывает на то, что биопринтинг осуществляется на основе цифровой трехмерной модели будущего органа (Bio-CAD-файл), созданной на основе данных, полученных посредством биосканирования, УЗИ или МРТ. «Преобразование» отражает процесс перехода от физического объекта (тело человека, человеческий орган) к цифровому объекту (Bio-CAD-файл), а также обратный процесс преобразования цифрового объекта в физический посредством осуществления биопечати. При этом данный подход учитывает возможность внесения коррективов в исходный трехмерный шаблон будущего органа или ткани человека в целях их последующей биопечати.

Таким образом, автор пытается выработать подход, позволяющий устранить существующую в США неопределенность относительно возможности патентования технических решений в сфере биопринтинга с учетом имеющихся запретов на патентование «человеческого организма» и «продуктов природы», поскольку данная технология основана на использовании живых клеток человека («продукты природы»), направлена на создание биопринтных аналогов человеческих тканей и органов («организм человека»).

В европейском праве в качестве основных пределов патентоспособности в сфере геномных и биотехнологий выступает «моральный тест» (morality test), а также запрет на патентование методов лечения и терапии (methods for medical treatment or therapy). Так, серьезным биоэтическим вызовом для биопринтных технологий является необходимость использования в биочернилах (bio-ink) человеческих клеток при создании биопринтных органов. Для биопечати человеческого органа требуются человеческие клетки различных видов, что предопределяет

использование в биочернилах плюрипотентных клеток (клеток, способных к дифференциации), например клеток человеческого эмбриона, что недопустимо с позиций биоэтической перспективы³⁵.

Как указал по одному делу Апелляционный совет Европейского патентного ведомства (EPO), концепция морали основана на убеждениях, что определенное поведение является правильным и приемлемым, в то время как другое поведение может быть неправильным. Эти убеждения основаны на совокупности общепринятых норм, глубоко укоренившихся в той или иной культуре. Изобретения, использование которых противоречит общепринятым стандартам поведения, принятым в данной культуре, должны быть признаны непатентоспособными, как противоречащие морали³⁶. Как отмечается в этой связи в научной литературе, «моральная клаузула» включена в патентное право в целях установления баланса между наукой и культурой³⁷.

«Моральная клаузула» нашла свое прямое отражение в ст. 6 Директивы 98/44/ЕС о правовой охране биотехнологических изобретений, в которой предусмотрены запреты на патентование способов клонирования человека; модификации генетической идентичности зародышевой линии человека; использование человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях; изменение генетической идентичности животных, если их страдания перевешивают существенную медицинскую пользу для человека или животных³⁸. «Моральная клаузула» предусмотрена также правилами ст. 53 Европейской патентной конвенции, устанавливающей непатентоспособность изобретений, противоречащих требованиям публичного порядка или морали³⁹.

Применительно к проблеме патентования «продуктов природы» представляет интерес ст. 5 Директивы 98/44/ЕС, согласно которой непатентоспособным является организм чело-

³⁵ См. об этом: *Varkey M., Atala A. Organ Bioprinting: A Closer Look at Ethics and Politics // Wake Forest Journal of Law & Policy. 2015. Vol. 5. Iss. 2. P. 275–296.*

³⁶ Case T-315/03 *Harvard/Transgenic Animals*, EPO Technical Board of Appeal, 6 July 2004, para 10.2 // URL: <https://www.epo.org/law-practice/case-law-appeals/recent/t030315ep1.html> (дата обращения: 10.01.2022).

³⁷ *Li Ph.* Op. cit. P. 282–304.

³⁸ Directive 98/44/EC of the European Parliament and of the Council of 6 July 1998 on the legal protection of biotechnological inventions (Biotech Directive) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31998L0044>.

³⁹ URL: <https://www.epo.org/law-practice/legal-texts/epc.html> (дата обращения: 10.01.2022).

века, а также открытие одного из его элементов, включая последовательность гена. Однако признается патентоспособным элемент, выделенный из человеческого тела или иным образом полученный посредством технического процесса (включая последовательность гена), даже если структура такого элемента идентична структуре природного элемента.

В этой связи в научной литературе утверждается, что правила ст. 5 Директивы 98/44/ЕС указывают на патентоспособность биопринтинга, поскольку данная технология связана с печатью изолированных от человеческого тела тканей или органов. Биопринтинг связан с послойным культивированием клеток на трехмерном каркасе будущего органа. Биопечать осуществляется на основе трехмерной цифровой модели человеческого органа (Bio-CAD file), поэтому напечатанный орган может быть идентичен «натуральному». Указанная идентичность не препятствует патентоспособности технологии биопринтинга, если она будет соответствовать «моральной клаузуле»⁴⁰.

Например, по одному делу было отказано в выдаче патента в связи с тем, что изобретение, связанное с использованием стволовых клеток, было создано на основе научных исследований, в ходе которых были уничтожены человеческие эмбрионы⁴¹. В другом деле человеческий эмбрион рассматривался как особый феномен, «способный стать началом процесса становления человека». Поэтому патентная заявка подлежит отклонению даже в том случае, если в формуле изобретения не указывается на использование человеческих эмбрионов, однако заявленный продукт или способ является результатом уничтожения человеческих эмбрионов⁴².

Таким образом, решение вопроса о патентоспособности биопринтных технологий связано с необходимостью соблюдения «моральной клаузулы». Если для создания биочернил не используются стволовые клетки, полученные при разрушении человеческого эмбриона, то биопринтинг становится патентоспособной технологией.

Согласно ст. 53 (с) Европейской патентной конвенции патенты не выдаются на способы лечения людей или животных с помощью хирургии или терапии и методы диагностики, применяемые для людей или животных. Однако данное правило не применяется к продуктам, в частности веществам или составам, которые используются в указанных способах или методах.

Таким образом, европейский подход основан на утверждении, что методы и способы лечения не должны быть ограничены монополией патентообладателя. Попытки обосновать патентоспособность способов и методов лечения подвергаются критике в научной литературе, поскольку установление патентной монополии повлечет негативные последствия в виде ограничения доступа пациентов к медицинской помощи и создания препятствий для продвижения инноваций в медицине⁴³.

В российском законодательстве также предусмотрена «моральная клаузула», которая по своему содержанию во многом аналогична правилам ст. 6 Директивы 98/44/ЕС о правовой охране биотехнологических изобретений. Так, согласно п. 4 ст. 1349 ГК РФ не могут быть объектами патентных прав: 1) способы клонирования человека и его клон; 2) способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека; 3) использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях; 4) результаты интеллектуальной деятельности, если они противоречат общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Как указал в этой связи Верховный Суд РФ, выявление в рамках экспертизы заявки на изобретение невозможности патентуемого результата интеллектуальной деятельности быть объектом патентных прав в силу п. 4 ст. 1349 ГК РФ служит самостоятельным основанием для отказа в выдаче патента⁴⁴.

В научной литературе отмечается, что в российском законодательстве установлен запрет на репродуктивное клонирование, связанное с воспроизведением точной копии человека, предоставившего свой биологический мате-

⁴⁰ *Li Ph.* Op. cit. P. 282–304.

⁴¹ Case G-2/06 WARF/Stem Cells (2009) EPOR 15.

⁴² Case C-34/10 Oliver Brüstle v. Greenpeace (2012) 1 CMLR 41.

⁴³ *Abinader L. G., Contreras J. L.* The Patent Ability of Genetic Therapies: CAR-T and Medical Treatment Exclusions around the World // *American University International Law Review*. 2019. Vol. 34. Iss. 4. Art. 2. P. 705–762.

⁴⁴ Пункт 117 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

риал. Отсутствует запрет на терапевтическое клонирование, связанное, например, с получением стволовых клеток в целях их последующей трансплантации⁴⁵. Поэтому клонирование генома человека (либо его части) не запрещено как таковое, значение имеет лишь цель проведения соответствующих исследований и их результат⁴⁶.

В пункте 2.2.2 приказа Роспатента от 27.12.2018 № 236 указывается, что патентоспособными могут быть способы клонирования клеток и тканей человека, а также продукты, полученные такими способами. Патентоспособными также признаются способы получения эмбрионов и их пересадки в целях экстракорпорального оплодотворения для устранения бесплодия⁴⁷.

Все это свидетельствует о том, что российское право допускает патентоспособность решений, которые могут быть условно поименованы как «изолированные из человеческого организма продукты природы», если такие технические решения (продукт или способ) не противоречат «моральной клаузуле», предусмотренной в п. 4 ст. 1359 ГК РФ.

Заслуживает внимания п. 2.2.2 приказа Роспатента от 27.12.2018 № 236, в котором отмечается, что вызывает сложности проверка соблюдения требования непротиворечия общественным интересам, принципам гуманности и морали, поскольку ни в законодательных актах Российской Федерации, ни в юридической литературе понятие «решение, противоречащее общественным интересам, принципам гуманности и морали» не определено. Это обусловлено вхождением в него таких сложных комплексных понятий, как «общественные интересы», «гуманность», «мораль», «принципы гуманности и морали», являющихся предме-

тами исследования многих наук. Поэтому при применении этих понятий целесообразно опираться на раскрытие их содержания в научной литературе, в частности относящейся к области философии, социологии, этики.

В современных научных исследованиях указывается, что с позиций современной генетики и эмбриологии жизнь человека (биологического индивидуума) начинается с момента слияния ядер мужской и женской половых клеток и образования единого ядра, содержащего неповторимый генетический материал. На всем протяжении внутриутробного развития новый человеческий организм не может считаться частью тела матери. Его нельзя уподобить органу или части органа материнского организма⁴⁸. Это предопределяет необходимость выработки особого правового режима в отношении человеческих эмбрионов *in vitro*⁴⁹.

Возможность патентования «продуктов природы» с позиций «моральной клаузулы» должна базироваться на основополагающих биоэтических принципах, поскольку биоэтика представляет собой форму знания о допустимых границах манипулирования человеческой жизнью, диапазон возможностей которого сегодня касается практически всех ее стадий, от зарождения до умирания. Однако проблема заключается в том, что биоэтика как современная форма медицинской этики в настоящее время существует и реализуется в консервативной и либеральной формах, которые по-разному решают многие вопросы⁵⁰. Таким образом, отсутствует общепринятая «нормативная» трактовка как этики вообще, так и биоэтики в частности. А. Макинтайр объясняет данный феномен как своеобразный «этический апокалипсис», поскольку в секулярную эпоху модерна произошел отказ от аристотелевско-томистического

⁴⁵ Рашидханова Д. К. О правовом регулировании отношений клонирования генома человека // Медицинское право. 2007. № 1. С. 5–10.

⁴⁶ Домовская Е. В. Ограничения возможности патентования результатов геномных исследований в российском законодательстве // Российский судья. 2020. № 5. С. 55–64.

⁴⁷ Приказ Роспатента от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ Голиченков В. А., Бурлакова О. В. К вопросу о поисках жизни во Вселенной — размышления эмбриологов. М. : Дельфис, 2005. С. 262–264.

⁴⁹ См.: Богданова Е. Е., Белова Д. А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования. М. : Проспект, 2021. 216 с.

⁵⁰ Силуянова И. В. Биоэтика: определение и виды // Bioethics : федеральный научно-практический журнал. 2020. № 1 (25). С. 9–16.

понимания этики⁵¹. Поэтому в научной литературе все большую поддержку встречает именно консервативная биоэтика как наука о духовно-нравственной сущности человека, отказ от которой выводит человека на путь «катастрофического прогресса», ведущего в «постчеловеческое будущее»⁵².

Следует отметить, что для создания биочернил необходимы плюрипотентные (стволовые) человеческие клетки. Ранее источником таких клеток были человеческие эмбрионы. Однако благодаря научным открытиям нобелевских лауреатов Яманака Синъя и Джона Гардона появилась возможность избежать разрушения человеческого эмбриона путем перепрограммирования клеток взрослого человека. Указанные ученые смогли доказать возможность обратить вспять процесс специализации клеток человека путем перепрограммирования соматических клеток в индуцированные плюрипотентные клетки (induced pluripotent stem cells; iPS cells)⁵³.

Как известно, стволовые клетки способны превращаться в прототипы всех 220 видов специализированных клеток человеческого тела. Открытие технологии перепрограммирования специализированных человеческих клеток в индуцированные плюрипотентные клетки позволяет создавать чернила для биопечати путем перепрограммирования клеток самого пациента.

Таким образом, возможность использования в биопринтинге индуцированных плюрипотентных клеток пациента свидетельствует о том, что технология биопринтинга соответствует основополагающим принципам биоэтики. Поэтому с позиций «моральной клаузулы» представляется допустимым патентование технических решений (продуктов и способов) в сфере биопринтных технологий⁵⁴.

Однако в литературе указывается на то, что технология перепрограммирования клеток, предложенная С. Яманаки, не вполне приемлема для практической медицины, поскольку

остаётся риск генетической нестабильности (онкогенность) индуцированных плюрипотентных клеток. Ещё одной проблемой было использование С. Яманаки вирусов в качестве генетических векторов для перепрограммирования клеток, что может стать причиной непредсказуемых генетических дисфункций. Поэтому в настоящее время разрабатываются альтернативные методы получения индуцированных плюрипотентных клеток, например перепрограммирование соматических клеток в плюрипотентные посредством мРНК и подбора смесей («коктейлей») малых молекул. При данном методе не нарушается геном клеток, нивелируется риск их генетической нестабильности⁵⁵.

Нивелирование риска генетической нестабильности плюрипотентных клеток действительно позволит констатировать, что технология биопринтинга соответствует «моральной клаузуле» в целях патентования технических решений в данной сфере.

Следует также отметить, что в российском законодательстве отсутствует запрет на патентование способов и методов лечения. Таким образом, имеется принципиальное различие между российским и европейским правом по данному вопросу.

Как отмечается в научной литературе, аргументом против патентования в России способов и методов лечения является установление ограничения или запрета на их использование (монополия патентообладателя). Однако контраргументом выступает особый режим использования способа лечения в соответствии с ч. 4 ст. 1359 ГК РФ, который не является нарушающим исключительные права на изобретения и не связан с предпринимательской деятельностью. Кроме того, существует возможность предоставления принудительной лицензии на использование медицинского способа в случаях его неиспользования или недостаточного использования (ст. 1362 ГК РФ). По мнению

⁵¹ *Макинтайр А.* После добродетели : Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.

⁵² *Смирнов К. С.* Биоэтика в нарративном ракурсе: от «науки выживания» до радикальной этики спасения (на материале рассказа Р. Киплинга «Чудо Пуран Бхагата») // *Bioethics* : федеральный научно-практический журнал. 2020. № 1 (25). С. 5–9.

⁵³ *Нака К. О.* Нобелевская премия Яманака Синъя как повод для переосмысления роли науки и миссии ученого в Японии // *Япония* : ежегодник. 2015. № 44. С. 92–103.

⁵⁴ *Li Ph.* Op. cit. P. 282–304.

⁵⁵ *Волкова Н. С., Ермаков А. С.* Индуцированные плюрипотентные стволовые клетки и современные методы их получения // *Царскосельские чтения*. 2016. № 20. С. 255–261.

авторов, правила п. 4 ст. 1359 и ст. 1362 ГК РФ в определенной степени решают морально-этическую проблему, связанную с возможным запретом использования медицинских способов третьими лицами⁵⁶.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в российском праве отсутствуют принципиальные препятствия для патентования технических решений в сфере биопринтных технологий, поскольку российское законодательство прямо допускает возможность

патентования «продуктов природы», а также способов и методов лечения, что выгодно отличается российский подход от американского или европейского. В случае нивелирования риска генетической нестабильности плюрипотентных клеток технология создания биопринтных органов человека будет соответствовать требованиям гражданского законодательства, в частности требованиям о соответствии патентуемых технических решений общественным интересам, принципам гуманности и морали.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волкова Н. С., Ермаков А. С. Индуцированные плюрипотентные стволовые клетки и современные методы их получения // Царскосельские чтения. — 2016. — № 20. — С. 255–261.
2. Гайдук И. Е., Новокишенина Н. А. Способ лечения как объект патентного права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2018. — № 9. — С. 51–60.
3. Домовская Е. В. Ограничения возможности патентования результатов геномных исследований в российском законодательстве // Российский судья. — 2020. — № 5. — С. 55–64.
4. Краснов А. А., Смоленцев Е. В. Аддитивное и субтрактивное производство // Инновационная наука. — 2016. — № 12-2. — С. 72–75.
5. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. — 384 с.
6. Нака К. О. Нобелевская премия Яманака Синъя как повод для переосмысления роли науки и миссии ученого в Японии // Япония : ежегодник. — 2015. — № 44. — С. 92–103.
7. Рашидханова Д. К. О правовом регулировании отношений клонирования генома человека // Медицинское право. — 2007. — № 1. — С. 5–10.
8. Силюянова И. В. Биоэтика: определение и виды // Bioethics : федеральный научно-практический журнал. — 2020. — № 1 (25). — С. 9–16.
9. Смирнов К. С. Биоэтика в нарративном ракурсе: от «науки выживания» до радикальной этики спасения (на материале рассказа Р. Киплинга «Чудо Пуран Бхагата») // Bioethics : федеральный научно-практический журнал. — 2020. — № 1 (25). — С. 5–9.
10. Abinader L. G., Contreras J. L. The Patent Ability of Genetic Therapies: CAR-T and Medical Treatment Exclusions around the World // American University International Law Abstract. — 2019. — Vol. 34. — Iss. 4. — Art. 2. — P. 705–762.
11. Ballardini R. M., Norrgard M., Minssen T. Enforcing patents in the era of 3D printing // Journal of Intellectual Property Law & Practice. — 2015. — Vol. 10. — № 11. — P. 850–866.
12. Beauchamp Ch. Patenting Nature: A Problem of History // Stanford Technology Law Abstract. — 2013. — Vol. 16. — P. 257–312.
13. Bohrer R. A. A Guide to Biotechnology Law and Business. — Durham, NC : Carolina Academic Press, 2007. — 332 p.
14. Brean D. H. Patenting Physibles: A Fresh Perspective for Claiming 3D-Printable Products // Santa Clara Law Abstract. — 2015. — Vol. 55. — P. 837–864.
15. Caria R. Blockchain and Smart Contracts: Legal Issues and Regulatory Responses Between Public and Private Economic Law // The Italian Law Journal. — 2020. — Vol. 6. — № 1. — P. 363–379.
16. Deakin S. F., Markou Ch. The Law-Technology Cycle and the Future of Work. University of Cambridge Faculty of Law Research Paper № 32/2018 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3183061>.
17. Deven R. D., Magliocca G. N. Patents, Meet Napster: 3D Printing and the Digitization of Things // The Georgetown Law Journal. — 2014. — Vol. 102. — P. 1691–1720.

⁵⁶ Гайдук И. Е., Новокишенина Н. А. Способ лечения как объект патентного права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 9. С. 51–60.

18. Ghosh S. Gene Patents: Balancing the Myriad Issues Concerning the Patenting of Natural Products // *Berkeley Technology Law Journal*. — 2012. — Vol. 27. — P. 241–272.
19. Holbrook T. R., Osborn L. S. Digital Patent Infringement in an Era of 3D Printing // *UC Davis Law Abstract*. — 2015. — Vol. 48. — P. 1319–1385.
20. Lemley M. A. IP in a World Without Scarcity // *New York University Law Abstract*. — 2015. — Vol. 90. — P. 460–478.
21. Li Ph. 3D Bioprinting Technologies: Patents, Innovation, and Access // *Law, Innovation and Technology*. — 2014. — Vol. 6. — № 2. — P. 282–304.
22. Osborn L. S. Regulating Three-Dimensional Printing: The Converging Worlds of Bits and Atoms // *San Diego Law Abstract*. — 2014. — Vol. 51. — P. 553–652.
23. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. — 1st edn. — Ginebra : World Economic Forum, 2016.
24. Smith S. Claiming a Cell Reset Button: Induced Pluripotent Stem Cells and Preparation Methods as Patentable Subject Matter // *Boston College Law Abstract*. — 2015. — Vol. 56. — P. 1577–1598.
25. Tabrez E. 3D Bioprinting Patentable Subject Matter Boundaries // *Seattle University Law Abstract*. — 2017. — Vol. 41. — № 1. — P. 1–59.
26. Taylor D. O. Amending Patent Eligibility // *UC Davis Law Abstract*. — 2017. — Vol. 50. — P. 2149–2213.
27. Torrance A. W. Synthesizing Law for Synthetic Biology // *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. — 2010. — Vol. 11. — № 2. — P. 629–665.
28. Varkey M., Atala A. Organ Bioprinting: A Closer Look at Ethics and Politics // *Wake Forest Journal of Law & Policy*. — 2015. — Vol. 5. — Iss. 2. — P. 275–296.

Материал поступил в редакцию 10 января 2022 г.

REFERENCES

1. Volkova NS, Ermakov AS. Indutsirovannyye plyuripotentnyye stvolovyye kletki i sovremennyye metody ikh polucheniya [Induced pluripotent stem cells and modern methods for their production]. *Tsarskosel'skie chteniya*. 2016;20:255-261 (In Russ.).
2. Gaiduk IE, Novokshenova NA. Sposob lecheniya kak obekt patentnogo prava [Method of treatment as an object of patent law]. *Intellectual Property Court Magazine*. 2018;9:51-60 (In Russ.).
3. Domovskaya EV. Ogranicheniya vozmozhnosti patentovaniya rezultatov genomnykh issledovaniy v rossiyskom zakonodatelstve [Restrictions of the Possibility of Patenting Genomic Research Results in Russian Laws]. *Russian Judge*. 2020;5:55-64 (In Russ.).
4. Krasnov AA, Smolentsev EV. Additivnoe i subtraktivnoe proizvodstvo [Additive and subtractive production]. *Innovative Science*. 2016;12-2:72-75 (In Russ.).
5. Makintayr A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali [After Virtue: Studies in Moral Theory]. Moscow: Academic project; Yekaterinburg: Business book Publ.; 2000 (In Russ.).
6. Naka KO. Yamanaka Shinya Nobel Prize as an occasion for rethinking the role of science and the mission of a scientist in Japan. *Yearbook Japan*. 2015;44:92-103.
7. Rashidkhanova DK. O pravovom regulirovaniy otnosheniy klonirovaniya genoma cheloveka [On the legal regulation of human genome cloning relations]. *Medical Law*. 2007;1:5-10 (In Russ.).
8. Siluyanova IV. Bioetika: opredelenie i vidy [Bioethics: definition and types]. *Bioethics*. 2020;1(25):9-16 (In Russ.).
9. Smirnov KS. Bioetika v narrativnom rakurse: ot «nauki vyzhivaniya» do radikalnoy etiki spaseniya (na materiale rasskaza R. Kiplinga «Chudo Puran Bkhagata») [Bioethics In Narrative Foreshortening: From «Science Of Survival» to the Radical Ethics of Salvation (On the Material of R. Kipling'S Story «The Miracle of Puran Bhagat»)]. *Bioethics*. 2020;1(25):5-9 (In Russ.).
10. Abinader L. G., Contreras J. L. The Patent Ability of Genetic Therapies: CAR-T and Medical Treatment Exclusions Around the World. *American University International Law Abstract*. 2019;34(4):705-762.
11. Ballardini RM, Norrgard M, Minssen T. Enforcing patents in the era of 3D printing. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2015;10(11):850-866.
12. Beauchamp Ch. Patenting Nature: A Problem of History. *Stanford Technology Law Abstract*. 2013;16:257-312.
13. Bohrer RA. A Guide to Biotechnology Law and Business. Carolina Academic Press; 2007.

14. Brean D H. Patenting Physibles: A Fresh Perspective for Claiming 3D-Printable Products. *Santa Clara Law Abstract*. 2015;55:837-864.
15. De Caria R. Blockchain and Smart Contracts: Legal Issues and Regulatory Responses Between Public and Private Economic Law. *The Italian Law Journal*. 2020;6(1):363-379.
16. Deakin SF, Markou Ch. The Law-Technology Cycle and the Future of Work (March 2018). *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper No 32/2018*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3183061>.
17. Deven RD, Magliocca GN. Patents, Meet Napster: 3D Printing and the Digitization of Things. *The Georgetown Law Journal*. 2014;102:1691-1720.
18. Ghosh S. Gene Patents: Balancing the Myriad Issues Concerning the Patenting of Natural Products. *Berkeley Technology Law Journal*. 2012;27:241-272.
19. Holbrook TR, Osborn LS. Digital Patent Infringement in an Era of 3D Printing. *UC Davis Law Abstract*. 2015;48:1319-1385.
20. Lemley MA. IP in a World Without Scarcity. *New York University Law Abstract*. 2015;90:460-478.
21. Li Phoebe. 3D Bioprinting Technologies: Patents, Innovation, and Access. *Law, Innovation and Technology*. 2014;6(2):282-304.
22. Osborn LS. Regulating Three-Dimensional Printing: The Converging Worlds of Bits and Atoms. *San Diego Law Abstract*. 2014;51:553-652.
23. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. 1st ed. World Economic Forum, 2016.
24. Smith S. Claiming a Cell Reset Button: Induced Pluripotent Stem Cells and Preparation Methods as Patentable Subject Matter. *Boston College Law Abstract*. 2015;56:1577-1598.
25. Tabrez E. 3D Bioprinting Patentable Subject Matter Boundaries. *Seattle University Law Abstract*. 2017;41(1):1-59.
26. Taylor DO. Amending Patent Eligibility. *UC Davis Law Abstract*. 2017;50:2149-2213.
27. Torrance AW. Synthesizing Law for Synthetic Biology. *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. 2010;11(2):629-665.
28. Varkey M, Atala A. Organ Bioprinting: A Closer Look at Ethics and Politics. *Wake Forest Journal of Law & Policy*. 2015;5(2):275-296.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.090-100

Е. С. Болтанова*,
М. П. Имекова**

Перспективы развития российского законодательства в сфере охраны прав граждан при обработке генетической информации (частноправовой взгляд)¹

Аннотация. В странах Европейского Союза существует тенденция к нормативному обеспечению охраны прав граждан при обработке генетической информации в таких сферах жизни общества, как здравоохранение, наука, труд и страхование. В России такая охрана прав граждан обеспечивается исключительно при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений.

В результате исследования установлено, что генетическая информация является элементом объектов разнообразных конституционных прав человека и гражданина (например, права на здоровье, права на тайну частной жизни, достоинство личности и т.д.), соответственно, может выступать объектом комплекса различных по отраслевой принадлежности правоотношений: конституционных, гражданских, трудовых и т.д. В этой связи сделан вывод о том, что охрана прав граждан в России при обработке генетической информации в таких сферах жизни общества, как здравоохранение, наука, труд и страхование, должна иметь комплексный (межотраслевой) характер. При этом не требуется принятие общего закона, который обеспечивал бы соответствующую охрану прав граждан во всех перечисленных сферах жизни общества. Достаточно внести точечные изменения в законы, регулирующие общественные отношения по обработке генетической информации в рамках той или иной сферы. Безусловно, центральное место среди таких законов должен занять Федеральный закон «О персональных данных». Его нормы имеют «сквозной» характер и подлежат применению ко всем общественным отношениям, так или иначе связанным с обработкой генетической информации.

Кроме этого, в России существует сфера жизни общества, которая непосредственно связана с обработкой генетической информации, но не подвергается законодательной регламентации, — это научные исследования с использованием биологических образцов человеческого происхождения. Авторы статьи предлагают по аналогии с законодательством Европейского Союза принять новый федеральный закон «Об исследованиях биологических образцов человеческого происхождения».

Ключевые слова: генетическая информация; обработка; генетические сведения; генетические данные; анонимизированные генетические данные; анонимные генетические данные; биологический образец;

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14071.

© Болтанова Е. С., Имекова М. П., 2022

* *Болтанова Елена Сергеевна*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
Московский тракт, д. 8, г. Томск, Россия, 634050
bes2@sibmail.com

** *Имекова Мария Павловна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета
Московский тракт, д. 8, г. Томск, Россия, 634050
imekova_maria@mail.ru

анонимизированный биологический образец; анонимный биологический образец; персональные данные; тайна частной жизни; биобанк.

Для цитирования: Болтанова Е. С., Имекова М. П. Перспективы развития российского законодательства в сфере охраны прав граждан при обработке генетической информации (частноправовой взгляд) // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 90–100. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.090-100.

Russian Legislation Development Prospects in the Field of Protection of Citizens' Rights in Processing of Genetic Information (Private Law Outlook)²

Elena S. Boltanova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Civil Law Department, Tomsk State University; Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
Moskovskiy trakt, d. 8, Tomsk, Russia, 634050
bes2@sibmail.com

Maria P. Imekova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Civil Law Department, Tomsk State University
Moskovskiy trakt, d. 8, Tomsk, Russia, 634050
Imekova_Maria@mail.ru

Abstract. The European Union countries tend to ensure the protection of citizens' rights when processing genetic information in such areas as healthcare, science, labor and insurance. In Russia, such protection of citizens' rights is provided exclusively for the prevention, disclosure and investigation of crimes.

The results of the study show that genetic information is an element of objects of various constitutional human and civil rights (for example, the right to health, the right to privacy, personal dignity, etc.). Consequently, it can be the object of a complex of legal relations of various areas of law: constitutional, civil, labor, etc. In this regard, it is concluded that the protection of the rights of citizens in Russia in processing of genetic information in such areas as healthcare, science, labor and insurance should have a complex (intersectoral) character. At the same time, there is no need to adopt a general law that would ensure the appropriate protection of citizens' rights in all these spheres of society. It is enough to make point changes to the laws regulating public relations on processing of genetic information within a particular sphere. The Federal Law «On Personal Data» should definitely take a central place among such laws. Its norms are of «cross-cutting» character and are subject to application to all public relations, one way or another related to the processing of genetic information.

In addition, there is a sphere of social life in Russia that is directly related to the processing of genetic information, but is not subject to legislative regulation. This is scientific research that uses biological samples of human origin. The authors of the paper, by analogy with the legislation of the European Union, propose to adopt a new Federal Law «On research of biological samples of human origin».

Keywords: genetic information; processing; genetic data; anonymized genetic data; anonymous genetic data; biological sample; anonymized biological sample; anonymous biological sample; personal data; privacy; biobank.

Cite as: Boltanova ES, Imekova MP. Perspektivy razvitiya rossiyskogo zakonodatelstva v sfere okhrany prav grazhdan pri obrabotke geneticheskoy informatsii (chastnopravovoy vzglyad) [Russian Legislation Development Prospects in the Field of Protection of Citizens' Rights in Processing of Genetic Information (Private Law Outlook)]. *Lex russica*. 2022;75(2):90-100. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.090-100. (In Russ., abstract in Eng.).

В последние несколько десятилетий как на международном уровне, так и на уровне отдельных стран особую актуальность приобрели вопросы, связанные с охраной прав граждан при обработке генетической информации³, возникающие в сфере здравоохранения,

науки, труда и страхования. В этой связи многие государства предпринимают меры по законодательному регулированию таких отношений.

В России являются урегулированными общественные отношения по обработке генетической информации, связанные с преду-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14071.

³ В рамках статьи под обработкой генетической информации будет пониматься любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемые с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с генетической информацией, включая ее сбор, запись, систе-

преждением, раскрытием и расследованием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их совершивших (Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»). Иные сферы общественных отношений, в том числе указанные выше, остаются без правового регулирования. Федеральные законы от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴, от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон о персональных данных), от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон об охране здоровья), от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»⁵, от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁶ и принятые на их основании и во их исполнение подзаконные акты не содержат норм, учитывающих специфику правового режима генетической информации. Такие акты, как Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ⁷, Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»⁸, не регламентируют вопросы охраны прав граждан, в частности в отношении генетической дискриминации при трудоустройстве, выполнении трудовых обязанностей, страховании.

Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию российского законодательства в части правового регулирования общественных отношений по обработке генетической информации, возникающих в сфе-

рах, не связанных с предупреждением, раскрытием и расследованием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их совершивших. При этом особое внимание будет уделено охране прав граждан при обработке генетической информации в сферах здравоохранения, науки, труда и страхования.

Немаловажную роль в развитии российского законодательства может сыграть ратификация международных договоров, прежде всего Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г.⁹ Как отмечается в литературе, часть принципов, закрепленных в данном документе, уже реализована в законодательстве РФ (например, проведение медицинского вмешательства только в результате получения письменного добровольного информированного согласия пациента). Однако есть ряд принципов, на которые следует обратить внимание. В основном они касаются биомедицинских и генетических исследований (например, запрещение дискриминации человека или группы по признакам, связанным с геном человека или его генетическим наследием)¹⁰.

Представляется возможным имплементировать также положительный опыт зарубежных стран, в частности стран Европейского Союза. Как показывает анализ законодательных актов РФ¹¹, отечественный законодатель в части правового регулирования общественных отношений в сфере обработки информации, прежде всего персональных данных, довольно часто руководствуется опытом именно данных стран.

матизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение. См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451; Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁵ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3849.

⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

⁷ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Геном, человек, право: проблемы теории и практики правового воздействия / под ред. д-ра юрид. наук Л. Н. Берг. М., 2021. С. 72–73.

¹¹ Закон о персональных данных во многом дублирует положения Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» (URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 07.12.2021)) (далее — Общий регламент о защите персональных данных).

Так, в странах ЕС на данные о здоровье и генетические данные распространены правовой режим персональных данных, а также тайны частной жизни¹². Это означает, что на обработку таких данных требуется получение информированного добровольного согласия лица, их предоставляющего. В случае обезличивания (анонимизации) соответствующих данных распространение правового режима персональных данных и тайны частной жизни на них исключается, в связи с чем они могут использоваться, например, для проведения научных исследований, в том числе путем их передачи третьим лицам. Целесообразно предусмотреть в российском законодательстве в отношении генетической информации (включенной, например, в научно-исследовательские и терапевтические биобанки¹³) аналогичные положения: с одной стороны, они помогут обеспечить охрану прав граждан, с другой — будут способствовать развитию науки, решению практических задач.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения относительно того, следует ли в конституции той или иной страны закреплять право на защиту генетической информации и связанные с ним права. Стоит отметить, что некоторые страны закрепили в своих конституциях подобные положения. В статьях 119, 120 и 121 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации закреплены права в сфере репродуктивной медицины, генной инженерии человека и трансплантологии. Право на защиту своей генетической идентичности закреплено в новой редакции ч. 5 ст. 5 Конституции Греции. В части 3 ст. 26 Конституции Португальской Республики указано, что закон гарантирует личное достоинство и генетическую идентичность человеческой личности, в частности при создании, разработке и использовании технологий и в научных экспериментах¹⁴.

Рассуждая о необходимости закрепления перечисленных прав в Конституции РФ, можно привести слова Е. Е. Никитиной, которая полагает, что часть таких прав «вытекает из прав человека, которые уже закреплены в Конституции РФ»¹⁵. Генетическая информация является элементом объектов разнообразных конституционных прав человека и гражданина (например, права на здоровье, права на тайну частной жизни, достоинства личности и т.д.), соответственно, может выступать объектом комплекса различных по своей отраслевой принадлежности правоотношений: конституционных, гражданских, трудовых и т.д. Необходимо признать, что Конституция РФ имеет иные цели принятия и не должна осуществлять правовое регулирование разнообразных отношений. Более того, существующая (логичная) структура этого базового акта не позволяет внести соответствующие правки. Иными словами, в изменении Конституции нет необходимости и возможности. С другой стороны, анонимизированные персональные сведения — это публичная сфера, и в соответствующей части российская Конституция правовое обеспечение не осуществляет.

Генетическая информация является в первую очередь элементом объекта такого конституционного права, как право на здоровье. Данному праву посвящен Закон об охране здоровья. Этот нормативный правовой акт занимает центральное место в правовом регулировании соответствующих общественных отношений, в связи с чем именно в нем должны закрепляться правовые, организационные и экономические основы такой охраны. Однако охрана здоровья граждан также осуществляется с помощью норм различных отраслей права и законодательства (гражданского, трудового, уголовного, административного права, информационного законодательства и др.). Как показывает анализ законодательства ЕС, именно такой много-

¹² См.: Общий регламент о защите персональных данных ; Рекомендации Комитета министров ЕС государствам-членам «Об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения» 2016 г. // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168064e8ff (дата обращения: 07.12.2021) ; Рекомендации Комитета министров государствам-участникам «О защите данных, касающихся здоровья» 2019 г. // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168093b26e (дата обращения: 07.12.2021).

¹³ О классификации биобанков см.: Болтанова Е. С., Имекова М. П. Виды биологических баз данных (биобанков) // Вестник ТГУ. Право. 2021. № 41. С. 136–148.

¹⁴ См.: Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.

¹⁵ Никитина Е. Е. Указ. соч.

сторонний подход при обработке генетической информации является эффективным.

Среди иных отраслей законодательства следует обратить внимание на информационное законодательство и его структурный элемент — Закон о персональных данных. Хотя данный закон и призван регулировать группу относительно однородных общественных отношений, связанных с обработкой персональных данных, осуществляемой разными лицами с использованием средств автоматизации, не стоит оставлять без внимания то обстоятельство, что характерной особенностью таких отношений является их сопричастность со многими сферами жизни субъекта персональных данных (сферами здравоохранения, семьи, труда, страхования и т.п.). В этой связи можно сделать вывод о том, что нормы Закона о персональных данных имеют «сквозной» характер и подлежат применению ко всем общественным отношениям, так или иначе связанным с обработкой персональных данных¹⁶. Именно по этой причине видится разумным начать совершенствование российского законодательства в сфере охраны прав граждан при обработке генетической информации с внесения изменений в Закон о персональных данных. По предлагаемому пути развития пошел и законодатель ЕС, который обеспечил охрану соответствующих прав своих граждан прежде всего Общим регламентом о защите персональных данных.

В статью 3 Закона о персональных данных, содержащую основные понятия, необходимо включить такие понятия, как «персональные данные о здоровье» и «генетические сведения»¹⁷. Необходимость введения понятия «персональные данные о здоровье» обусловлена тем, что генетические сведения неотделимы от данных о здоровье: на основании генетических сведений можно получить данные, которые относятся к состоянию здоровья физического лица и раскрывают информацию о прошлом,

текущем и будущем состоянии его физического или психологического здоровья. С учетом положений Общего регламента персональные данные о здоровье можно определить как данные, касающиеся физического или психического здоровья лица, в том числе получаемые при оказании медицинских услуг, которые раскрывают информацию о состоянии его здоровья.

В качестве основы понятия генетических сведений можно взять определение генетических данных, также приведенное в Общем регламенте о защите персональных данных, где «под генетическими данными понимаются персональные данные, касающиеся унаследованных или приобретенных генетических характеристик физического лица, которые предоставляют уникальную информацию о физиологии или здоровье указанного физического лица и которые являются результатом, в частности, анализа биологического образца соответствующего физического лица». Введение такого легального понятия позволит не только однозначно решить вопрос об охране генетических сведений с позиции законодательства о персональных данных, но и распространить правовой режим персональных данных на биологические образцы (биообразцы), в которых эти сведения содержатся. Таким образом, в российское законодательство будет имплементирован подход, сложившийся в практике ЕС, согласно которому в связи с тем, что биообразец (в физическом смысле) является источником или средством передачи генетических сведений, на него также должен распространяться правовой режим персональных данных¹⁸.

Закрепление понятия «генетические сведения» в Законе о персональных данных позволит разрешить проблему их отграничения от биометрических персональных данных. Принципиальное различие между ними заключается в том, что биометрические персональные данные не включают в себя данные о здоровье,

¹⁶ Исключение составляют отношения, перечисленные в ч. 2 ст. 1 Закона о персональных данных.

¹⁷ Авторы статьи исходят из необходимости разграничения таких понятий, как «генетические сведения» и «генетические данные», причем понятие «генетическая информация» является родовым по отношению к ним. Генетические сведения представляют собой персонифицированную генетическую (геномную) информацию (сведения), поскольку имеют индивидуальный, персональный характер как относящиеся прямо или косвенно к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу. Генетические данные — это персонифицированные (анонимизированные) генетические данные, которые характеризуются формализованным видом, часто содержатся в информационной системе и в связи с этим — систематизированы. См.: Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex russica. 2019. № 6. С. 110–122.

¹⁸ См.: Имекова М. П. Биобанк как объект прав // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 54–65.

хотя и характеризуют биологические особенности человека, в то время как генетические сведения в основном содержат информацию о здоровье человека. Различает между собой понятия «генетические данные» и «биометрические данные» и законодатель ЕС (см., например, ст. 4, 9 Общего регламента о защите персональных данных).

С учетом сказанного генетические сведения следует отнести к специальной разновидности персональных данных и упомянуть их в ч. 1 ст. 10 Закона о персональных данных (как это было сделано в отношении данных о здоровье), устанавливающей общий запрет на обработку таких данных. Названная часть должна содержать следующий текст: «Обработка специальных категорий персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, а также обработка данных, касающихся здоровья, генетических сведений, интимной жизни, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 2.1 настоящей статьи». Надо признать, что РФ не будет первопроходцем: аналогичным образом поступил законодатель ЕС, отнесший генетические данные к особым категориям персональных данных, в отношении которых установлен запрет на их обработку, за исключением отдельных случаев.

Изменения необходимо внести и в Закон об охране здоровья, в первую очередь в части основных принципов охраны здоровья граждан в РФ (ст. 4 Закона об охране здоровья). Причем речь должна идти не о введении новых принципов, а об уточнении существующих, а именно: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий (ст. 5); соблюдение врачебной тайны (ст. 13). Содержание этих принципов должно иметь такой элемент, как недопустимость генетической дискриминации при охране здоровья граждан. Как пред-

ставляется, акцентирование внимания на недопустимости такой дискриминации в названных принципах позволит избежать ее при оказании медицинской помощи, а также во всех иных общественных отношениях, подпадающих под сферу правового регулирования Закона об охране здоровья (ст. 1)¹⁹.

Итак, принцип «соблюдения прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечения связанных с этими правами государственных гарантий» нужно дополнить указанием на то, что государство обеспечивает гражданам охрану здоровья вне зависимости не только от наличия заболеваний, но и *от предрасположенности к таким заболеваниям, в том числе выявленной при оказании медицинской помощи* (ч. 2 ст. 5 Закона об охране здоровья); государство гарантирует гражданам защиту от любых форм дискриминации, обусловленной как их *предрасположенностью к заболеваниям*, так и наличием у них каких-либо заболеваний (ч. 3 ст. 5 Закона об охране здоровья).

В части 1 ст. 13 Закона об охране здоровья под названием «Соблюдение врачебной тайны» важно закрепить, что врачебную тайну составляют также генетические сведения. Кроме этого, необходимо определить закрытый перечень случаев, когда допускается разглашение таких сведений без согласия лица, предоставившего такие сведения, или его законного представителя.

Отдельного внимания заслуживает законодательное обеспечение прав граждан РФ в сфере охраны здоровья, в частности право на информацию о состоянии здоровья (ст. 22 Закона об охране здоровья). В состав такой информации следует включить генетические сведения.

Как отмечалось выше, охрана права граждан на здоровье при обработке генетической информации осуществляется нормами различных отраслей права и законодательства. С учетом многогранности соответствующих отношений и их правового опосредования в рамках настоя-

¹⁹ В некоторых странах были приняты отдельные законы, посвященные недопустимости такой дискриминации в различных сферах общественных отношений (например, в США принят Закон о запрете дискриминации на основе генетической информации 2008 г., в Канаде — Закон о запрещении генетической дискриминации 2017 г.). Недостаток такого подхода видится в том, что при нем подчеркивается исключительный характер генетической информации, ее особое место среди других видов информации применительно к той или иной сфере общественных отношений. Однако, как было отмечено выше, по поводу генетической информации может возникать комплекс разнородных общественных отношений, регулируемых различными отраслями права и законодательства. В этой связи оптимальным является внесение точечных изменений в соответствующие законодательные акты РФ, учитывающие специфику таких актов и регулируемых ими отношений.

щей статьи будет рассмотрено гражданское и трудовое законодательство на предмет их совершенствования для закрепления и развития охраны права граждан на здоровье.

Прежде всего, возникает вопрос о необходимости изменения ст. 150 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ²⁰, которая закрепляет перечень объектов гражданских прав. Гражданское законодательство, исходя из потребностей унификации и максимальной определенности регулируемых им отношений, последовательно подходит к вопросу о систематизации объектов прав. Существующие положения гражданского законодательства представляются достаточными для того, чтобы сделать вывод о правовом статусе биообразцов и содержащейся в них генетической информации. Биообразцы — это вещи, а генетические сведения — составная часть таких объектов, как здоровье, тайна частной жизни и база данных²¹. Причем тайна частной жизни является своего рода правовой гарантией реализации права на здоровье, по крайней мере с точки зрения его информационной составляющей. Принципиально иной подход к биообразцам и генетическим сведениям — подход как к объекту отношений, основанный на их специфике, — должен закрепляться в нормах специального законодательства (это законы о персональных данных, об охране здоровья).

В целях обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина в сфере труда и страхования следует в Трудовом кодексе РФ²², Законе РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» закрепить принцип запрещения генетической дискриминации. В целях последовательной реализации данного принципа в соответствующих актах требуется ввести запрет для работодателей, страховых организаций требовать от работников, страхователей и иных третьих лиц (например, лиц, оказывающих медицинские услуги, лиц, занимающихся исследованиями с использованием биомедицинских клеточных продуктов и биообразцов человеческого происхождения) раскрытия генетических сведений в отношении себя, членов семьи, родственников, а также иных

лиц. Кроме этого, целесообразно установить запрет на прохождение генетического тестирования и (или) предоставление генетических сведений в качестве условия заключения, изменения или прекращения трудового договора, договора страхования.

Немаловажный интерес для развития российского законодательства представляет обработка генетической информации при проведении научных исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения. Если руководствоваться ст. 1 Закона об охране здоровья, определяющей общественные отношения, подпадающие под сферу действия данного закона, то можно сделать вывод о том, что этим законом никак не охватываются названные общественные отношения. Российскому законодателю необходимо урегулировать эти отношения. В силу их специфики, как представляется, требуется принять отдельный закон. Не случайно по этому пути пошел и Европейский Союз, который разработал для государств — членов ЕС Рекомендации «Об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения» (2016 г.) Представляется допустимым дать такое же название российскому закону: Федеральный закон «Об исследованиях биологических образцов человеческого происхождения». Структурно он может состоять из следующих глав:

Глава 1. Общие положения.

Глава 2. Принципы проведения исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения.

Глава 3. Права и обязанности участников исследований, проводимых с использованием биообразцов человеческого происхождения.

Глава 4. Биобанки.

Глава 5. Этическая экспертиза исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения.

Глава 6. Контроль и надзор за проведением исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения.

Глава 7. Ответственность за нарушения, допущенные при проведении исследований

²⁰ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²¹ Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав. С. 110–122.

²² Можно дополнить существующий в Трудовом кодексе РФ принцип запрещения дискриминации в сфере труда, а именно: запретить дискриминацию в отношении работника, в том числе по признаку его генетического наследия.

с использованием биообразцов человеческого происхождения.

Глава 8. Заключительные положения.

В главу 1 «Общие положения» необходимо включить статьи, отражающие сферу действия закона, его цель, основные понятия, а также законодательство в области исследований биообразцов человеческого происхождения. Конечно, весьма важно определить общественные отношения, подпадающие под действие данного закона, отграничить их от общественных отношений, регулируемых другими законами, например Федеральным законом «О биомедицинских клеточных продуктах».

Особое внимание в рамках главы также должно быть уделено терминологии. Прежде всего, необходимо ввести такое понятие, как «биообразец», под которым следует понимать «биологический материал человеческого происхождения, определенным образом обработанный и содержащий информацию об унаследованных или приобретенных генетических характеристиках физического лица, которые предоставляют уникальную информацию о физиологии или здоровье указанного физического лица»²³.

Кроме этого, следует ввести такие понятия, как «анонимизированный (идентифицируемый) биообразец», «анонимизированные (идентифицируемые) генетические данные», «анонимный (неидентифицируемый) биообразец», «анонимные (неидентифицируемые) генетические данные». Термины «анонимизированный», «анонимный» свидетельствуют об обезличенности, отсутствии связи биообразцов и генетических данных с идентифицированными или идентифицируемыми физическими лицами. По этой причине на анонимизированный (идентифицируемый) биологический образец, анонимизированные (идентифицируемые) генетические данные, анонимный (неидентифицируемый) биологический образец, анонимные (неидентифицируемые) генетические данные не будут распространяться правовые режимы персональных данных и тайны частной жизни. Различие между анонимизированными (идентифицируемыми) биообразцами и генетическими данными и анонимными

(неидентифицируемыми) биообразцами и генетическими данными заключается в том, что анонимизированные (идентифицируемые) биообразцы и генетические данные не обладают связью с определенным физическим лицом, поскольку информация, идентифицирующая это лицо, была заменена или разобрана с использованием кода, допускающего обратную операцию — реидентификацию. Анонимные (неидентифицируемые) биообразцы и генетические данные — это биообразцы и генетические данные, которые изначально были собраны и зарегистрированы без привязки к идентифицированному или идентифицируемому лицу.

Введение перечисленных терминов позволит решить три задачи. Во-первых, разорвать правовую связь между биообразцами и генетическими сведениями за счет их обезличивания (анонимизации) и обеспечить возможность их отдельного использования в исследованиях. Во-вторых, разграничить правовые режимы между биообразцами, генетическими сведениями и анонимизированными, анонимными биообразцами и генетическими данными: на биообразцы и генетические сведения должны распространяться правовые режимы персональных данных и тайны частной жизни, в то время как распространение таких правовых режимов на анонимизированные и анонимные биообразцы и генетические данные должно быть исключено. В-третьих, определить случаи, когда для использования в исследованиях биообразцов и генетических сведений/данных требуется информированное добровольное согласие лица, их предоставившего (далее — донор). Так, такое согласие требуется для биообразцов и генетических сведений, в том числе в случае их перевода в анонимизированные (идентифицируемые) биообразцы и генетические данные. В отношении анонимных (неидентифицируемых) биообразцов и генетических данных получение согласия донора на их использование в исследованиях исключено, поскольку они изначально были получены без привязки к нему как к донору.

Кроме этого, требуется закрепить понятие биобанка. Как показывает анализ законо-

²³ По справедливому замечанию Г. С. Васильева, «ни тело человека, ни его производные не являются вещами, объектами вещных прав и сделок сами по себе. Такими объектами являются биообразцы — определенным образом обработанные человеческие клетки или ткани — при соблюдении предусмотренных в законе условий» (см.: *Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект прав // Правоведение. 2018. № 2. С. 335*).

дательства ЕС, чаще всего исследованиями с использованием биообразцов человеческого происхождения занимаются именно биобанки. Биобанк можно определить как юридическое лицо, имеющее коллекцию биологических образцов и ассоциированной с ним информации, предназначенных для биомедицинской диагностики и (или) биомедицинских исследований. Приведенное определение, безусловно, может быть изменено российским законодателем. Законодателю необходимо определиться с исследованиями, подпадающими под сферу правового регулирования Федерального закона «Об исследованиях биологических образцов человеческого происхождения», организационно-правовой формой юридического лица — биобанка и условиями осуществления его деятельности (см. подробнее об этом ниже).

В главе 2 «Принципы проведения исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения» видится возможным закрепить следующие принципы: 1) соблюдение прав граждан при проведении исследований с использованием их биообразцов; 2) приоритет интересов граждан при использовании их биообразцов в исследованиях; 3) информированное добровольное согласие граждан на проведение исследований с использованием их биообразцов; 4) конфиденциальность информации, получаемой при проведении исследований с использованием биообразцов и охраняемой в соответствии с Законом о персональных данных; 5) свобода исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения; 6) этическая экспертиза исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения; 7) недопустимость риска причинения вреда жизни и здоровью граждан при проведении исследований с использованием их биообразцов.

В главе 3 «Права и обязанности участников исследований, проводимых с использованием биообразцов человеческого происхождения» требуется в первую очередь уделить внимание информированному добровольному согласию граждан на проведение исследований с использованием их биообразцов. Как следует из анализа зарубежного законодательства, такое согласие является в настоящее время универсальным и зачастую основным инструментом регулирования различных по своей природе

отношений, возникающих в сфере биомедицины при оказании медицинской помощи, проведении научных исследований, применении репродуктивных технологий, проведении генетических тестов, донорстве, трансплантации, использовании биоматериалов и обработке содержащихся в них генетических и иных данных в медицинских, научных, производственных и иных целях²⁴. По этой причине в рассматриваемой главе необходимо закрепить право граждан на использование их биообразцов в исследованиях только при условии их информированного добровольного согласия. Причем такое согласие должно быть оформлено документально. До получения согласия донору должна предоставляться подробная информация: о целях исследований; об условиях хранения и использования биообразцов, включая доступ к ним и возможность их передачи третьим лицам; иных условиях хранения и использования биообразцов. Донор также должен быть проинформирован о правах и гарантиях, предусмотренных законом, в частности о праве отозвать свое согласие на использование предоставленных им биообразцов и генетических сведений в исследованиях и праве требовать их уничтожения или обезличивания (анонимизации).

Кроме того, целесообразно в анализируемой главе определиться с субъектами, обладающими правом на проведение исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения (далее — исследователь), их правами и обязанностями.

В главе 4 «Биобанк» необходимо закрепить: требования к юридическим лицам — биобанкам (их организационно-правовой форме, наличию лицензии на право осуществления исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения и т.п.), порядок учреждения биобанка (например, можно предусмотреть обязательную регистрацию биобанков в государственном реестре биобанков), управление в биобанке, порядок реорганизации и ликвидации биобанка.

В главе 5 «Этическая экспертиза исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения» требуется установить, что обязательным условием проведения таких исследований является получение заключения об этической обоснованности возможности их проведения. Его получение позволит обеспечить

²⁴ Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 9.

соблюдение прав и законных интересов участвующих в исследованиях граждан, которые должны превалировать над научными интересами. Безусловно, должна быть продумана система комитетов по этике либо учрежден один постоянно действующий комитет по этике, такой, например, как Совет по этике, созданный в целях выдачи заключения об этической обоснованности возможности проведения клинического исследования биомедицинского клеточного продукта²⁵.

Важно определить перечень условий для получения заключения об этической обоснованности возможности проведения исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения. К ним можно отнести, в частности, следующие условия: 1) физическое лицо, ответственное за исследование, обладает необходимым уровнем образования, квалификации и опыта; 2) известен источник финансирования исследования; 3) приняты меры, направленные на соблюдение прав доноров, участвующих в исследованиях, а информация о них охраняется в соответствии с Законом о персональных данных; 4) страхование исследователем риска причинения вреда жизни, здоровью граждан в результате проведения исследования с использованием их биообразцов за свой счет путем заключения договора обязательного страхования; 5) возложение на исследователя обязанности по уведомлению комитета по этике об изменениях в исследовании, выявленных рисках для жизни и здоровья доноров, а также о результатах исследования и т.п.

Безусловно, каждое проводимое исследование с биообразцами человеческого происхождения должно подвергаться надзору. Надзор может осуществляться федеральным органом исполнительной власти, выполняющим функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения, в форме проверок и мониторинга безопасности. Соответствующие положения следует закрепить в гл. 6 «Контроль и надзор за проведением исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения».

В главе 7 «Ответственность за нарушения, допущенные при проведении исследований с использованием биообразцов человеческого

происхождения» должна быть установлена ответственность исследователя за нарушение законодательства РФ об исследованиях с использованием биообразцов человеческого происхождения, в том числе ответственность за причинение вреда жизни и здоровью граждан при проведении таких исследований. В то же время видится разумным предусмотреть в качестве альтернативы механизму возмещения вреда страхование риска причинения вреда жизни, здоровью граждан в результате проведения исследования с использованием их биообразцов за счет средств исследователя путем заключения им договора обязательного страхования.

С учетом изложенного, безусловно, требуется внести точечные изменения в законы «О биомедицинских клеточных продуктах», «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и ряд других законов и принятые на их основании и во исполнение подзаконные акты с целью отграничить сферу их действия от сферы действия Федерального закона «Об исследованиях биологических образцов человеческого происхождения» и учесть особенности правового режима использования биообразцов и содержащихся в них генетических сведений.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что Россия в части правового регулирования общественных отношений по обработке генетической информации, возникающих в сфере здравоохранения, науки, труда и страхования, не нуждается в принятии общего закона. Охрана прав граждан в данных сферах может быть обеспечена за счет распространения правового режима персональных данных на биообразцы и связанные с ними генетические сведения. В то же время, поскольку персональные данные являются не единственной правовой гарантией реализации прав граждан, предложено обеспечить охрану прав граждан путем внесения точечных изменений в законы, регулирующие общественные отношения по обработке генетической информации в каждой из названных выше сфер жизни общества. Исключение составила сфера научных исследований с использованием биообразцов человеческого происхождения. Как было установлено, в РФ отношения в этой сфе-

²⁵ См.: ст. 14 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах»; приказ Минздрава России от 27.04.2017 № 191н «Об утверждении Положения о совете по этике, созданном в целях выдачи заключения об этической обоснованности возможности проведения клинического исследования биомедицинского клеточного продукта, порядка его деятельности и требований к квалификации и опыту работы экспертов совета по этике» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.12.2021).

ре не подвергаются регулированию. Поэтому было предложено принять новый федеральный закон «Об исследованиях биологических образцов человеческого происхождения».

Таким образом, правовое регулирование общественных отношений по обработке гене-

тической информации, возникающих в России в сфере здравоохранения, науки, труда и страхования, должно иметь комплексный (межотраслевой) характер. Только при таком подходе можно будет добиться эффективного уровня нормативного обеспечения охраны прав граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // *Lex russica*. — 2019. — № 6. — С. 110–122.
2. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Виды биологических баз данных (биобанков) // *Вестник ТГУ. Право*. — 2021. — № 41. — С. 136–148.
3. Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект прав // *Правоведение*. — 2018. — № 2. — С. 308–361.
4. *Геном, человек, право: проблемы теории и практики правового воздействия* / под ред. д-ра юрид. наук Л. Н. Берг. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 200 с.
5. Имекова М. П. Биобанк как объект прав // *Журнал российского права*. — 2020. — № 12. — С. 54–65.
6. Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // *Журнал российского права*. — 2020. — № 8. — С. 27–44.
7. Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 219 с.

Материал поступил в редакцию 8 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Boltanova ES, Imekova MP. Geneticheskaya informatsiya v sisteme obektov grazhdanskikh prav [Genetic information in the system of objects of civil rights]. *Lex russica*. 2019;6:110-122. (In Russ.)
2. Boltanova ES, Imekova MP. Vidy biologicheskikh baz dannykh (biobankov) [Types of biological databases (biobanks)]. *Vestnik TGU. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2021;41:136-148. (In Russ.)
3. Vasiliev GS. Chelovecheskiy biomaterial kak obekt prav [Human biomaterial as an object of rights]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2018;2:308-361. (In Russ.)
4. Berg LN, editor. *Genom, chelovek, pravo: problemy teorii i praktiki pravovogo vozdeystviya* [Genome, man, law: Problems of theory and practice of legal influence]. Moscow: Yurlitinform; 2021. (In Russ.)
5. Imekova MP. Biobank kak obekt prav [Biobank as an object of rights]. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*. 2020;12:54-65. (In Russ.)
6. Nikitina EE. Sistema prav i svobod cheloveka v usloviyakh tekhnologicheskoy revolyutsii [The system of human rights and freedoms in the context of technological revolution]. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*. 2020;8:27-44. (In Russ.)
7. Trubina VA. Tkani i organy cheloveka kak obekty grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk [Human tissues and organs as objects of civil rights. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2020. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.101-107

Н. В. Кручинина*

Криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств¹

Аннотация. Достижения в сфере биотехнологий повышают уровень жизни человека и улучшают ее качество, открывают новые возможности социальной деятельности, в том числе для бизнеса, а также используются в процессе противодействия преступности. В статье анализируются проблемы, связанные с изучением следов — веществ биологического происхождения человека, вопросы сбора и хранения геномной информации, формирования такого направления, как ДНК-криминалистика. Автор рассматривает вопрос о криминальных угрозах, связанных с использованием биотехнологий, включая преступления, совершенные с использованием биологического оружия, биотерроризм, а также анализирует криминальное использование биотехнологий, включая сферу вспомогательной репродукции человека. В статье определены возможности криминалистики в процессе обеспечения противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств. Речь идет прежде всего о выработке мер по предупреждению преступлений в этой сфере, создании методик расследования преступлений, совершаемых в этой области, представлении эффективных технических, тактических и методических рекомендаций по проверке значимой с криминалистических позиций информации.

Автор обосновывает точку зрения о том, что дальнейшее развитие биотехнологий невозможно без надлежащего правового регулирования, без защиты от криминальных рисков. Высокий уровень злоупотреблений, в том числе преступного характера, в сфере геномных исследований детерминирует потребность в формировании научной основы для выработки мер реагирования на криминальные риски в сфере искусственной репродукции человека, а также мер противодействия преступной деятельности в этой области. Ввиду этого, по мнению автора, назрела необходимость принятия отдельного федерального закона о вспомогательных репродуктивных технологиях.

Ключевые слова: биотехнологии; высокие технологии; ДНК; биологическое оружие; биотерроризм; киберпреступность; криминалистика; фальсификация; цифровая криминалистика; расследование преступлений; вспомогательные репродуктивные технологии.

Для цитирования: Кручинина Н. В. Криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 101–107. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.101-107.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14084.

© Кручинина Н. В., 2022

* Кручинина Надежда Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kriminalistmsal@list.ru

Criminalistic Implementation of Counteraction to the Use of Biotechnologies in the event of Commission of Criminal Offences²

Nadezhda V. Kruchinina, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kriminalistmsal@list.ru

Abstract. Achievements in the field of biotechnology raise the standard of human life and improve its quality, open up new opportunities for social activity, including for business, and are also used when combating crime. The paper analyzes the problems associated with the study of trace substances of human biological origin, the collection and storage of genomic information, the formation of such a direction as DNA forensics. The author examines the issue of criminal threats associated with the use of biotechnologies, including crimes committed with the use of biological weapons, bioterrorism, and analyzes the criminal use of biotechnologies, including the sphere of assisted human reproduction. The paper defines the possibilities of criminalistics in the process of countering the use of biotechnologies in the commission of criminal offences. First, we are talking about the development of measures to prevent crimes in this area, creation of methods for investigating crimes committed in this area, development of effective technical, tactical and methodological recommendations for verifying information that is significant from a forensic standpoint.

The author proves that further development of biotechnologies is impossible without proper legal regulation, without protection from criminal risks. The high level of abuse, including of a criminal nature, in the field of genomic research determines the need to form a scientific basis for developing measures to respond to criminal risks in the field of artificial human reproduction, as well as measures to counter criminal activity in this area. In view of this, according to the author, there is a need to adopt a separate federal law on assisted reproductive technologies.

Keywords: biotechnologies; high technology; DNA; biological weapons; bioterrorism; cybercrime; criminalistics; falsification; digital criminalistics; crime investigation; assisted reproductive technologies.

Cite as: Kruchinina NV. Kriminalisticheskoe obespechenie protivodeystviya ispolzovaniyu biotekhnologiy pri sovershenii prestupnykh posyagatelstv [Criminalistic Implementation of Counteraction to the Use of Biotechnologies in the event of Commission of Criminal Offences]. *Lex russica*. 2022;75(2):101-107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.101-107. (In Russ., abstract in Eng.).

Важным фактором развития экономики и общества являются успехи в области биотехнологий. К основным направлениям развития в сфере биотехнологий можно отнести совершенствование модифицированных организмов (ГМО), позволяющих достигать больших успехов в сельском хозяйстве. Биотехнологии могут улучшить демографическую ситуацию, расширить возможности медицины. Достижения в этой сфере используются и в процессе расследования преступлений наряду с другими высокими технологиями. Например, у следователей имеется возможность получения данных от информационных спутниковых систем, применения технологий при компьютеризации сбора, обработки, хранения информации, аппаратно-программных комплексов UFED, георадара «Око-2» и других устройств. В про-

цессе расследования используются материалы видеозаписей, благодаря государственной автоматизированной системе «Правосудие» появилась возможность ознакомиться с приговорами судов. Полагаем, что новые знания в криминалистике, которые основываются на применении современных информационно-коммуникационных технологий, необходимых для собирания и проверки уголовно-релевантной информации, целесообразно именовать цифровой криминалистикой.

Не менее важны для расследования преступлений и достижения в области биологии. В криминалистической литературе освещаются вопросы изучения следов — веществ биологического происхождения (кровь, слюна, сперма, эпителиальные клетки и т.д.), использования технико-тактических приемов в работе с ними³.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14084.

³ Андреев А. С. Обзор зарубежного опыта использования криминалистических средств, приемов и методов собирания, исследования, использования микробиома в раскрытии и расследовании преступле-

Так, в Федеральном законе от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»⁴ законодательно закрепляется использование методов ДНК-анализа. В обществе обсуждаются вопросы о сборе и хранении геномной информации, это связано и с определением правовых позиций по данной проблеме ЕСПЧ⁵, и с возможным увеличением круга лиц, на которых будет распространяться обязательная геномная регистрация⁶, и с неисполнением уже действующего закона. Появились работы, посвященные становлению и развитию ДНК-криминалистики⁷. Вместе с тем, помимо положительного опыта использования следов — веществ биологического происхождения, следственной практике известны случаи фальсификации доказательств⁸.

Многие достижения науки сопряжены с нравственными проблемами и криминальными рисками.

Так, киберпреступность — это мощный вызов национальной безопасности и экономике. В частности, профессор А. А. Мохов отмечает, что биохакерство способно причинить вред не только охраняемым законом интересам отдельной личности либо организации, но также обществу и государству⁹. Нередко мишенью кибератак становятся больницы, которые не так защищены, как банки. Известны случаи, когда под угрозой оказываются информационные ресурсы медицинских организаций, данные явления становятся еще более опасными в связи с развитием и использованием электронных

медицинских карт, биометрических и генетических паспортов. Поэтому важно, согласно п. 15 ст. 14 Указа Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»¹⁰, создавать средства по защите информации.

В Федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»¹¹ отмечается, что основными биологическими угрозами являются: появление новых инфекций, привнесение в нашу страну новых инфекционных и паразитарных заболеваний, возврат исчезнувших инфекций; аварии, катастрофы, которые могут случиться на объектах, где находятся источники биологической опасности, проведение на этих объектах диверсий и террористических актов.

На базе новейших достижений в области биотехнологий создается биологическое оружие, которое может быть применено против нашей страны, и это вызывает особую тревогу.

К изучению проблемы биотерроризма обращались такие ученые, как Л. Ф. Борисова, Е. Д. Дихтяр, А. А. Мохов, Н. Б. Хлыстова. Другие криминальные угрозы также являются объектом исследования ученых различных отраслей знаний.

Для исключения использования биотехнологий при совершении преступных посягательств важно совершенствование законодательства, регулирующего эту сферу. Зачастую там, где нет

ний // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 4. С. 130–133 ; *Аустов И. А.* Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 8–9 ; *Арутюнов А. С.* Особенности собирания и экспертного исследования следов биологического происхождения при расследовании преступлений. Краснодар, 2008 ; *Шамонова Т. Н.* Использование следов биологического происхождения, оставленных человеком, в расследовании преступлений насильственного характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 168.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Калиниченко П. А.* Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 30.

⁶ В Государственную Думу Российской Федерации в ноябре 2020 г. поступил законопроект № 1048800-7 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ *Моисеева Т. Ф.* Понятие, возможности и перспективы использования биологических методов в судебной экспертизе и криминалистике // *Эксперт-криминалист*. 2018. № 3. С. 37–39.

⁸ *Кручинина Н. В.* Криминалистический анализ расследования уголовного дела : учебно-методическое пособие. М., 2008. С. 43.

⁹ *Мохов А. А.* Биохакерство и биологическая безопасность // *Правовые основы биоэкономики и биобезопасности* : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2021. С. 224.

¹⁰ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72092478/>.

¹¹ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056868/>.

четкого правового регулирования, возникают злоупотребления, включая преступления. Необходимо криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств.

Ученые предлагают различные формулировки понятия криминалистического обеспечения: некоторые считают, что это просто использование знаний криминалистики, другие полагают, что это более сложная система применения знаний, включая не только использование достижений всех разделов криминалистической науки, но и предоставление этих знаний компетентным органам.

Отдавая должное ученым, которые высказывают свою позицию в отношении трактовки термина «криминалистическое обеспечение», полагаем, что система криминалистического обеспечения включает в себя следующие элементы: объединение знаний, накопленных наукой криминалистикой, адаптация этих знаний при необходимости, формирование новых знаний, а также предоставление их компетентным органам в удобных для восприятия формах с учетом того, что многие следователи и дознаватели — это молодые люди, которые привыкли работать с компьютером, приучающим к пошаговой системе решения задач.

На наш взгляд, следует добавить, что это не только предоставление криминалистических знаний компетентным органам, но и информирование законодательных органов о существующих криминальных угрозах и о возможностях их предотвращения, предупреждения.

Формирование этих криминалистических знаний происходит с использованием достижений всех разделов криминалистической науки. Разумеется, необходимо научное обоснование того, что данные формы являются оптимально эффективными. Криминалистические знания могут предоставляться в методиках расследования преступлений, руководствах, алгоритмах, программах. Например, криминалисты обратили внимание на проблему недостаточной разработанности методик расследования преступлений, совершенных с использованием биологического оружия.

В связи с этим профессор Е. Н. Холопова предлагает «в структуру частных методик данных преступлений включать общие сведения,

которые необходимы для раскрытия и расследования преступлений в зависимости от вида и совокупности использованных биологических агентов (средств); описание баз данных как инструмента для распознавания искусственно вызванных вспышек инфекционных болезней, вида биологического агента; рекомендации по организации раскрытия и расследования преступлений, в том числе по применению специальных знаний; перечень профилактических мер, основанных на постоянном мониторинге возможных биологических агентов и моделировании чрезвычайных ситуаций в каждом регионе». По ее мнению, должны быть «учтены особенности расследования, которые зависят от вида микроорганизма, использованного в биологическом оружии»¹².

В статье Е. Н. Холоповой не представлена полноструктурная методика расследования преступлений, совершенных с использованием биологического оружия, поскольку в науке криминалистике сложилось представление о структуре частной методики расследования преступлений, в которую входят: обстоятельства, подлежащие расследованию, криминалистическая характеристика преступления, следственные ситуации, алгоритм следственных действий и оперативных мероприятий, производство отдельных следственных действий. Между тем сама постановка вопроса, несомненно, имеет научную ценность. Преступления, совершаемые с использованием биотехнологий, следует изучать в качестве объекта криминалистического исследования, с определением перечня преступлений данной категории, с разработкой способов выявления готовящихся и совершенных преступлений, созданием методик расследования, выработкой мер криминалистического предупреждения этих преступлений.

На современном этапе существуют отдельные работы, посвященные преступлениям, совершенным в сфере биотехнологий. Биотехнологии также подвергаются криминальным угрозам. Существуют препятствия использованию результатов биотехнологий, например вакцин. Так, в апреле 2020 г. ГРЕКО опубликовала руководящие принципы, направленные на предотвращение коррупции в условиях особых рисков, связанных с пандемией

¹² Холопова Е. Н. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использованием биологического оружия // Эксперт-криминалист. 2021. № 4. С. 35.

COVID-19¹³. В этих руководящих принципах ГРЕКО фокусируется на различных типологиях коррупции в секторе здравоохранения в контексте пандемии COVID-19.

В руководящих принципах ГРЕКО подчеркиваются следующие потенциальные угрозы:

- 1) коррупция в системах закупок в сфере здравоохранения и отраслях, которые были затронуты пандемией COVID-19 (при этом системы закупок могут стать объектом лоббистской деятельности);
- 2) взяточничество в сфере медицинских услуг, которая может быть подвержена коррупционным рискам из-за стресса от пандемии COVID-19;
- 3) коррупция в новых исследованиях и разработках новой продукции, в том числе риски конфликта интересов на предприятиях;
- 4) COVID-мошенничество, например мошенничество, связанное с фальсификацией изделий медицинского назначения или средств индивидуальной защиты.

В апреле 2020 г. рабочая группа ОЭСР по борьбе с подкупом опубликовала заявление, предупреждающее, что «[b] воровство и коррупция могут затормозить разрешение кризиса COVID-19»¹⁴.

В рамках нашего исследования, посвященного безопасности процесса, основанного на достижениях биотехнологий, искусственной репродукции человека от злоупотреблений и преступлений, сделаны следующие выводы.

Во-первых, исследование «Криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств» — это структурный элемент системы «Биоправо», которой посвящают свои работы ученые Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В частности, кафедра криминалистики принимает участие в реализации дорожной карты по проекту «Биоправо» на 2022 г. с программой мероприятий «Биотехнологии в системе криминалистического обеспечения национальной безопасности».

Во-вторых, правом на применение методов искусственной репродукции человека пополнен перечень репродуктивных прав человека, к которым ученые причисляют право решать вопросы о количестве детей, о времени их рождения, право на репродуктивное здоровье. К сожалению, бесплодие — острая проблема общемирового масштаба.

В настоящее время одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации является улучшение демографической ситуации в стране. Особенно остро данный вопрос встал в связи с пандемией COVID-19. Естественная убыль населения России в 2021 г. составила 1,04 млн человек, как свидетельствуют данные Росстата.

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года¹⁵ указано на необходимость укрепления института семьи. Важной мерой воздействия в этом направлении является предоставление гражданам возможности обратиться в поликлинику по месту жительства для проведения в рамках ОМС обследования на выявление причин бесплодия у женщины. Если случай требует лечения с применением ЭКО, то документы и результаты обследования пары подаются на рассмотрение комиссии, которая отвечает за направление пациентов в клинику. Если комиссия выносит положительное решение, то паре выдается направление на ЭКО по ОМС. К сожалению, при предоставлении квот для прохождения процедуры ЭКО граждане лишены права выбора клиники.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) или искусственные методы репродукции человека — это технологии, которые представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых воспроизводятся этапы зачатия и развития эмбриона вне материнского организма.

Такой научный прогресс дает бесплодным парам возможность иметь детей, но, с другой стороны, ставит перед законодателем проблемы, которые ранее не существовали. Зарожде-

¹³ Corruption Risks and Useful Legal References in the context of COVID-19 / Doc. Greco (2020) 4, Strasbourg, 15 April 2020 // URL: <https://rm.coe.int/corruption-risks-and-useful-legal-references-in-the-context-of-covid-1/16809e33e1> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁴ Global Anti-Bribery Year-in-Review: 2020 Developments and Predictions for 2021 / Wilmer Hale. January 28, 2021. P. 9–10.

¹⁵ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

ние и само рождение ребенка с использованием ВРТ происходит в период, отличающийся от упомянутого в Семейном кодексе РФ периода в 40 недель / 9 месяцев / 300 дней. С помощью прогрессирующей медицины данный период теперь может быть увеличен на неограниченное время за счет того, что есть возможность хранения эмбрионов в медицинских учреждениях.

В-третьих, в этой сфере существует обширный круг проблем экономического, медицинского, этического, правового характера. Анализ ряда документов, касающихся искусственной репродукции человека, принятых международными организациями и органами, в том числе ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО, Советом Европы, показал, что многие из проблем носят международный характер. Из-за законодательных пробелов нередко случаи возникновения споров гражданского-правового характера между биологическими (родными) родителями и суррогатной матерью, а также между биологическими родителями и медицинским учреждением. Так, в июле 2021 г. появилась информация, что в перинатальном центре Челябинска перепутали эмбрионы при ЭКО, в результате женщина выносила и родила чужого ребенка. В мировой практике известны случаи незаконного редактирования генома эмбриона человека. Требуется выработка мер реагирования на такие нарушения, в том числе криминализация определенных деяний.

В-четвертых, междисциплинарный подход, включающий и науку криминалистику, и мониторинг следственной практики, позволил заключить, что действующее в нашей стране законодательство, регулирующее правоотношения в рассматриваемой сфере, несовершенно и открывает возможности для злоупотреблений, включая преступления. Совершаются преступ-

ные деяния, связанные с различного рода фальсификациями, мошенничеством, коррупцией, преступлениями медицинских работников при осуществлении их профессиональной деятельности, торговля людьми.

В-пятых, доказано, что дальнейшее развитие биотехнологий невозможно без надлежащего правового регулирования и защиты от криминальных рисков. Высокий уровень злоупотреблений, в том числе преступного характера, в сфере геномных исследований, в частности использования ВРТ, добавляет аргументов противникам применения этих технологий, которые стремятся максимально ограничить, а иногда и запретить их полностью.

Впервые заложена научная основа для выработки мер реагирования на криминальные риски в сфере искусственной репродукции человека, предложены меры противодействия преступной деятельности в этой области, сделан вывод о необходимости принятия в РФ федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях».

В рамках нашего исследования создана база для разработки программы противодействия преступной деятельности в сфере искусственной репродукции человека.

Наука криминалистика вносит свой вклад в процесс криминалистического обеспечения противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств, который в основном заключается в выработке мер по предупреждению преступлений в этой сфере, создании методик расследования преступлений, совершаемых в этой области, представлении эффективных технических, тактических и методических рекомендаций по проверке значимой с криминалистических позиций информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аистов И. А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2000.
2. Андреев А. С. Обзор зарубежного опыта использования криминалистических средств, приемов и методов собирания, исследования, использования микробиома в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2018. — № 4 — С. 130–133.
3. Арутюнов А. С. Особенности собирания и экспертного исследования следов биологического происхождения при расследовании преступлений. — Краснодар, 2008.
4. Калиниченко П. А. Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // Lex russica. — 2019. — № 6 — С. 30–36.
5. Кручинина Н. В. Криминалистический анализ расследования уголовного дела : учебно-методическое пособие. — М., 2008.

6. Моисеева Т. Ф. Понятие, возможности и перспективы использования биологических методов в судебной экспертизе и криминалистике // Эксперт-криминалист. — 2018. — № 3 — С. 37–39.
7. Мохов А. А. Биохакерство и биологическая безопасность // Правовые основы биоэкономики и биобезопасности : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. — М. : Проспект, 2021.
8. Холопова Е. Н. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использованием биологического оружия // Эксперт-криминалист. — 2021. — № 4 — С. 35–37.
9. Шамонова Т. Н. Использование следов биологического происхождения, оставленных человеком, в расследовании преступлений насильственного характера : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.

Материал поступил в редакцию 10 января 2022 г.

REFERENCES

1. Andreev AS. Obzor zarubezhnogo opyta ispolzovaniya kriminalisticheskikh sredstv, priemov i metodov sobiraniya, issledovaniya, ispolzovaniya mikrobioma v raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Overview of foreign experience in the use of forensic tools, techniques and methods of collecting, research, and use of the microbiome in the detection and investigation of crimes]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2018;4. (In Russ.)
2. Aistov IA. Ispolzovanie sledov biologicheskogo proiskhozhdeniya pri rassledovanii prestupleniy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The use of traces of biological origin in the investigation of crimes. Abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis]. Saratov; 2000. (In Russ.)
3. Arutyunov AS. Osobennosti sobiraniya i ekspertnogo issledovaniya sledov biologicheskogo proiskhozhdeniya pri rassledovanii prestupleniy [Features of collecting and expert examination of traces of biological origin in the investigation of crimes]. Krasnodar, 2008. (In Russ.)
4. Kalinichenko PA. Razvitie sudebnoy praktiki po delam v sfere genomiki cheloveka: mirovoy opyt i Rossiya [Development of Court Practice in Cases Involving Human Genomics: World Experience and Russia]. *Lex russica*. 2019;6. (In Russ.)
5. Kruchinina NV. Kriminalisticheskii analiz rassledovaniya ugovnogo dela: uchebno-metodicheskoe posobie [Criminalistic analysis of the investigation of a criminal case: A textbook]. Moscow; 2008. (In Russ.)
6. Mokhov AA. Biokhakerstvo i biologicheskaya bezopasnost [Biohacking and biological safety]. In: Mokhov AA, editor. *Pravovye osnovy bioekonomiki i biobezopasnosti: monografiya* [Legal foundations of bioeconomics and biosafety. A monograph]. Moscow: Prospekt; 2021. (In Russ.)
7. Moiseeva TF. Ponyatie, vozmozhnosti i perspektivy ispolzovaniya biologicheskikh metodov v sudebnoy ekspertize i kriminalistike [The concept, possibilities and prospects of using biological methods in forensic examination and criminalistics]. *Ekspert-kriminalist [Forensic Expert]*. 2018;3. (In Russ.)
8. Shamonova TN. Ispolzovanie sledov biologicheskogo proiskhozhdeniya, ostavlennykh chelovekom, v rassledovanii prestupleniy nasilstvennogo kharaktera: dis.. kand. jurid. nauk [The use of traces of biological origin left by a person in the investigation of violent crimes. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow, 2002. (In Russ.)
9. Kholopova EN. Raskrytie i rassledovanie prestupleniy, sovershennykh s ispolzovaniem biologicheskogo oruzhiya [Disclosure and investigation of crimes committed with the use of biological weapons]. *Ekspert-kriminalist [Forensic Expert]*. 2021;4. (In Russ.)

Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации

Аннотация. Цифровая трансформация (digital transformation) адвокатской деятельности и адвокатуры предполагает нахождение, отбор, выработку подходов, обеспечивающих перевод данных об объектах, связях и процессах реального (аналогового) мира, относящихся к соответствующей предметной области, в виртуальный (цифровой) формат. Поэтому весьма важно, чтобы описание свойств объектов, связей и процессов, подлежащих цифровизации (digitalization), было машиночитаемым (machine-readable), а «доцифровой» (аналоговый) образ таковых укладывался в парадигму информационных технологий (information technology, IT) для последующего преобразования этого образа в цифровую форму.

Цифровая трансформация адвокатской деятельности и адвокатуры не является самоцелью. Ключевым является вопрос о качестве квалифицированной юридической помощи (КЮП). Вопрос качества КЮП необходимо решать на системной основе, учитывая при этом такие функции менеджмента качества, как планирование качества (quality planning), обеспечение качества (quality assurance), управление качеством (quality control), улучшение качества (quality improvement). Разработка тематики качества (надлежащего качества) квалифицированной юридической помощи предполагает формирование на надлежащей методологической основе некоей теоретической модели с последующим ее воплощением в нормативной (нормативно-правовой) базе экосистемы адвокатуры и реализацией в корпоративной практике. Одну из таких моделей предлагает автор. В основу модели положен так называемый процессный подход.

В статье описывается сущность процессного подхода, представляется сама процессная модель качества КЮП и дается общая характеристика ее элементов. Процессная модель позволяет взглянуть на оказание КЮП через призму используемого в IT процессного подхода: дает возможность планировать оказание, оказывать и анализировать результаты оказанной КЮП в парадигме данного подхода. Автор отмечает высокий аналитический потенциал процессной модели качества квалифицированной юридической помощи и ее практическую полезность.

Ключевые слова: цифровая трансформация адвокатской деятельности и адвокатуры; цифровизация адвокатуры; квалифицированная юридическая помощь; качество квалифицированной юридической помощи; процессная модель качества квалифицированной юридической помощи.

Для цитирования: *Гаврилов С. Н.* Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 108–120. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.108-120.

© Гаврилов С. Н., 2022

* *Гаврилов Сергей Николаевич*, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра внедрения и эксплуатации Комплексной информационной системы адвокатуры России Федеральной палаты адвокатов РФ
пер. Сивцев Вражек, д. 43, г. Москва, Россия, 119002
gavrilov@fparf.ru

Implementation of a Process Approach to the Quality of Expert Legal Assistance in the face of Digitalization

Sergey N. Gavrillov, Cand. Sci (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Center for the Implementation and Operation of the Integrated Information System, Russian Bar Association, Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation
per. Sivtsev Vrazhek, d. 43, Moscow, Russia, 119002
gavrillov@fparf.ru

Abstract. Digital transformation of legal profession and advocacy involves finding, selecting, and developing approaches that ensure the translation of data about objects, connections, and processes of the real (analog) world related to the relevant subject area into a virtual (digital) format. Therefore, it is very important that the description of the properties of objects, connections and processes subject to digitalization should be machine-readable, and the «pre-digital» (analog) image of such should fit into the paradigm of information technology (Information Technology, IT) for the subsequent transformation of this image into digital form.

The digital transformation of legal profession and advocacy is not an end in itself. The key issue is the quality of expert legal assistance. The issue of the quality of expert legal assistance must be addressed on a systematic basis, taking into account such quality management functions as quality planning, quality assurance, quality control, and quality improvement. The development of the topic of quality (proper quality) of expert legal assistance involves the formation of a certain theoretical model on an appropriate methodological basis, followed by its implementation in the regulatory (regulatory) framework of the ecosystem of advocacy and implementation in corporate practice. The author offers one of these models. The model is based on the so-called process approach. The paper describes the essence of the process approach, the process model of the quality of the expert legal assistance itself and gives a general description of its elements. The process model allows you to look at the provision of expert legal assistance through the prism of the process approach used in IT: it makes it possible to plan the provision, provide and analyze the results of the rendered expert legal assistance in the paradigm of this approach. The author notes the high analytical potential of the process model of the quality of qualified legal aid and its practical usefulness.

Keywords: digital transformation of advocacy and advocacy; digitalization of advocacy; expert legal assistance; quality of expert legal assistance; process model of quality of expert legal assistance.

Cite as: Gavrillov SN. Realizatsiya protsessnogo podkhoda k kachestvu kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v usloviyakh tsifrovizatsii [Implementation of a Process Approach to the Quality of Expert Legal Assistance in the face of Digitalization]. *Lex russica*. 2022;75(2):108-120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.108-120. (In Russ., abstract in Eng.).

1. К постановке проблемы. Планирование и реализацию профессиональных и корпоративных процессов адвокатуры, подлежащих цифровой трансформации, следует осуществлять с учетом реалий и перспектив дальнейшего развития информационных технологий (information technology, IT), включая применение искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI). Речь идет об уже продуцируемых и предлагаемых отраслью legal tech¹ сервисах с возможностями прикладного AI, именуемого еще узким, слабым (applied, narrow, weak), способным решать какую-либо конкретную или несколько сходных задач ин-

теллектуального свойства. В предполагаемой перспективе это должны быть IT-продукты с потенциалом универсального AI, определяемого как сильный (strong, artificial general intelligence, AGI), который в состоянии решать фактически любые задачи, относящиеся к категории интеллектуальных.

Цифровая трансформация адвокатской деятельности и адвокатуры предполагает нахождение, отбор, выработку подходов, обеспечивающих перевод данных² об объектах, связях и процессах реального (аналогового) мира, относящихся к соответствующей предметной области, в виртуальный (цифровой) формат.

¹ Legal tech — отрасль, которая специализируется на информационно-технологическом обеспечении профессиональной юридической деятельности.

² Данные согласно Стандарту SO/IEC/IEEE 24765:2010: Systems and software engineering — Vocabulary (Системная и программная инженерия. Словарь) — это «зарегистрированная информация; представление

Поэтому весьма важно, чтобы описание свойств объектов, связей и процессов, подлежащих цифровизации, было машиночитаемым (machine-readable), а «доцифровой» (аналоговый) образ таковых укладывался в парадигму IT для последующего преобразования этого образа в цифровую форму.

Цифровая трансформация (digital transformation) адвокатской деятельности и адвокатуры рассматривается нами как политика и процессы, включающие информатизацию (informatization), цифровизацию (digitalization) и автоматизацию (automation) определенных бизнес-процессов³ (business processes) и функций (function), связанных с непосредственным осуществлением адвокатской деятельности, функционированием адвокатской корпорации (включая управление ею), и позволяющие обеспечить качественно новый уровень реализации *основного* (оказание квалифицированной юридической помощи) и *обеспечивающих* (управление организациями и органами адвокатской корпорации и др.) корпоративных бизнес-процессов и функций.

Применительно к адвокатской деятельности под *бизнес-процессами* понимаются процессы, осуществляемые адвокатами, а также стажерами адвоката, помощниками адвоката, сотрудниками адвокатских образований (далее — субъекты, содействующие оказанию квалифицированной юридической помощи) при оказании квалифицированной юридической помощи и (или) в связи с таковой.

Под *бизнес-процессами адвокатуры* понимаются процессы (основные, обеспечивающие, управляющие, операционные и др.), которые обеспечивают деятельность адвокатов как членов адвокатской корпорации и субъектов, содействующих оказанию квалифицированной юридической помощи, а также функционирование Федеральной палаты адвокатов РФ, адво-

катских палат субъектов РФ и адвокатских образований как соответствующих организаций (их органов и структур) при реализации ими полномочий и функций, предусмотренных законодательными и корпоративными нормативными актами адвокатуры.

Цифровая трансформация адвокатской деятельности и адвокатуры не является самоцелью. Ключевым является вопрос о качестве квалифицированной юридической помощи.

Ранее мы неоднократно обращали внимание на проблемы, связанные с отсутствием в законодательстве понятия «качество квалифицированной юридической помощи» и законодательного толкования самого понятия «квалифицированная юридическая помощь», а также проблемы, связанные с наличием различных научных и практических подходов к данным сущностям⁴. В результате единого методологического подхода к качеству квалифицированной юридической помощи (далее — КЮП) и его (качества) менеджменту на системном уровне не выработано.

Что касается существующих в адвокатуре организационно-правовых систем (механизмов, процедур) в области качества КЮП, то они, по нашему мнению, носят фрагментарный характер с акцентуацией на функции контроля, реализуемой при осуществлении дисциплинарного производства.

Вместе с тем вопрос качества КЮП необходимо решать на системной основе, учитывая при этом такие функции менеджмента качества, как *планирование качества* (quality planning), *обеспечение качества* (quality assurance), *управление качеством* (quality control), *улучшение качества* (quality improvement).

Разработка тематики качества (надлежащего качества) КЮП предполагает формирование на надлежащей методологической основе некоей теоретической модели с последующим ее во-

фактов, понятий или инструкций в форме, приемлемой для общения, интерпретации или обработки человеком или с помощью автоматических средств».

³ Обращаем внимание на то, что термин «бизнес-процесс» употребляется нами здесь и далее не в юридическом значении (как процесс, связанный с предпринимательством, извлечением прибыли и т.п.), а как термин, принятый в лексиконе менеджмента и IT, подразумевающий под собой некие деловые процессы вне зависимости от предметной области.

⁴ См., например: *Гаврилов С. Н.* К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // *Адвокатская практика*. 2010. № 5. С. 4–19; *Он же.* Процессная модель качества квалифицированной юридической помощи в контексте цифровой трансформации адвокатуры // *Там же.* 2020. № 6. С. 9–24.

В указанных публикациях нами обосновывается тезис о том, что понятия «качество» и «квалифицированность» юридической помощи не являются тождественными.

площением в нормативной (нормативно-правовой) базе экосистемы адвокатуры и реализацией в корпоративной практике.

Полагаем, что в основу методологии качества КЮП может быть положена идеология наиболее авторитетной теории менеджмента качества — теории всеобщего менеджмента качества (total quality management, TQM), закрепленная в стандартах семейства ISO 9000⁵, которые имеют межгосударственные и национальные версии⁶.

В основу данной методологии положен так называемый *процессный подход*. В соответствии с п. 2.4 ГОСТ ISO 9000-2011 «любая деятельность, в которой используются ресурсы для преобразования входов в выходы, может рассматриваться как процесс»⁷.

В пользу избрания процессной модели качества КЮП говорит и то, что существующие методологии описания бизнес-процессов на ее основе активно применяются в сфере ИТ. В частности, речь идет о методологии функционального моделирования SADT (structured analysis and design technique) и семействе соответствующих стандартов IDEF (ICAM DEfinition), позволяющих моделировать (описывать) бизнес-процессы в различных предметных областях.

В представленном материале дается общее описание процессной модели качества КЮП и ее элементов. Подробное раскрытие сущности элементов модели, связей и взаимозависимостей между ними — задача отдельных публикаций.

2. Сущность процессного подхода и процессная модель качества КЮП. Процесс представляет собой *деятельность*, вследствие которой осуществляется преобразование неких потоков (информации, материи, энергии) из *входа* в *выход* на основе *требований* и с помощью определенных *ресурсов*.

Изобразим в общем виде процессную модель оказания КЮП, на основе которой построена модель качества (рис. 1).

Процесс оказания КЮП включает в себя ряд *подпроцессов*. Например, это подпроцессы юридического консультирования, составление документов правового характера, представление доверителя в различных видах судопроизводства и т.п.

В пункте 2 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁸ (далее — Закон об адвокатуре) дается исчерпывающий перечень видов юридической

Рис. 1

⁵ Стандарты семейства ISO 9000 разработаны Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardizing Associations, ISO).

⁶ См.: ГОСТ Р ИСО 9000-2015: Национальный стандарт РФ. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Quality management systems. Fundamentals and vocabulary // URL: <http://gost.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

⁷ URL: <http://gost.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

Рис. 2

помощи, оказываемой адвокатами. В сущности, все их возможно рассматривать как некие *подпроцессы* общего процесса оказания КЮП.

В свою очередь, например, *процесс юридического консультирования* как вид оказания КЮП предполагает проведение таких *подпроцессов*, как интервьюирование доверителя, сбор и анализ документов, осуществление квалификации правовой ситуации, в частности проведение анализа законодательства, юридической (судебной) практики, и др.

Одновременно и в связи с *процессом оказания КЮП* осуществляется *процесс разрешения правовой проблемы доверителя*. При этом *процесс оказания КЮП* является факультативным по отношению к *процессу разрешения правовой проблемы доверителя*.

Объем правовых (законных) средств (методов, приемов, способов) разрешения правовой проблемы доверителя, несомненно, шире, нежели объем средств, применяемых для оказания КЮП.

Так, к числу средств разрешения правовой проблемы можно отнести проведение переговоров, медиацию, заключение мирового соглашения, заглаживание вреда. Эти и другие действия могут быть совершены наряду с оказанием КЮП или без обращения за таковой.

В качестве иллюстрации возможно схематически изобразить отдельно три вида процессов (рис. 2): процесс разрешения правовой проблемы доверителя (3); процесс оказания КЮП доверителю (3.1); процесс правовой квалификации юридической ситуации, вызвавшей для доверителя правовую проблему (3.2).

Каждый из этих *процессов* возможно рассматривать как *подпроцесс* более общего процесса и в то же время декомпозировать его на меньшие (внутренние) подпроцессы⁹.

В таком случае возможно утверждать, что *процесс оказания КЮП* играет некую служебную роль для *процесса разрешения правовой проблемы доверителя*, осуществляется с целью получения положительного для доверителя правового результата и может являться одним из средств, содействующих разрешению правовой проблемы.

На рис. 3 процесс оказания юридической помощи и его элементы (выделены серым цветом) изображены в контексте процесса разрешения правовой проблемы.

При построении процессной модели весьма важно определить границы бизнес-процессов. Как отмечено выше, процесс разрешения правовой проблемы может включать в себя процесс оказания КЮП: с точки зрения смыслового

⁹ Например, *процесс* правовой квалификации содержит в себе *подпроцесс* сбора и анализа правоприменительной (судебной) практики по определенной категории дел.

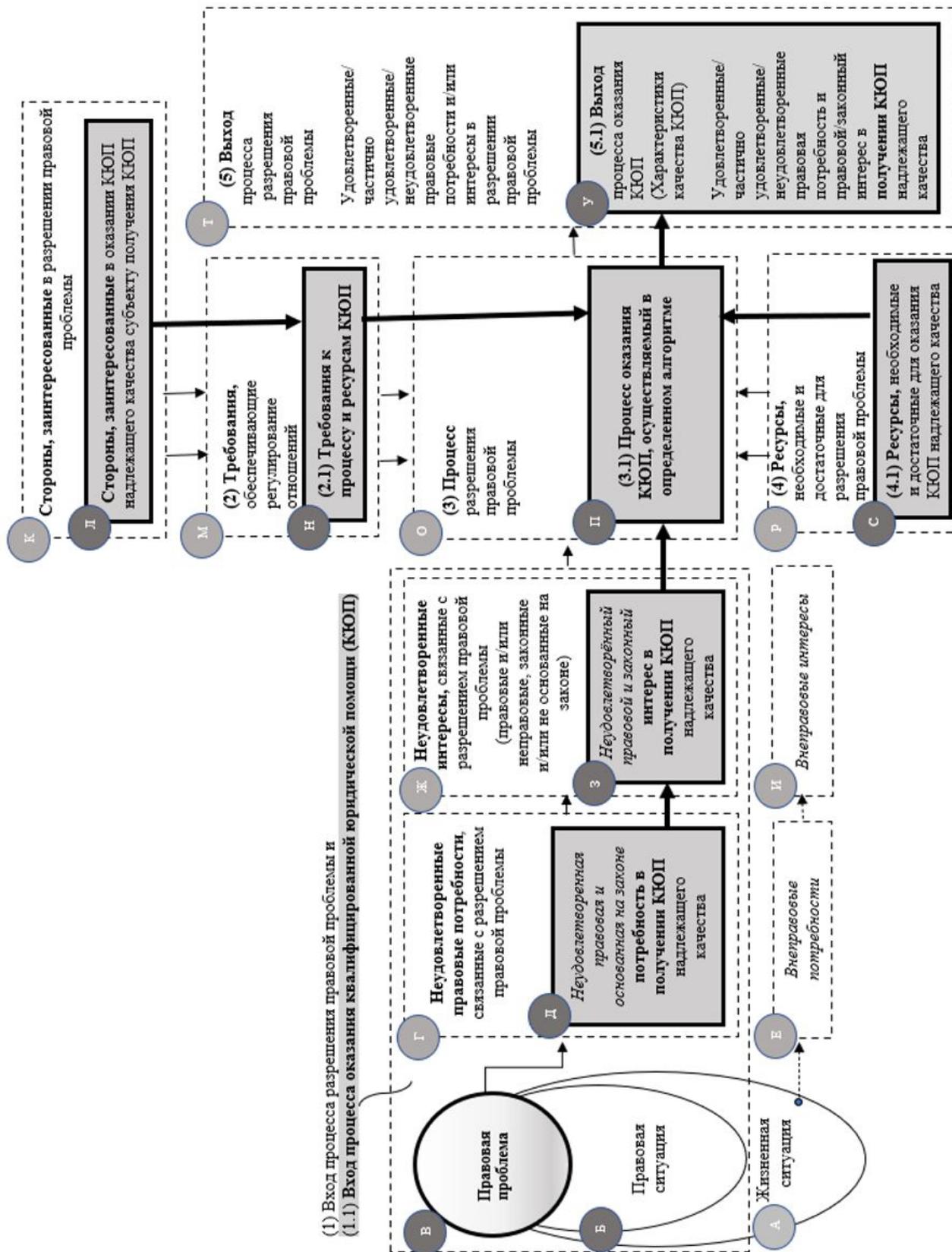

Рис. 3

объема (наполнения) он шире последнего. В таком контексте процесс оказания КЮП является подпроцессом более общего процесса разрешения правовой проблемы.

Определение границ процесса важно как для описания всех элементов процессной модели (поскольку они имеют индивидуальное наполнение: вход; требования; состав заинтересованных сторон, которые такие требования предъявляют; само содержание процесса; ресурсы, необходимые для его реализации; выход процесса), так и для формулирования вывода об уровне качества осуществленного процесса и входящих в него подпроцессов.

В рамках процесса оказания КЮП может и должна быть решена задача оказания таковой с надлежащим качеством. Но это не означает, что в рамках данного процесса во всех случаях может быть решена задача разрешения правовой проблемы доверителя с положительным для него правовым результатом.

Говоря о качестве КЮП, необходимо изначально обозначить, что качество таковой определяется вовсе не правовым результатом по делу (например, тем, что иск доверителя удовлетворен). Качество КЮП определяется тем, насколько корректно адвокат и лица, содействующие оказанию КЮП, выполнили правовые¹⁰ и (или) законные *требования*, предъявляемые к процессу и ресурсам оказания КЮП (Н¹¹); осуществили *процесс оказания КЮП* (П); обес-

печили подбор и использование *ресурсов, необходимых и достаточных для оказания КЮП надлежащего качества* (С).

При этом влияние адвоката на сложившуюся правовую ситуацию, вызвавшую для доверителя правовую проблему, на объем полномочий, которыми обладает доверитель в сложившейся правовой ситуации, весьма относительно, а непосредственное влияние на такой, например, вид требований из категории «М», как законодательные (регулирующие) общественные отношения, в связи с которыми у доверителя возникла правовая проблема, исключено¹².

3. Элементы процессной модели. Дадим общее описание элементов процессной модели (см. рис. 3).

(А) *Жизненная ситуация*¹³ — совокупность условий и обстоятельств, возникших у субъекта получения КЮП (доверителя) в процессе его социальной жизнедеятельности (в процессе реализации общественных отношений с его участием). Определенная *жизненная ситуация* может отражаться в правоотношениях, которые позволяют рассматривать данную ситуацию как *правовую ситуацию*, возможно, заключающую в себе некую *правовую проблему*.

(Б) *Правовая ситуация*¹⁴ — вид жизненной ситуации, общественные отношения в которой регулируются правом и (или) законом.

(В) *Правовая проблема* — вопрос (совокупность вопросов) юридического характера, тре-

¹⁰ Феномен «право» рассматривается нами в контексте юридического подхода к правопониманию. Может возникнуть впечатление, что обращение в контексте исследуемой проблематики ко многим ключевым для права феноменам (право, закон, правовая ситуация, правовой (законный) интерес и др.) приводит к некоей схематизации и даже упрощению подхода к ним. Вовсе нет. По нашему мнению, предлагаемая процессная модель качества КЮП позволяет избирать и применять разнообразные исследовательские стратегии с учетом существующих различных научных представлений об отдельных феноменах (явлениях).

¹¹ Здесь и далее таким образом мы обозначаем соответствующие элементы процессной модели, изображенные на рис. 3.

¹² В данном случае мы оставляем без внимания правовые механизмы участия граждан в законодательном (законодательном) процессе и возможность влияния на данный процесс адвокатуры как института гражданского общества.

¹³ В сфере социального обслуживания используется термин «трудная жизненная ситуация». См.: ГОСТ Р 52495-2005: Национальный стандарт. Социальное обслуживание населения. Термины и определения. (Social service of the population. Terms and definitions) // URL: <http://gost.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

¹⁴ В литературе в качестве правовой ситуации нередко рассматривается ситуация, складывающаяся на другом уровне — применительно к ситуации в стране (государстве): «Сложная совокупность взаимосвязанных социально-правовых явлений и процессов (состояние законодательства, законопослушность граждан, качество деятельности правоохранительных органов, соблюдение государством прав человека и т. д.), определяющая характер и уровень правопорядка в стране» (см.: Толковый словарь обществоведческих терминов. Н. Е. Яценко. СПб. : Лань, 1999). Мы в качестве правовой рассматриваем ситуацию, сложившуюся непосредственно для доверителя.

бующий изучения и практического разрешения с использованием юридических средств (методов, приемов, процедур), в том числе посредством оказания КЮП.

С точки зрения процессной модели качества *правовую проблему* возможно рассматривать в субъективном (как проблему правового характера, возникшую у субъекта получения КЮП) и объективном (как некую проблему, значимую для общественных отношений и требующую ее регулирования правовыми средствами: принятием закона, локального нормативного акта и пр.) смыслах.

Правовая проблема порождает *правовые потребности*.

(Г) **Неудовлетворенные правовые потребности, связанные с разрешением правовой проблемы**, — потребности, возникшие у субъекта, в том числе в разрешении правовой проблемы, выполнении правовых (законных) требований, получении КЮП и др.

В предлагаемой нами модели *правовая потребность*, как возникающая «благодаря» существующей *правовой проблеме* и основанная на *праве*, является объективно существующей, вне зависимости от того, является ли она осознанной кем-либо, включая самого доверителя, а также основана ли она на законе, поскольку таковой может отсутствовать.

На основе *правовой потребности* формируется предпосылка для правового и (или) законного интереса доверителя и других заинтересованных сторон.

Необходимо отметить, что правовая потребность в предложенной процессной модели рассматривается в двояком смысле.

Во-первых, правовая потребность как общественная потребность в упорядочении социальных связей, «потребность в праве» — это некое «начало права»¹⁵. В этом смысле правовая потребность может рассматриваться в качестве триггера для законодателя в разработке и принятии им соответствующего закона или для разработки институтом гражданского общества позиции о необходимости принятия закона и т.п.

Данное значение понятия «правовая потребность» важно с позиции самого формирования управляющего воздействия — требований (М) (в частности — законодательного процесса). В этом проявляется связь процесса оказания КЮП с законодательным процессом, а сама процессная модель делает такую связь наглядной.

Во-вторых, правовая потребность рассматривается как *субъективная потребность* — потребность разрешить некую жизненную ситуацию, которая подпадает под действие права и, соответственно, регулируется или должна регулироваться нормами закона.

В данном значении *правовая потребность* — это уже не «некое начало права», а существующая у субъекта потребность в разрешении правовой проблемы, и в том числе — в получении КЮП.

При этом доверитель из-за отсутствия необходимых юридических компетенций (знаний, умений, навыков) далеко не всегда может осознать свою правовую потребность и, соответственно, усмотреть свой законный и (или) правовой интерес.

(Д) **Неудовлетворенная правовая и основанная на законе потребность в получении КЮП надлежащего качества** возникает в связи с неудовлетворенными правовыми потребностями, порожденными правовой проблемой и может быть частично или полностью удовлетворена в случае обращения за получением КЮП и при условии надлежащего качества таковой.

(Е) **Внеправовые потребности**, а также (И) **внеправовые интересы** субъекта получения КЮП, как не относящиеся к праву и закону, не являются объектом анализа в контексте процессной модели качества КЮП. Вместе с тем таковые могут иметь значение для процесса оказания КЮП и, таким образом, не должны совершенно выпадать из области анализа при оказании помощи (например, на стадии юридической квалификации).

(Ж) **Неудовлетворенные интересы, связанные с разрешением правовой проблемы**.

¹⁵ Как справедливо замечено, «...категория “начало” (“начала”) легла в основу всех научных теоретических построений», а «“начала права” носят не только гносеологический, но и онтологический характер» (Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 71, 85), что отмечено еще дореволюционными цивилистами (Д. И. Мейер, С. А. Муромцев и др.). При этом, как отмечается в литературе, «осознанная правовая потребность является необходимым элементом начала права, но она так и может остаться непродолженным началом, не обретя энергетического источника в виде правовой воли» (Петров А. В. Аномалии права: понятие и природа // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 172).

Интерес как некая категория является объектом изучения различных областей знания (философии, социологии, психологии, экономики, юриспруденции)¹⁶. Интерес как юридический феномен был или является предметом исследования таких правоведов, как С. С. Алексеев, Ю. Н. Андреев, Н. В. Витрук, Ф. О. Богатырев, С. Н. Братусь, В. П. Грибанов, Ю. С. Гамбаров, Р. Е. Гукасян, А. А. Ерошенко, О. С. Иоффе, Е. А. Крашенинников, А. В. Малько, Г. В. Мальцев, Н. И. Матузов, А. В. Мильков, С. В. Михайлов, А. А. Рождественский, А. В. Рыжик, В. В. Субочев, Ф. А. Тарановский, Е. Н. Трубецкой, Г. Ф. Шершеневич и ряда других ученых.

Существует множество подходов к определению законного интереса. В литературе он определяется как «отраженные в законе интересы» (Н. С. Малейн), «допускаемые законом стремления субъекта к достижению определенных благ» (В. А. Кучинский), «интересы, которые не нашли прямого выражения в юридических правах и обязанностях, но подлежат правовой защите со стороны государства» (Н. В. Витрук), «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой» (В. В. Субочев), «юридически предусматриваемое стремление субъекта в достижении тех благ, обладание которыми дозволено государством и обеспечено путем предоставления лицу правовых возможностей определенного вида» (А. А. Ерошенко) и др.

Возможно осуществить классификацию интереса по различным основаниям (по субъектам, по сфере возникновения, по связи с обеспечительной функцией и др.). Важным представляется и то, в контексте какого подхода правопонимания рассматривать интерес с учетом его природы (объективная, субъективная, объективно-субъективная и пр.).

Не имея намерения упрощать проблематику подходов к таким сущностям, как *интерес*, *законный/незаконный интерес*, *правовой/неправовой интерес*, в контексте представленной модели можно, например, выделить как минимум следующие виды интересов:

- 1) одновременно правовые и законные — т.е. соответствующие праву и соответствующие закону;
- 2) правовые, но не основанные на законе, — т.е. соответствующие праву при отсутствии должного закона¹⁷;
- 3) неправовые, но законные — т.е. не соответствующие праву, но соответствующие неправовому закону;
- 4) неправовые и незаконные — т.е. не соответствующие праву и не соответствующие закону.

Определение того, является ли интерес законным и (или) правовым, имеет значение для определения позиции субъекта оказания КЮП по отношению к принятию и ведению дела¹⁸.

Для правовой системы выявление интересов, например категорий (2) и (3), может служить маркером, сигнализирующим о возможной необходимости корректировки регулирования законодателем определенных общественных отношений.

(3) **Неудовлетворенный правовой и законный интерес в получении КЮП надлежащего качества** является следствием существующей у субъекта соответствующей неудовлетворенной правовой потребности (Д) в получении таковой.

(К) **Стороны, заинтересованные в разрешении правовой проблемы**; (Л) **стороны, заинтересованные в оказании КЮП надлежащего качества**; (М) **требования, обеспечивающие регулирование определенных общественных отношений, связанных с правовой проблемой**; (Н) **требования к процессу и ресурсам оказания КЮП**. Дадим общее описание элементов «К», «Л», «М» и «Н» процессной модели.

В число сторон, заинтересованных в разрешении правовой проблемы (К) в контексте представленной процессной модели, входят: доверитель; адвокат; субъекты, содействующие оказанию КЮП; адвокатская корпорация; гражданское общество; государство; иные заинтересованные стороны (противная сторона, ее представители и др.).

Дадим краткую характеристику заинтересованных сторон и аккумуляторов их требований.

¹⁶ См.: Михайлов С. В. Интерес как общенаучная категория // Государство и право. 2007. № 7. С. 86.

¹⁷ Как показывает российская правовая реальность, принцип «всё, что не запрещено, то дозволено», реализуется весьма ограниченно.

¹⁸ Имеется в виду вопрос «о ведении заведомо неправых гражданских дел», который активно обсуждался в присяжной адвокатуре, а аргументы сторонников данной дискуссии породили две теории: избирательности (Васьковский, Мейер, Джаншиев и др.) и закономерности (Бентам, Пикар, Невядомский и др.).

Доверитель является лицом, очевидно заинтересованным как в получении КЮП надлежащего качества, так и в получении положительного для него правового результата по делу¹⁹. Свои требования он излагает адвокату, и часть из них фиксируется в соглашении (ст. 25 Закона об адвокатуре), часть формулируется адвокату без фиксации в соглашении (например, устно, при формировании правовой позиции по делу); часть требований может быть не обозначена доверителем, поскольку соответствующая правовая потребность может быть им не осознана (например, по причине некомпетентности в юридических вопросах) и, соответственно, не озвучена адвокату.

Адвокат заинтересован как в оказании КЮП надлежащего качества, так и в получении положительного для доверителя правового результата по делу²⁰. Часть требований фиксируется в соглашении с доверителем, часть — в сформированной и согласованной правовой позиции по делу и при осуществлении им согласованных с доверителем действий в процессе оказания КЮП. При формировании своих требований адвокат должен основываться на правовых (законных) и профессионально-этических требованиях.

Субъекты, содействующие оказанию КЮП (стажеры адвоката, помощники адвоката, сотрудники адвокатских образований), действуя в рамках своих полномочий, определенных законом, нормативными корпоративными актами адвокатуры, основываясь на данных адвокатом поручениях, заинтересованы как в оказании КЮП надлежащего качества, так и в получении положительного для доверителя правового результата по конкретному делу.

Адвокатская корпорация вырабатывает корпоративную нормативную основу для над-

лежащего осуществления адвокатами (субъектами, содействующими оказанию КЮП) деятельности по оказанию КЮП, обеспечивает, в частности, соблюдение законодательных норм профессиональной адвокатской этики, входя в число заинтересованных в оказании физическим и юридическим лицам КЮП надлежащего качества.

Гражданское общество. Адвокатура в соответствии с п. 1 ст. 3 Закона об адвокатуре является институтом гражданского общества. Вместе с тем полагаем, что не следует ограничивать роль иных институтов гражданского общества, формирующих общественно значимую позицию в вопросах ведения законодательного процесса, определения функций реализации права (в том числе правоприменения).

Проблематичным является вопрос формализации данного вида требований, однако учитывать их в контексте процессной модели считаем необходимым²¹. Кроме существующих механизмов волеизъявления, реализуемых в процессе законотворческой деятельности, по нашему мнению, государству следует реально учитывать позицию институтов гражданского общества по вопросам формирования законодательной повестки и ее реализации.

В состав требований категории «М» входят как требования, непосредственно регулирующие процесс оказания КЮП, так и иные, регулирующие общественные отношения, по поводу которых юридическая помощь оказывается. К числу таких требований относятся и формируемые гражданским обществом. Адвокатура, как один из институтов гражданского общества, может и, по нашему мнению, должна быть одним из субъектов национальной системы правового мониторинга²² и пользователем соответствующих IT-сервисов²³.

¹⁹ Как мы отмечали выше, *правовой результат по делу* (например, решение суда), не находится в прямой причинно-следственной связи с *качеством оказанной юридической помощи*.

²⁰ Нами презюмируется надлежащая добросовестность адвоката и субъектов, содействующих оказанию КЮП.

²¹ Вопрос об формах и эффективности взаимодействия институтов гражданского общества и государства требует отдельного рассмотрения. См., например: *Цельникер Г. Ф., Немов А. А.* Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти в Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. № 4. Т. 2. С. 51–58.

²² О необходимости участия адвокатуры в национальной системе правового мониторинга см.: *Гаврилов С. Н.* Модель формирования национальной системы профессионального оказания юридической помощи (услуг) в контексте корпоративной и глобальной информатизации (цифровизации) // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 3–8.

²³ Например, создаваемой государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений» (приказ Минэкономразвития России от 09.07.2019 № 400).

Государство. Нормативной основой деятельности адвоката является законодательство РФ, включая материальное и процессуальное. Данные акты и их нормы содержат требования как к регулированию общественных отношений, связанных с возникшей правовой проблемой, так и к условиям и порядку оказания КЮП (в частности, в Законе об адвокатуре).

Исходя из декларируемого в Конституции РФ права каждого на получение КЮП (ст. 48), логично сделать вывод о том, что государство также является лицом, заинтересованным в оказании КЮП надлежащего качества всем обратившимся за таковой²⁴.

Иные заинтересованные стороны. В соответствии с п. 3.2.3 ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», «заинтересованная сторона (interested party), стейкхолдер (stakeholder): лицо или организация, которые могут воздействовать на осуществление деятельности или принятие решения, быть подверженными их воздействию или воспринимать себя в качестве последних». При этом для примера приведены «конкуренты или группы противодействия».

Круг *сторон, заинтересованных в оказании КЮП надлежащего качества субъекту ее получения* (Л) ограничен: в него вряд ли может входить, например, противная сторона или ее представитель. Вместе с тем указанных лиц следует отнести к категории *сторон, заинтересованных в разрешении правовой проблемы* (К), естественно, с учетом того, что они имеют свой интерес, как правило, не совпадающий с интересом субъекта получения квалифицированной юридической помощи.

(О) *Процесс разрешения правовой проблемы* может состоять из обширного комплекса действий, направленных на разрешение правовой проблемы. В числе таковых может быть и процесс оказания (получения) КЮП.

(П) *Процесс оказания КЮП* — совокупность решений и действий адвоката и иных шагов по оказанию КЮП, которые должны быть выстроены в алгоритм, оптимальный для обеспечения надлежащего качества таковой.

В данный процесс, в частности, входит: получение юридически значимой информации от доверителя и из иных источников; составление, направление адвокатских запросов и анализ ответов на них; анализ законодательства, судебной и правоприменительной практики; осуществление правовой квалификации сложившейся ситуации; подготовка правовой позиции по делу; составление документов правового характера и т.п.

При этом указанные подпроцессы процесса оказания КЮП могут носить итеративный характер (например, процесс правовой квалификации может осуществляться в процессе получения и анализа имеющейся и поступающей информации по делу).

(Р) *Ресурсы²⁵, необходимые и достаточные для разрешения правовой проблемы*, не являются объектом анализа в контексте процессной модели качества. Их содержание предопределяется объемом и характером средств, используемых для разрешения проблемы.

(С) *Ресурсы, необходимые и достаточные для оказания КЮП надлежащего качества*, — совокупность средств, создающих гарантии оказания квалифицированной юридической помощи надлежащего качества.

К числу таковых возможно, в частности, отнести: надлежащую квалификацию и компетентность адвоката, а также субъектов, содействующих оказанию КЮП; надлежащего качества профессиональную (корпоративную) среду²⁶; инфраструктуру, обеспечивающую процесс оказания КЮП (офис, оборудование, связь, интернет, информационные системы и IT-сервисы и пр.); правовую информацию (за-

²⁴ Реальные законодательные шаги в части упорядочения рынка профессионального оказания юридической помощи (услуг) позволяют выразить определенные сомнения в истинной заинтересованности государства в данном вопросе.

²⁵ Ресурс (от фр. ressource) — источник покрытия нужд, потребностей.

²⁶ Профессиональная (корпоративная) среда рассматривается здесь не как сообщество специалистов, объединенных в некую профессию, а как совокупность созданных корпоративных условий, включая управленческие, профессионально-этические, информационные и иные условия, позволяющая надлежаще выполнять профессиональные функции. В частности, это наличие надлежащей нормативной (нормативно-правовой) основы адвокатской деятельности и деятельности адвокатуры; должного уровня корпоративной культуры; развитой и актуализируемой терминологии и когнитивной базы адвокатской корпорации; корпоративной информационной среды (экосистемы), отвечающей современным требованиям IT, включая корпоративную информационную систему, и др.

конодательная база и база судебной (правоприменительной) практики, информация по конкретному делу и пр.); финансовые ресурсы (в частности, гонорар или иные финансовые источники для оказания КЮП) и другие ресурсы (услуги поставщиков справочных информационных систем и других продуктов ИТ, в частности legal tech, компетенции специалистов и экспертов в различных областях знания и др.).

Очевидно, что уровень качества соответствующих ресурсов должен быть надлежащим.

(Т) **Удовлетворенные / частично удовлетворенные / неудовлетворенные правовые потребности и (или) интересы в разрешении правовой проблемы** не являются объектом анализа в контексте процессной модели качества. Вместе с тем следует отметить, что в случае если лицо обратилось за оказанием КЮП, то степень удовлетворения потребности в разрешении правовой проблемы и соответствующих интересов зависит от уровня качества оказанной помощи с учетом уже названного фактора: отсутствия прямой причинно-следственной связи между правовым результатом по делу и качеством КЮП.

(У) **Удовлетворенные / частично удовлетворенные / неудовлетворенные правовые потребности и (или) интересы в получении КЮП надлежащего качества**. Выход (У) как результат оказания юридической помощи обладает определенными характеристиками качества (quality characteristic), т.е. отличительными свойствами, относящимися к **требованиям (Н)**.

В контексте предложенной процессной модели качество КЮП — это степень соответствия **совокупности присущих юридической помощи характеристик (У)** правовым и (или) законным **требованиям** сторон, заинтересованных в получении доверителем КЮП надлежащего качества (Л), в части **требований к деятельности (процессу) и ресурсам** оказания КЮП (Н)²⁷. В таком случае **надлежащее качество КЮП** — это **соответствие характеристик** юридической помощи указанным выше **требованиям**.

Установление **характеристик качества КЮП** возможно с помощью соответствующего инструментария. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения вне рамок данной публикации.

4. Практическая значимость и аналитический потенциал процессной модели. Процессная модель позволяет взглянуть на оказание КЮП через призму используемого в ИТ процессного подхода: дает возможность планировать оказание, оказывать и анализировать результаты оказанной КЮП в парадигме данного подхода.

Процессная модель качества КЮП обладает значительным аналитическим потенциалом и дает возможность осуществлять анализ:

- процесса оказания КЮП всех видов в контексте функций менеджмента качества (планирование, обеспечение, управление, улучшение) на всех его стадиях;
- результатов измерения параметров процесса оказания КЮП, включая результаты присутствующих юридической помощи характеристик качества (У);
- отдельных элементов модели (Б, В, Д, З, Л, Н, П, С, У);
- внутриэлементных связей (например, возможность выявлять **конфликт и конкуренцию требований** (в элементе Н), которые могут возникнуть как между отдельными требованиями определенных заинтересованных сторон, так и между отдельными требованиями одной заинтересованной стороны (**внутренний конфликт (конкуренция требований)**));
- межэлементных связей модели (например, возможность анализировать достаточность обеспечения процесса оказания КЮП ресурсами (С), при конкретно избранном алгоритме оказания помощи (П)).

Кроме того, эта модель позволяет решать иные аналитические задачи.

Описание на основе процессной модели объектов, связей и процессов оказания КЮП позволит, при условии надлежащей формализации материала, обеспечить его машиночитаемость (machine-readable) и, соответственно, создать основу для формирования корпоративной нормативной базы адвокатской деятельности и адвокатуры, пригодной для оцифровки (digitalization).

При применении соответствующего инструментария и при условии преобразования в цифровую форму **информации**, связанной с реализацией процесса оказания КЮП до уровня

²⁷ Очевидно, что для доверителя получение КЮП не является самоцелью. Он заинтересован в разрешении самой правовой проблемы, и в его понимании качество помощи может отождествляться не с качеством процесса и результатом ее оказания, а именно с достигнутым правовым результатом.

данных, позволяющих осуществлять их машинную обработку посредством ИТ, будет возможно проводить углубленный анализ объектов, связей и процессов оказания КЮП, включая, например, степень значимости и влияния того или иного элемента (фактора) на уровень качества КЮП.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 365 с.
2. Гаврилов С. Н. К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // Адвокатская практика. — 2010. — № 5. — С. 4–19.
3. Гаврилов С. Н. Модель формирования национальной системы профессионального оказания юридической помощи (услуг) в контексте корпоративной и глобальной информатизации (цифровизации) // Адвокатская практика. — 2021. — № 1. — С. 3–8.
4. Гаврилов С. Н. Процессная модель качества квалифицированной юридической помощи в контексте цифровой трансформации адвокатуры // Адвокатская практика. — 2020. — № 6. — С. 9–24.
5. Михайлов С. В. Интерес как общенаучная категория // Государство и право. — 2007. — № 7. — С. 7–11.
6. Петров А. В. Аномалии права: понятие и природа // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 1. — С. 170–180.
7. Толковый словарь обществоведческих терминов / сост. Н. Е. Яценко. — СПб. : Лань, 1999. — 524 с.
8. Цельникер Г. Ф., Немов А. А. Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти в Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2018. — № 4. — Т. 2. — С. 51–58.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Aslanyan NP. Osnovnye nachala rossiyskogo chastnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk [The main principles of Russian private law. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2002. (In Russ.)
2. Gavrilov SN. K voprosu o tolkovanii otdelnykh terminov v kontekste postroeniya korporativnoy sistemy menedzhmenta kachestva yuridicheskoy pomoshchi (uslug) v advokature [To the question of the interpretation of certain terms in the context of building a corporate quality management system of legal aid (services) in the bar association]. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2010;5:4-19. (In Russ.)
3. Gavrilov SN. Model formirovaniya natsionalnoy sistemy professionalnogo okazaniya yuridicheskoy pomoshchi (uslug) v kontekste korporativnoy i globalnoy informatizatsii (tsifrovizatsii) [The model of formation of the national system of professional legal aid (services) in the context of corporate and global informatization (digitalization)]. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2021;1:3-8. (In Russ.)
4. Gavrilov SN. Protsessnaya model kachestva kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v kontekste tsifrovoy transformatsii advokatury [The process model of the quality of qualified legal aid in the context of the digital transformation of advocacy]. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2020;6:9-24. (In Russ.)
5. Mikhaylov SV. Interes kak obshchenauchnaya kategoriya [Interest as a general scientific category]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2007;7:7-11. (In Russ.)
6. Petrov AV. Anomalii prava: ponyatie i priroda [Anomalies of law: Concept and nature]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*. 2015;1:170-180. (In Russ.)
7. Yatsenko NE. Tolkovyy slovar obshchestvovedcheskikh terminov [Explanatory dictionary of social science terms]. St. Petersburg: Lan;1999. (In Russ.)
8. Tselniker GF, Nemov AA. Vzaimodeystvie grazhdanskogo obshchestva i organov gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Interaction of civil society and public authorities in the Russian Federation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. 2018;4(2):51-58. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131

Д. Л. Кутейников*,
О. А. Ижаев**,
В. А. Лебедев***,
С. С. Зенин****

Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности¹

Аннотация. В статье проанализированы правовые подходы к разрешению ключевых проблем реализации прав человека в условиях массовой эксплуатации в общественном пространстве систем искусственного интеллекта (ИИ). В рамках исследования акцент сделан на особенностях правовой регламентации применения систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности. Применение данных систем в настоящее время только начинает обретать нормативную правовую базу и правоприменительную практику в большинстве стран. В исследовании проанализированы несколько различных моделей правового регулирования, которые характерны для отдельных стран и регионов, таких как Великобритания, США, КНР, ЕС и Россия.

В Великобритании допускается использование систем распознавания лиц в реальном времени в общественных пространствах, однако набор сценариев и ситуаций их использования существенно ограничен законодательством и правоприменительной практикой. В США как на федеральном, так и на уровне

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16193.

© Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С., 2022

* *Кутейников Дмитрий Леонидович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kuteynikov@me.com

** *Ижаев Осман Аликович*, кандидат юридических наук, заместитель директора Института бизнес-права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

izhaev.osman@gmail.com

*** *Лебедев Валериан Алексеевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

lebedev_va@bk.ru

**** *Зенин Сергей Сергеевич*, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права Тюменского государственного университета, проректор Тюменского государственного университета, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, 625003, Россия

zeninsergei@mail.ru

штатов отсутствуют общие нормы, формирующие единый правовой подход к регулированию рассматриваемой области. В ЕС разработан проект Регламента о гармонизированных правилах в отношении ИИ (Artificial Intelligence Act), которым предполагается установление запрета на использование систем ИИ для удаленной биометрической идентификации физических лиц в режиме реального времени в общедоступных местах. В КНР отсутствует специальное нормативное регулирование данной сферы общественных отношений. Развитие данных систем в КНР подконтрольно государству, что в силу высокой централизации власти приводит к риску нарушения прав человека и создания атмосферы тотальной слежки за гражданами без каких-либо законодательно установленных рамок и ограничений. В России государство активно разворачивает данные системы на федеральном и региональном уровнях при отсутствии специализированной нормативной правовой базы. Права человека защищены лишь общими нормами Конституции РФ и законодательства, правоприменительная практика направлена преимущественно на обеспечение интересов государства.

Ключевые слова: распознавание лиц; биометрическая идентификация; искусственный интеллект; неприкосновенность частной жизни; права человека; нематериальные блага.

Для цитирования: *Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С.* Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 121–131. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131.

Privacy in the realm of Artificial Intelligence Systems Application for Remote Biometric Identification²

Dmitriy L. Kuteynikov, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kuteynikov@me.com

Osman A. Izhaev, Cand. Sci. (Law), Deputy Director, Business Law Institute, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
izhaev.osman@gmail.com

Valerian A. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lebedev_va@bk.ru

Sergey S. Zenin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Institute of State and Law, Tyumen State University, Vice-Rector of Tyumen State University; Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Volodarsky str., 6, Tyumen, 625003, Russia
zeninsergei@mail.ru

Abstract. The paper analyzes legal approaches to solving key problems of human rights implementation in the conditions of mass exploitation of artificial intelligence (AI) systems in the public space. Within the framework of the study, the emphasis is placed on the features of the legal regulation of the use of artificial intelligence systems for remote biometric identification. The use of these systems is currently only beginning to acquire a regulatory legal framework and law enforcement practice in most countries. The study analyzes several different models of legal regulation that are typical of individual countries and regions, such as the United Kingdom, the United States, China, the EU and Russia.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16193.

In the UK, the use of real-time facial recognition systems in public spaces is allowed, but the set of scenarios and situations of their use is significantly limited by legislation and law enforcement practice. In the United States, both at the federal and state levels, there are no general rules that form a unified legal approach to regulating the area in question. The EC has developed a draft Regulation on Harmonized AI Rules (Artificial Intelligence Act), which is supposed to prohibit the use of AI systems for remote biometric identification of individuals in real time in public places. There is no special regulatory regulation of this sphere of public relations in the PRC. The development of these systems in China is controlled by the state, which, due to the high centralization of power, leads to the risk of human rights violations and the creation of an atmosphere of total surveillance of citizens without any legally established framework and restrictions. In Russia, the state is actively deploying these systems at the federal and regional levels in the absence of a specialized regulatory framework. Human rights are protected only by the general norms of the Constitution of the Russian Federation and legislation, law enforcement practice is mainly aimed at ensuring the interests of the state.

Keywords: face recognition; biometric identification; artificial intelligence; privacy; human rights; intangible benefits.

Cite as: Kuteynikov DL, Izhaev OA, Lebedev VA, Zenin SS. Neprikosновенност chastnoy zhizni v usloviyakh ispolzovaniya sistem iskusstvennogo intellekta dlya udalenoй biometricheской identifikatsii lichnosti [Privacy in the realm of Artificial Intelligence Systems Application for Remote Biometric Identification]. *Lex russica*. 2022;75(2):121-131. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Не будет преувеличением сказать, что цифровая среда стала одной из самостоятельных сфер жизнедеятельности общества. Возникающие в этой связи общественные отношения являются сравнительно новыми, и нельзя утверждать, что в правовой науке сформировались устоявшиеся подходы к их регулированию. Напротив, регуляторная политика многих государств находится на стадии поиска наиболее адекватных и эффективных правовых подходов.

На первый взгляд такие традиционные конституционные права, как право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу слова и выражения мнений, на информацию и некоторые другие виды прав, полноценно охватывают складывающиеся отношения в сфере информационных технологий. Однако невозможно игнорировать и тот факт, что правовые средства их обеспечения и защиты также должны учитывать особенности данных отношений³.

На уровне государств и частных компаний широко разрабатываются и внедряются в общественное пространство технические средства, основанные на использовании сложных алгоритмов, которые абстрактно в нормативных правовых актах разных стран определяются термином «системы искусственного интеллекта» (ИИ).

Известно, что при осуществлении государственного управления в разных сферах, в том

числе в правоохранительной деятельности, применяются технологии централизованного сбора персональных данных граждан (например, системы цифровых пропусков, позволяющие контролировать передвижения человека, в том числе на транспорте, а также дифференцировать граждан по объему прав; системы видеонаблюдения с технологией распознавания лиц и т.п.). Во многих странах развиваются комплексные государственные системы контроля за общественным пространством. При таких обстоятельствах объем генерируемых данных является беспрецедентным и увеличивается в геометрической прогрессии, вместе с этим увеличиваются и потенциальные риски нарушений прав человека.

Одной из наиболее чувствительных сфер общественной жизни, подвергшихся влиянию практического внедрения технологий, стали отношения, связанные с установлением правовых гарантий защиты прав человека на неприкосновенность частной жизни в связи с применением комплекса технологий систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности. Данные системы, как правило, используются государственными органами в целях обеспечения национальной безопасности (поиск и поимка правонарушителей, предиктивная аналитика совершения правонарушений), однако существуют и иные способы их использования в публичном секторе, например оплата обществен-

³ Livingston S., Risse M. The Future Impact of Artificial Intelligence on Humans and Human Rights // *Ethics & International Affairs*. 2019. № 2. P. 141–158.

ного транспорта, государственных услуг и т.п. Эти системы все чаще находят свое применение и в частном секторе, особенно в сферах банкинга, ритейла, связи, безопасности.

Великобритания: дело R. (Bridges) v. Chief Constable of South Wales Police, 2020

В Великобритании общественность и правозащитные организации выступили широким фронтом против применения полицией систем распознавания лиц в реальном времени в общественных местах после задержания ряда граждан без явных на то оснований⁴.

До недавнего времени использование систем распознавания лиц полицией в Великобритании не имело какой-либо регламентации. В 2019 г. правозащитная организация Liberty обратилась в суд против полиции Южного Уэльса с жалобой на то, что использование полицией системы распознавания лиц в общественных местах нарушает ряд основополагающих нормативных актов, гарантирующих реализацию прав человека, таких как Акт о правах человека, Акт о защите данных и Акт о равенстве⁵. В своем решении суд постановил, что существует достаточная правовая база для обеспечения надлежащего использования системы распознавания лиц в реальном времени и полиция использовала данные системы в полном соответствии с законом⁶.

В 2020 г. Liberty оспорила данное решение суда в апелляционной инстанции (дело R. (Bridges) v. Chief Constable of South Wales Police, 2020). Суд постановил, что использование полицией систем распознавания лиц в реальном времени в отдельных случаях не соответствовало закону. В своем решении суд изложил следующие выводы:

- использование системы распознавания лиц было признано нарушающим право на уважение частной жизни, защищенное Актом о правах человека. Суд обнаружил критические недостатки в правовой базе, оставляющей слишком большую свободу действий для отдельных сотрудников;
- использование системы распознавания лиц нарушает отдельные нормы Акта о защите данных. Основанием является то, что в результате оценки влияния на защиту данных не удалось должным образом оценить риски нарушения прав и свобод субъектов данных, а также не были предусмотрены меры по устранению указанных рисков. Были также определены две группы полномочий, в рамках которых государственные органы обладают недопустимо широкими возможностями для усмотрения: во-первых, каким образом отбираются лица для включения в списки наблюдения, во-вторых, на каком основании в том или ином общественном пространстве размещаются технические комплексы, оснащенные системами распознавания лиц;
- полиция Южного Уэльса нарушила свои обязанности, установленные отдельными положениями Акта о равенстве, так как органы полиции не предприняли попытки как самостоятельно проверить, так и убедиться путем независимой проверки в том, что в работе программного обеспечения отсутствует возможная предвзятость по признаку расы или пола⁷.

На основе данного судебного решения были внесены изменения в Кодекс практики использования камер видеонаблюдения, в соответствии с которыми системные операторы должны основывать свою работу на 12 руководящих принципах, в числе которых ограничение ис-

⁴ UK Government Accused Of Sneaking Through New Live Facial Recognition Rules // URL: <https://www.forbes.com/sites/emmawoolacott/2021/08/23/uk-government-accused-of-sneaking-through-new-live-facial-recognition-rules/?sh=e47cf88706f3> (дата обращения: 01.12.2021).

⁵ B. Gordon Automated Facial Recognition in Law Enforcement: The Queen (On Application of Edward Bridges) v The Chief Constable of South Wales Police // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2021. № 24. P. 1–29.

⁶ Independent report Snapshot Paper — Facial Recognition Technology Published 28 May 2020 // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/cdei-publishes-briefing-paper-on-facial-recognition-technology/snapshot-paper-facial-recognition-technology#whats-next-for-the-governance-of-frt> (дата обращения: 01.12.2021).

⁷ Briefing note on the ethical issues arising from public-private collaboration in the use of live facial recognition technology (accessible) // URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/08/R-Bridges-v-CC-South-Wales-ors-Judgment.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

черпывающего перечня сфер и сценариев их использования, прозрачность, приоритет прав человека, отсутствие дискриминации по какому-либо признаку⁸.

Таким образом, в Великобритании органами безопасности допускается использование систем распознавания лиц в реальном времени в общественных пространствах, однако набор сценариев и ситуаций их использования существенно ограничен законодательством и правоприменительной практикой. Модель правового регулирования применения указанных систем в данном государстве строится на постоянном диалоге государства и гражданского общества.

США: поиск оптимального баланса

В США на сегодняшний день отсутствует федеральное регулирование использования систем ИИ для биометрической идентификации. Разработка одного или нескольких объемных системообразующих актов неоднократно обсуждалась законодателями, однако пока существует лишь ряд законодательных инициатив, которые находятся на разных стадиях рассмотрения. Во многом это связано с общей политикой правового регулирования систем ИИ и оборота персональных данных этого государства, которые осуществляются *ad hoc*. В 2020 г. принят Указ Президента США и разработаны соответствующие рекомендации для органов исполнительной власти.

Такие технологические компании, как Amazon и Microsoft, ввели мораторий на применение данного комплекса технологий до формирования законодателями достаточной нормативной базы или дорожной карты. Компания IBM, напротив, заявила, что полностью прекратит участие в соответствующих бизнес-проектах⁹.

Разными путями идут законодательство штатов и законодательство отдельных местностей. В ряде штатов и городов использование соответствующего комплекса технологий запрещено полностью или существенно ограничено¹⁰. Применение данных систем привлекло особенно большое внимание общественности после серии митингов Black Lives Matter, а также задержаний после так называемого штурма Капитолия.

Европейский Союз: на заре принятия АИА

В Европейском Союзе разработан проект Регламента ЕС о гармонизированных правилах в отношении ИИ (Artificial Intelligence Act). Данным проектом предполагается установление запрета на использование систем ИИ для удаленной биометрической идентификации физических лиц в режиме реального времени в общедоступных пространствах в целях охраны правопорядка, за исключением трех исчерпывающе перечисленных и узко определенных ситуаций, когда такое использование строго необходимо для достижения существенного общественного интереса, важность которого перевешивает риски.

Данные ситуации включают, во-первых, поиск потенциальных жертв преступлений, включая пропавших детей; во-вторых, угрозу жизни или безопасности человека, в частности при террористических атаках; в-третьих, обнаружение, локализацию, идентификацию и преследование лиц, совершивших или подозреваемых в совершении преступлений по конкретно определенным составам (32 состава уголовных преступлений при сроке лишения свободы не менее 3 лет)¹¹.

Сходную позицию выразили Европейский совет по защите данных (EDPB) и европей-

⁸ Surveillance Camera Code of Practice // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1010815/Surveillance_Camera_Code_of_Practice__update_.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

⁹ Rules around facial recognition and policing remain blurry // URL: <https://www.cnbc.com/2021/06/12/a-year-later-tech-companies-calls-to-regulate-facial-recognition-met-with-little-progress.html> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁰ Will there be federal facial recognition regulation in the US? // URL: <https://iapp.org/news/a/u-s-facial-recognition-roundup/> (дата обращения: 01.12.2021).

¹¹ Proposal for a Regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts com/2021/206 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 01.12.2021).

ский инспектор по защите данных (EDPS) в отношении ранее опубликованного проекта Регламента Еврокомиссии ЕС о регулировании ИИ. В документе указано, что, принимая во внимание чрезвычайно высокие риски, связанные с удаленной биометрической идентификацией людей в общедоступных местах, EDPB и EDPS призывают к общему запрету на любое использование ИИ для автоматического распознавания человеческих черт в общедоступных местах, в частности распознавание лиц, походки, отпечатков пальцев, ДНК, голоса, нажатия клавиш и других биометрических или поведенческих сигналов, в любом контексте¹².

Таким образом, ЕС близок к формированию устойчивой и многоаспектной системы нормативного правового регулирования использования систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности в реальном времени в общественных местах. При этом регулирование данной сферы общественных отношений в ЕС является «человекоцентричным», что позволяет защищать и гарантировать права и свободы человека, ставя их в центр нормативного обеспечения регулирования в сфере технологического развития. В то же время это несет определенные риски для развития бизнес-процессов, прикладного использования конкретных продуктов в общественном пространстве. Тем не менее ЕС является важным рынком практически для всех крупных технологических компаний и, как и в случае с GDPR, следует ожидать, что такое регулирование, если оно будет принято, станет одним из ключевых подходов, поскольку новые технологические продукты уже будут разрабатываться с учетом имеющихся ограничений.

КНР: от светлого будущего к тотальному контролю

Наиболее широкое применение систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности осуществляется в КНР. Регламентация использования данных систем нашла свое отражение в гражданском законодательстве, а также

в нормативных правовых актах, посвященных кибербезопасности и обороту данных. Какое-либо специальное нормативное регулирование данной сферы общественных отношений к настоящему времени отсутствует. Достаточно большую работу проделала КНР и в сфере защиты данных. В 2016 г. был принят закон о кибербезопасности КНР, который установил сходные с ЕС и США требования к регулированию. Однако в связи с тем, что КНР является государством с авторитарной политической системой, защита конфиденциальности в большей мере связана с решениями органов государственной власти, а не с созданием единого правового поля, поддерживаемого независимыми судебными решениями.

Данная проблема касается и других сфер общественной и экономической деятельности, свобода частных и общественных организаций достаточно жестко ограничена интересами государства. Принимая нормативные правовые акты, государство оставляет за собой массу возможностей по неограниченному участию в деятельности частных компаний, а также активно внедряет инновации для создания единой системы контроля за всеми сферами общественной жизни.

В июле 2017 г. Государственный совет КНР обнародовал стратегию развития ИИ, которая получила название «План развития искусственного интеллекта нового поколения». В данной стратегии перед КНР поставлена цель стать мировым лидером в области ИИ к 2030 г., а также занять лидирующее место в сфере разработки нормативной базы, этических норм и стандартов для ИИ. Сама концепция представляет лишь общую модель и цели будущего правового регулирования, соответственно, ее необходимо рассматривать в комплексе с массой других нормативных правовых актов. Хотя данная концепция и разработана государством, однако фактическая реализация указанных инноваций и преобразований будет осуществляться частным сектором и местными органами власти¹³.

Особенностью нормативного регулирования в КНР также является достаточно быстрая адаптация под использование новых технологиче-

¹² EDPB & EDPS call for ban on use of AI for automated recognition of human features in publicly accessible spaces, and some other uses of AI that can lead to unfair discrimination // URL: https://edpb.europa.eu/news/news/2021/edpb-edps-call-ban-use-ai-automated-recognition-human-features-publicly-accessible_en (дата обращения: 01.12.2021).

¹³ The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation / H. Roberts, J. Cowsls, J. Morley [et al.] // AI & Soc. 2021. № 36. P. 59–77.

ских решений на широком рынке. Так, в КНР, в отличие от уже рассмотренных стран, активно используются беспилотные автомобили на дорогах общего пользования, на размеченных территориях¹⁴, впервые были созданы автоматизированные интернет-суды, формируется единая система социального рейтинга.

Отличительной чертой КНР является и достаточно высокий по сравнению с другими странами рейтинг одобрения гражданами использования систем видеонаблюдения. Согласно проведенному европейскими учеными исследованию, жители КНР демонстрируют самый высокий уровень согласия на использование технологий распознавания лиц (67 %), а также самое низкое число противников их развертывания (9 %)¹⁵.

Таким образом, с одной стороны, в КНР приняты амбициозные концепции развития в сфере функционирования систем искусственного интеллекта, и инновации значительно активней, чем в ЕС и США, внедряются в общественное пространство за счет централизованного регулирования. С другой стороны, развитие данных систем в КНР подконтрольно государству, что в силу высокой централизации власти приводит к риску нарушения прав человека и созданию атмосферы тотальной слежки за гражданами без каких-либо законодательно установленных рамок и ограничений.

Россия: активное развертывание государственных систем при регуляторном вакууме

В Российской Федерации на данный момент отсутствует специальное регулирование применения данного комплекса технологических решений. Их использование связано общими нормами Конституции РФ, ст. 151.1 и 151.2 ГК РФ, а также Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁶.

В соответствии с законодательством обработка персональных данных, в том числе биометрических, для установления личности субъекта персональных данных возможна только с письменного согласия последнего, за исключением случаев, представляющих публичный интерес (ч. 2 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных»).

Вопрос законности использования систем ИИ для биометрической идентификации личности неоднократно поднимался в судебной практике, однако суды всегда вставали на защиту интересов государства. Например, применение технологии распознавания лиц в г. Москве стало предметом резонансного судебного разбирательства, в результате которого было принято решение Савеловского районного суда от 03.10.2019 об отказе в удовлетворении административного иска в полном объеме, оставленное без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 30.01.2020. Истец просила признать незаконными действия ГУ МВД России по г. Москве и Департамента информационных технологий г. Москвы (далее — Департамент) по применению технологии распознавания лиц и обязать их не применять данную технологию, удалить биометрические персональные данные заявителя из базы данных и представить доказательства такого удаления.

Она ссылалась на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии письменного согласия субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи. В то же время посредством функционирующей при Департаменте городской системы видеонаблюдения с технологией распознавания лиц собираются ее биометрические персональные

¹⁴ Ziyang C., Shiguo L. China's Self-Driving Car Legislation Study // Computer Law and Security Review. 2021. 41. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105555.

¹⁵ Kostka G., Steinacker L., Meckel M. Between security and convenience: Facial recognition technology in the eyes of citizens in China, Germany, the United Kingdom, and the United States // Public Understanding of Science. 2021. № 30. P. 671–690.

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

данные, происходит хранение информации о времени и месте ее нахождения без ее согласия. Она полагала, что нарушение ее прав происходит ежедневно, поскольку зарегистрирована и постоянно проживает в г. Москве, посещает публичные места, в которых используются камеры городской системы видеонаблюдения.

Суд отказал в удовлетворении иска в полном объеме, указав на то, что сотрудники ГУ МВД России по г. Москве, которым предоставлен доступ к Единому центру хранения и обработки данных (ЕЦХД), в целях реализации служебных обязанностей используют систему видеоналики на базе ЕЦХД для отождествления лиц, находящихся в федеральном розыске; лиц, которым по решению суда запрещено посещать массовые мероприятия; лиц, находящихся под административным надзором.

Алгоритм распознавания лиц, используемый в ЕЦХД, сравнивает изображение, поступающее в ЕЦХД с видеокамер, с фотографией, предоставленной правоохранительным органом. В процессе обработки соответствующих изображений происходит их сравнение на наличие/отсутствие совпадений. Департаменту не передаются персональные данные (Ф. И. О. и пр.) искомым лиц, поскольку у Департамента нет технической и юридической возможности осуществлять их сопоставление. Таким образом, суд пришел к выводу о том, что при отсутствии процедуры идентификации личности видеоизображения граждан не могут считаться биометрическими персональными данными. Соответственно, отсутствует необходимость получать письменное согласие гражданина на обработку биометрических персональных данных.

Вместе с тем последнее десятилетие российских власти активно занимаются развитием

систем камер с программным обеспечением, использующим системы ИИ для биометрической идентификации личности. По данным доклада «Распознавание лиц: предчувствие антиутопии», подготовленного правозащитными группами «Сетевые свободы» и «Агора», такие системы уже развернуты в 13 регионах¹⁷. Данные разрозненные системы предполагается объединить в единую информационную систему в рамках проекта «Безопасный город»¹⁸.

Таким образом, необходимо дополнительно законодательно урегулировать вопрос относительно процедуры и конкретных случаев использования систем ИИ для удаленной идентификации личности. Активное развертывание государственными органами указанных систем без сформированной на основе широких общественных обсуждений нормативной правовой базы противоречит конституционно установленному принципу правового государства. Представляется, что, несмотря на то, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотрена возможность в отдельных случаях ограничения прав и свобод федеральным законом¹⁹, при формулировании конкретной процедуры необходимо избежать умаления прав человека на основе использования принципа пропорциональности. Сам факт введения в эксплуатацию данных систем для обеспечения безопасности не отменяет необходимости соблюдения прав человека.

Авторы рассмотренного выше доклада предлагают ряд минимальных гарантий, направленных на предотвращение возможных злоупотреблений со стороны государственных органов:

«а) обязательное подробное и доступное информирование граждан о применении видеонаблюдения и распознавания лиц;

¹⁷ Гайнутдинов Д., Коротеев К. Распознавание лиц: предчувствие антиутопии : доклад // URL: https://runet.report/static/core/doc/Facial_recognition.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁸ Проект федерального закона «О единой системе обеспечения общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды жизнедеятельности “Безопасный город”»; подготовлен МЧС России, ID проекта 02/04/10-21/00121290; не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.10.2021 // URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 11.10.2021).

¹⁹ По мнению В. Д. Зорькина, «такая общая формулировка таит в себе опасность неоправданно широкого толкования и установления на практике чрезмерных ограничений прав и свобод человека для защиты ценностей общего блага. Особенно если учитывать специфику российского менталитета, связанную с длительными традициями преобладания государственных и общественных интересов над личными интересами» (Зорькин В. Д. Под знаком Основного Закона. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. Федеральный выпуск. 2021. № 247 (8598). URL: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html> (дата обращения: 01.12.2021)).

- б) перечень разрешенных мест использования и гарантированных “чистых” зон, где видеонаблюдение и FR (распознавание лиц) запрещены;
- в) установление предельного срока хранения с обязательным последующим уничтожением собранных данных;
- г) обязательный независимый аудит;
- д) создание эффективных процедур рассмотрения жалоб на нарушения;
- е) запрет предоставления данных иностранным субъектам, в том числе органам власти»²⁰.

Общественная организация «Роскомсвобода» собирает петиции в рамках кампании по введению моратория на использование технологий распознавания лиц до выработки соответствующей нормативной правовой базы²¹.

Предостережения о преждевременности и об опасности для прав человека использования систем ИИ для дистанционной биометрической идентификации личности неоднократно находили свое отражение в отечественной правовой доктрине²².

Таким образом, однозначно можно утверждать, что использование систем ИИ для дистанционной биометрической идентификации в общедоступных местах способно повлиять на частную жизнь значительной части населения, вызвать ощущение постоянной слежки и косвенно препятствовать осуществлению свободы собраний и других основных прав. Кроме того, вызывает опасение точность функционирования данных систем, а также невозможность исправления допущенных ошибок при использовании данных систем в режиме реального времени.

Необходимо отметить также, что «автоматическое распознавание лиц не просто

отслеживает поведение, но и способно его изменить. Когда подозреваемый знает, что за ним следят, например, во время мирного протеста, его поведение может отличаться от того, каким оно было бы, если бы за ним не следили»²³.

Сведения, собранные государственными органами, должны храниться в защищенных базах данных, подвергаемых аудиту в целях недопущения злоупотреблений, торговли данными, создания каких-либо списков неблагонадежных личностей.

Законодательство большинства демократических стран идет путем создания системы правового регулирования, основанной на подходе, диктующем необходимость соблюдения баланса между защитой прав человека и соблюдением интересов национальной безопасности. Представляется, что отечественному законодателю необходимо на основе принципа пропорциональности урегулировать процедуру и определить конкретные случаи использования систем ИИ для удаленной идентификации личности, не допуская произвольного ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Сходную позицию высказал в своей статье В. Д. Зорькин: «Опасность произвольного вторжения законодателя в сферу конституционных прав человека резко возрастает в условиях усиления террористической активности, социально-экономических, экологических кризисов и пандемий. В подобных ситуациях у органов государственной власти возникает большой соблазн пойти по пути ограничения прав граждан в целях защиты прав и законных интересов других лиц, основ конституционного строя, обеспечения безопасности государства и т.д.»²⁴.

²⁰ Гайнутдинов Д., Коротеев К. Указ. соч.

²¹ Кампания против распознавания лиц. Системы распознавания лиц являются технологиями двойного назначения и могут использоваться для давления на общество. Массовое распознавание лиц должно быть запрещено до тех пор, пока не будет обеспечена полная прозрачность и безопасность его использования для граждан // URL: <https://bancam.ru> (дата обращения: 01.12.2021).

²² См.: Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта / О. И. Андреева, В. В. Иванов [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 201–212; Букаев Н. М., Исмагилов Р. А. К вопросу соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве при использовании в доказывании камер с функцией распознавания лиц // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 81–85.

²³ *Gordon B. Automated Facial Recognition in Law Enforcement: The Queen (On Application of Edward Bridges) v The Chief Constable of South Wales Police* // *Potchefstroom Electronic Law Journal*. 2021. № 24. P. 1–29.

²⁴ Зорькин В. Д. Указ. соч.

Заключение

В Великобритании за последние годы сложился пласт правового регулирования и правоприменительной практики по использованию систем искусственного интеллекта в общественном пространстве. Органами безопасности допускается использование систем распознавания лиц в реальном времени в общественных пространствах, однако набор сценариев и ситуаций существенно ограничен законодательством и правоприменительной практикой. Модель правового регулирования применения указанных систем в данном государстве строится на постоянном диалоге государства и гражданского общества.

В США на сегодняшний день отсутствует федеральное регулирование использования систем ИИ для биометрической идентификации. Разными путями идут законодательство штатов и законодательство отдельных местностей. В ряде штатов и городов применение соответствующего комплекса технологий запрещено полностью или существенно ограничено.

В Евросоюзе разработан проект Регламента ЕС о гармонизированных правилах в отношении ИИ (Artificial Intelligence Act). Данным проектом предполагается установление запрета на использование систем ИИ для удаленной биометрической идентификации физических лиц в

режиме реального времени в общедоступных пространствах в целях охраны правопорядка, за исключением трех исчерпывающе перечисленных и узко определенных ситуаций, когда такое использование строго необходимо для достижения существенного общественного интереса, важность которого перевешивает риски.

В КНР отсутствует специальное нормативное регулирование данной сферы общественных отношений. Регламентация использования систем ИИ нашла свое отражение в гражданском законодательстве, а также в нормативных правовых актах, посвященных кибербезопасности и обороту данных. Развитие этих систем в КНР подконтрольно государству, что в силу высокой централизации власти приводит к риску нарушения прав человека и создания атмосферы тотальной слежки за гражданами без каких-либо законодательно установленных рамок и ограничений.

В России государство активно разворачивает данные системы на региональном и федеральном уровнях при отсутствии какой-либо специализированной нормативной правовой базы. Права человека защищены лишь общими нормами Конституции и других законов, сложившаяся правоприменительная практика направлена преимущественно на обеспечение интересов государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева О. И., Иванов В. В., Нестеров А. Ю., Трубникова Т. В. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 449. — С. 201–212.
2. Букаев Н. М., Исмагилов Р. А. К вопросу соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве при использовании в доказывании камер с функцией распознавания лиц // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 1. — С. 81–85.
3. Зорькин В. Д. Под знаком Основного Закона. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. Федеральный выпуск. 2021. № 247 (8598). URL: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletia.html> (дата обращения: 01.12.2021).
4. Gordon B. Automated Facial Recognition in Law Enforcement: The Queen (On Application of Edward Bridges) v The Chief Constable of South Wales Police // Potchefstroom Electronic Law Journal. — 2021. — № 24. — P. 1–29.
5. Kostka G., Steinacker L., Meckel M. Between security and convenience: Facial recognition technology in the eyes of citizens in China, Germany, the United Kingdom, and the United States // Public Understanding of Science. — 2021. — № 30. — P. 671–690.
6. Livingston S., Risse M. The Future Impact of Artificial Intelligence on Humans and Human Rights // Ethics & International Affairs. — 2019. — No 2. — P. 141–158.
7. Roberts H., Cows J., Morley J. et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // AI & Soc. — 2021. — № 36. — P. 59–77.
8. Ziyang C., Shiguo L. China's Self-Driving Car Legislation Study // Computer Law and Security Abstract. — 2021. — 41. — DOI:10.1016/j.clsr.2021.105555.

Материал поступил в редакцию 10 января 2022 г.

REFERENCES

1. Andreeva OI, Ivanov VV, Nesterov AYu, Trubnikova TV. Tekhnologii raspoznavaniya lits v ugovnom sudoproizvodstve: problema osnovaniy pravovogo regulirovaniya ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta [Facial recognition technologies in criminal proceedings: the problem of the grounds for legal regulation of the use of artificial intelligence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2019;449:201-212. (In Russ.)
2. Bukaev NM, Ismagilov RA. K voprosu soblyudeniya konstitutsionnykh prav grazhdan v ugovnom sudoproizvodstve pri ispolzovanii v dokazyvanii kamer s funktsiey raspoznavaniya lits [On the issue of compliance with the constitutional rights of citizens in criminal proceedings when using cameras with face recognition function]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2021;1:81-85. (In Russ.)
3. Zorkin VD. Potentsial obnovlennoy Konstitutsii [The potential of the updated Constitution]. *Rossiyskaya gazeta. Federalnyy vypusk*. No. 247 (8598). 2021 October 27. Available from: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html> [cited 2021 December 01]. (In Russ.)
4. Gordon B. Automated Facial Recognition in Law Enforcement: The Queen (On Application of Edward Bridges) v The Chief Constable of South Wales Police. *Potchefstroom Electronic Law Journal*. 2021;24:1-29.
5. Kostka G, Steinacker L, Meckel M. Between security and convenience: Facial recognition technology in the eyes of citizens in China, Germany, the United Kingdom, and the United States. *Public Understanding of Science*. 2021;30:671-690.
6. Livingston S, Risse M. The Future Impact of Artificial Intelligence on Humans and Human Rights. *Ethics & International Affairs*. 2019;2:141-158.
7. Roberts H, Cowls J, Morley J, et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Soc*. 2021;36:59-77.
8. Ziyang C, Shiguang L. China's Self-Driving Car Legislation Study. *Computer Law and Security Abstract*. 2021;41. DOI:10.1016/j.clsr.2021.105555.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.132-147

С. В. Липень*

Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права¹

Аннотация. Положения о систематизации законодательства, прежде всего об инкорпорациях и кодификациях, активно разрабатываются европейской и отечественной юридической наукой около двух веков (XIX век нередко характеризуется юристами как век кодификаций). Основы отечественной теории систематизации законодательства заложены еще российской дореволюционной юриспруденцией. Многие положения, содержание которых уточнялось в 60–80-х гг. XX в., почти в том же виде используются и в настоящее время. Современная теоретическая и отраслевая юридическая наука, законодательство (законы о нормативных правовых актах, действующие на постсоветском пространстве, их проекты) исходят из важности правосистематизирующей деятельности, ее отдельных разновидностей (инкорпорация, кодификация, консолидация). Между тем развитие правосистематизирующей практики и юридической науки, в том числе и в современных условиях цифровизации общественных отношений, существенно трансформирует традиционное содержание теории систематизации законодательства. Кодификация не без оснований все чаще рассматривается в качестве разновидности правотворческой, а не правосистематизирующей деятельности. Значение инкорпорированных сборников падает, их функции берут на себя справочно-правовые системы (как официальные, так и неофициальные), ставшие основной формой и систематизации, и инкорпорации законодательства. Недостаточно ясны характеристики консолидации, отличающие ее от кодификации и правотворчества. Общее понятие «систематизация законодательства» вполне может быть ограничено только внешней обработкой нормативного материала. Все, что связано с так называемой внутренней систематизацией (кодификация и аспекты правотворчества в консолидации законодательства, составление в результате систематизации единого нормативного правового акта, отмена ранее действовавших актов), может быть перенесено в теорию правотворчества и рассмотрено в ее рамках. Предметное поле теории систематизации законодательства модифицируется, это влечет изменения в содержании основной терминологии, используемой и в науке, и в законодательстве.

Ключевые слова: нормативный правовой акт; законодательство; систематизация законодательства; инкорпорация; кодификация; консолидация; правотворчество; цифровизация права; цифровизация законодательства; теория систематизации законодательства.

Для цитирования: Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 132–147. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.132-147.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Липень С. В., 2022

* Липень Сергей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 lipen.sia@gmail.com

Transformation of the Theory of Systematization of Legislation in the Era of Digitalization of Law²

Sergey V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lipen.sia@gmail.com

Abstract. Provisions on the systematization of legislation, primarily on incorporation and codification, have been actively developed by European and domestic legal science for about two centuries (the 19th century is often characterized by lawyers as the century of codifications). The foundations of the domestic theory of systematization of legislation were laid by the Russian pre-revolutionary jurisprudence. Many provisions, the content of which was clarified in the 60-80s of the 20th century, are in use almost in the same form now. Modern theoretical and branch legal science, legislation (laws on normative legal acts in force in the post-Soviet space, their projects) proceed from the importance of legal systematizing activity, its individual varieties (incorporation, codification, consolidation). Meanwhile, the development of legal systematizing practice and legal science, including in modern conditions of digitalization of public relations, significantly transforms the traditional content of the theory of systematization of legislation. Codification, with good reason, is increasingly being considered as a kind of law-making, rather than law-systematizing activity. The value of incorporated collections is falling; their functions are taken over by legal reference systems (both official and unofficial). Computer based reference systems have become the main form of both systematization and incorporation of legislation. The characteristics of consolidation that distinguish it from codification and law making are not sufficiently clear. The general concept of «systematization of legislation» may well be limited only to the external processing of normative material. Everything connected with the so-called internal systematization (codification and aspects of law-making in the consolidation of legislation, compilation of a single normative legal act as a result of systematization, cancellation of previously valid acts) can be transferred to the theory of law-making and considered within its framework. The subject field of the theory of systematization of legislation is being modified, this entails changes in the content of the basic terminology used both in science and in legislation.

Keywords: normative legal act; legislation; systematization of legislation; incorporation; codification; consolidation; lawmaking; digitalization of law; digitalization of legislation; theory of systematization of legislation.

Cite as: Lipen SV. Transformatsiya teorii sistematizatsii zakonodatelstva v epokhu tsifrovizatsii prava [Transformation of the Theory of Systematization of Legislation in the Era of Digitalization of Law]. *Lex russica*. 2022;75(2):132-147. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.132-147. (In Russ., abstract in Eng.).

Теория систематизации законодательства в почти современном виде сформировалась во второй половине XX в., еще в советский период развития отечественной правовой системы. В рамках этого направления теоретических юридических исследований рассматривалось значение деятельности по систематизации законодательства, отмечалась ее важность в плане упорядочения нормативного материала, поиска возможно более совершенных внешних форм представления правовых норм, облегчающих процесс их нахождения. Подвергались анализу три формы систематизации законодательства: инкорпорация, кодификация и консолидация.

Развитие в первые десятилетия XXI в. подлежащих правовому регулированию обществен-

ных отношений, правотворческой и правосистематизирующей деятельности, современных цифровых технологий оказывает определяющее воздействие на классические положения теории систематизации законодательства, существенно их модифицируя.

* * *

В отечественной юридической науке XIX — начала XX в. вопросы систематизации законодательства получили хорошее освещение. Соответствующие разделы содержались в изданиях по теории (энциклопедии) права, там рассматривались понятия, теоретические признаки и характерные особенности кодификации и инкорпорации, исследовались наиболее важные европейские и отечественные кодексы,

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

уложения, сборники законодательства³. Одна из самых актуальных и широко обсуждаемых проблем — анализ юридической природы и значения Свода законов Российской империи, который могли признавать или не признавать как источник права.

Самый объемный курс теории права — Г. Ф. Шершеневича — предлагал и достаточно развернутый анализ инкорпораций и кодификаций, с характеристикой зарубежного и отечественного опыта систематизации законодательства второй половины XVIII — начала XX в.⁴ Ученый констатирует наличие двух видов «систематических объединений законов» — инкорпорации и кодификации. Инкорпорация только приводит законы в систему, изменяет лишь внешнюю форму законодательства, без вмешательства в нормативный текст; не ставится задача обновления правопорядка. При кодификации же, помимо совершенствования внешней формы законов, изменяется соответственно потребностям времени их содержание, устраняются пробелы и противоречия. На основе предшествующего законодательства дается полное, более ясное и системное правовое регулирование соответствующих общественных отношений, характеризующееся единством принципов, проводимых далее в конкретных предписаниях. Г. Ф. Шершеневич отмечает преимущества кодификации, в которых уже нет сомнений, указывает на необходимость кодификационных работ, на подтверждающие это конкретные немецкие и французские кодификации XVIII–XIX вв.⁵

В России же, по мнению ученого, проведена не кодификация, а инкорпорация, причем довольно своеобразно, состояние русского законодательства является вполне оригинальным, не имеющим подобного нигде в мире⁶. Подробно излагается история отечественных инкорпораций, содержание и результаты работы, проведенной М. М. Сперанским, и последующее совершенствование законодательства. Анализ различных взглядов и юридической природы

Свода законов приводит к выводу об условности его обязательного юридического значения⁷. Пессимистично настроен Г. Ф. Шершеневич и в отношении значения Свода для последующего совершенствования законодательства, для будущих кодификаций; по его мнению, Свод в значительной степени нивелировал кодификационное творчество.

Понятие и особенности двух видов систематизации законодательства, опыт отечественных инкорпорационных работ излагаются в известной в начале XX в. «Энциклопедии права» Е. Н. Трубецкой⁸. Инкорпорация также характеризуется в качестве внешней систематической обработки законов, не вносящей никаких новых начал. Она облегчает поиск законов, располагает их в систематическом порядке, но оставляет без изменения их внутреннее содержание, при наличии противоречий не согласует законы друг с другом. Кодификация, напротив, строит все законодательство на однородных началах, заботится о его цельности, обеспечивает взаимосвязанность норм, их внутреннее единство. При кодификации приходится отбросить часть старых норм и создать новые; результатом кодификации является не свод законов, как при инкорпорации, а уложение, новый законодательный акт⁹.

Сама категория «систематизация законодательства» еще не рассматривалась в качестве четко определенной, не давалось ее понятие, чаще всего речь шла о «систематическом объединении законов» (Г. Ф. Шершеневич), или о «систематической обработке действующего законодательства» (Е. Н. Трубецкой), или об иных сходных терминах. Характеризовались, как указано выше, две разновидности систематизации законодательства — инкорпорации и кодификации, про консолидацию еще известно не было. Проблемы исторических и современных отечественных и зарубежных инкорпораций и кодификаций анализировались не только в теории права, но и в отраслевых юридических

³ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 6-е. СПб., 1904. С. 305, 314–332; Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 123–129 (§ Кодификация); Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. Изд. 6-е, испр. и доп. М., 1914. С. 99–104 (§ 21. Собрания законов).

⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 2. М., 1911. С. 420–438 (§ 43. Законодательство в России).

⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 420–422.

⁶ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 423–424.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 437–438.

⁸ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 123–129.

⁹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 124–125.

науках: в государственном праве, уголовном и гражданском праве и процессе.

* * *

Несмотря на отрицание преемственности советской юриспруденции с дореволюционной юридической наукой как наукой буржуазной, теория систематизации законодательства во второй половине XX в. развивалась на основе разработанной ранее терминологии.

Появляется общая категория — «систематизация нормативных правовых актов», под ней понимается деятельность по упорядочению и совершенствованию законодательства, приведению его в определенную систему путем составления единых нормативных правовых актов или их сборников; указывается также на значимую роль этой деятельности для поиска нужных нормативных правовых актов, совершенствования содержания правовых норм, выявления пробелов, противоречий и т.д.

Термины «инкорпорация» и «кодификация» используются фактически в том же значении, в котором они применялись европейской юридической наукой XIX в., российской дореволюционной юриспруденцией.

В рамках инкорпорации законодательства указывается на отдельные ее виды (официальная и неофициальная, хронологическая и систематическая), отмечается значение официальных хронологических инкорпорированных сборников в качестве основных источников официальной правовой информации («Ведомости Верховного Совета СССР» и др.). Велись и работы по составлению Свода законов СССР как генерального инкорпорированного сборника нормативных правовых актов, высшей формы систематизации законодательства, некоторое время они продолжались и в Российской Федерации¹⁰.

Проблемы систематизации законодательства и кодификационной деятельности, рассматриваемой в качестве одной из главных ее форм, начали активно разрабатываться в 1950–1960-е гг., в преддверии и в процессе проведе-

ния второй кодификации советского права¹¹. Так же как и в дореволюционной юриспруденции, отмечались достоинства кодификации, указывалось, что с ее помощью достигается наиболее полное и системное регулирование общественных отношений.

В качестве еще одной формы систематизации законодательства начинает рассматриваться его консолидация — такая форма систематизации, при которой нормативные правовые акты объединяются в новый нормативный правовой акт без изменения правового регулирования общественных отношений; при этом допускается незначительная, в основном редакторская правка нормативного материала, исключение отдельных норм для устранения дублирования и т.д. Консолидация виделась как некий промежуточный вариант между инкорпорацией и кодификацией законодательства. В целом она характеризовалась как имеющее место, но не очень распространенное явление в отечественной правовой системе; следует отметить и то, что не все авторитетные ученые (Д. А. Керимов, А. Ф. Шебанов и др.) поддержали выделение данной формы систематизации законодательства в качестве самостоятельной.

К систематизации законодательства еще в советское время начали относить его учет, справочно-информационную работу, включающую в себя сбор нормативного материала, его хранение, размещение по рубрикам, составление каталогов, информацию о нормативных актах, выдачу информационных данных, справок¹². Эту деятельность, безусловно, важную в практическом отношении, можно анализировать вне процессов систематизации законодательства; все-таки ее сложно ставить в один ряд с инкорпорацией и кодификацией.

В целом же при характеристике систематизации законодательства указывалось на то, что возможна ее направленность на совершенствование или содержания правовых норм (так называемая внутренняя систематизация), или расположения нормативного материала (так

¹⁰ Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И. С. Самощенко. М., 1981 ; Поленина С. В., Колдаева Н. П. О своде законов Российской Федерации. М., 1997.

¹¹ См.: Вопросы кодификации : сборник науч. статей / отв. ред. В. М. Чхиквадзе, А. Н. Иодковский. М., 1957 ; Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962 ; Теоретические вопросы систематизации законодательства / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1962 ; Развитие кодификации советского законодательства / С. Н. Братусь [и др.]. М., 1968.

¹² См., например: Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В. А. Сивицкий. М., 2010. С. 16 (в монографии приводится мнение С. С. Алексеева по изданию: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 254).

называемая внешняя систематизация). Только внешней систематизацией, выражающейся в составлении сборников нормативных правовых актов, является инкорпорация. Кодификация, поскольку она предполагает в качестве своего необходимого элемента и правотворчество, представляет собой и внешнюю, и внутреннюю систематизацию. Прежде всего внешней и в незначительной степени внутренней систематизацией выступает консолидация.

Основная терминология теории систематизации законодательства, сформированная в дореволюционной юридической науке, в 60–80-е гг. XX в., сохраняется и в настоящее время. Положения теории систематизации законодательства развиваются в монографических исследованиях¹³, обсуждаются на научных конференциях¹⁴, ретранслируются в учебной литературе¹⁵. Продолжает изучаться отечественный¹⁶ и зарубежный¹⁷ опыт правосистематизирующей деятельности. Вполне привычно рассматриваемая терминология используется в принятых на постсоветском пространстве законах о нормативных правовых актах, нередко в них даются и определения систематизации, инкорпорации, кодификации, консолидации законодательства, иногда и учета нормативных правовых актов.

В последние десятилетия в рамках теории систематизации законодательства начали формироваться новые тенденции постановки проблем, связанных с характеристикой основных видов правосистематизирующей деятельности: — *кодификация* все чаще рассматривается в качестве вида правотворчества, а не систематизации законодательства;

— новые возможности цифровых технологий влекут пересмотр взглядов на значение *инкорпорированных* сборников нормативных правовых актов;

— в отношении *консолидации* законодательства время показало неоднозначность подходов и отсутствие более-менее значительного практического применения этого термина, развитие цифровых технологий приводит к новому пониманию правоконсолидирующей деятельности.

* * *

Изменения в понимании кодификации. Кодификация вполне правомерно рассматривается в качестве одного из основных видов систематизации законодательства. Исторически в применении к юридической материи кодекс мог представлять собой как единый нормативный акт, так и инкорпорированный сборник нормативных правовых актов, причем последнее значение является более ранним и идет из римского права. Кодексом (лат. *codex* — книга) именовалась одна из четырех самостоятельных частей *Corpus Juris Civilis*, представляющая собой систематизированное изложение в 12 книгах императорских конституций (*Codex*). Его и Г. Ф. Шершеневич характеризует в качестве инкорпорированного сборника: «Типичную инкорпорацию представляет Кодекс Юстиниана, соединивший в одно все законы от Адриана до Юстиниана с соблюдением систематического и хронологического порядка»¹⁸ (ср. в связи с этим: КЗоТ — кодекс законов о труде союзной республики — это один нормативный право-

¹³ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб., 2003; Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В. А. Сивицкий. М., 2010; Гордиенко П. Ю. Техника систематизации права: теоретические основы и инструментарий : монография. Волгоград, 2016.

¹⁴ См.: Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи : материалы международного круглого стола / под ред. В. М. Баранова, В. Г. Графского, С. В. Кодана. Н. Новгород, 2008.

¹⁵ См.: *Карташов В. Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5 : Правосистематизирующая практика : текст лекций. Ярославль, 1999; *Баранов В. М., Поленина С. В.* Система права, система и систематизация законодательства в современной России : учеб. пособие. Н. Новгород, 2002.

¹⁶ См.: *Мицкевич А. В.* Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 154–160; *Галузо В. Н.* Систематизация законодательства в России : историко-правовое исследование. М., 2009; *Желдыбина Т. А.* Проблемы кодификации права в учении Г. Ф. Шершеневича // Правоведение. 2007. № 4. С. 154–160.

¹⁷ См.: *Пилипенко А. Н.* Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права 2001. № 9. С. 109–119; *Богдановская И. Ю.* Особенность систематизации в странах «общего права» // Право и политика. 2007. № 7. С. 48–51.

¹⁸ *Шершеневич Г. Ф.* Указ. соч. С. 421.

вой акт, но название как будто бы указывает на сборник, содержащий несколько законов).

Со временем, однако, стали обращать внимание прежде всего на правотворческое содержание кодификационной деятельности: поскольку при кодификации дается новое правовое регулирование, редакция многих и ранее действовавших норм может быть изменена, устраняются пробелы и противоречия и т.д., кодификационная деятельность с необходимостью предполагает правотворческий процесс.

В советский период еще не соединяли правотворчество и кодификацию. Наоборот, утверждалось, что в процессе правотворчества разрабатываются и принимаются некодифицированные нормативные правовые акты, составляющие большинство законодательства. Кодификация рассматривалась в рамках «внутренней» (т.е. включающей в себя и правотворчество) систематизации законодательства, проводимой с целью совершенствования действующего законодательства путем издания сводных нормативных правовых актов, содержащих систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на регулирование определенной области общественных отношений¹⁹.

Далее более-менее четко обозначилась тенденция к обособлению кодификации от иных форм систематизации законодательства. Так, по мнению В. К. Бабаева, традиционное деление систематизации на виды не отражает существующую реальность; систематизация как деятельность по упорядочению законодательства предполагает обработку уже готового нормативного материала, а кодификация — это создание новых нормативных правовых актов. Кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой самостоятельную, причем основную форму совершенствования законодательства²⁰.

Объективно напрашивается следующий шаг в уточнении юридической природы кодификации — рассмотрение ее в качестве прежде всего правотворческой деятельности в рамках соответствующей частнонаучной теории.

Почему же вообще сложились традиции рассмотрения кодификации в рамках не правотворческой, а правосистематизирующей деятельности?

Дело в том, что теории правотворчества (общие понятия «правотворчество», «правообразование», их место в основном понятийном ряду теории права, виды, стадии, принципы правотворчества, правила подготовки и принятия нормативных правовых актов и т.д.) как таковой в отечественной теории права начала XX в. не было, она просто еще не сформировалась. Сама правотворческая деятельность государственных органов была на два-три порядка менее интенсивной по сравнению с современностью, она была сосредоточена в основном в руках высшей бюрократии, ею занимался весьма немногочисленный круг специалистов и т.д. В зачаточном состоянии (сравнительно, конечно, с современным уровнем) находились представления о правотворческой юридической технике. Законы и законодательный процесс еще не занимали того общепризнанного места в правовых системах европейских государств, какое им отводится сейчас, с демократизацией политических режимов и изменением форм правления, с развитием народного представительства, теории правового государства, принципа верховенства закона.

После Манифеста 17 октября 1905 г. в России возникает новая модель законодательного процесса (деятельность четырех Государственных дум, 1906–1917 гг.), которая находит отражение и в теории права. Стадии законодательного процесса (инициатива, обсуждение, утверждение и обнародование закона) характеризуются более или менее полно, на основе только российской модели или же с привлечением зарубежных²¹ — вот и всё от теории правотворчества в дореволюционных изданиях по теории права.

Зато на виду были крупные исторические и современные зарубежные и отечественные законодательные проекты — Дигесты Юстиниана и в целом *Corpus Juris Civilis*, Соборное уложение, европейские кодификации XVIII–XIX вв.,

¹⁹ Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974. С. 231–247.

²⁰ Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 331–332.

²¹ См.: Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 117–123 (§ Образование закона) ; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 95–96 (§ 20. Порядок издания законов. Их виды) ; Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 382–391 (§ 39. Закон) ; Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 447–455 (§ 43. Сосредоточение правотворения в руках государственной власти).

Свод законов Российской империи и т.д. Основное значение в изучении правотворческой деятельности государства признавалось за этими крупными законодательными проектами, инкорпорирующими или кодифицирующими нормативный материал, поэтому в дореволюционной отечественной юриспруденции была разработана прежде всего теория систематизации законодательства.

Но XX в. с его реформами и революциями, с активной кодификационной и законодательной деятельностью, с ростом подзаконного правового регулирования с необходимостью привел к развитию теории правотворчества. И тенденции, проявляющиеся в развитии современной юридической науки, ориентируют на видение кодификации в рамках правотворческой деятельности и, более того, на рассмотрение кодификации в качестве основного вида правотворчества.

Без исследования кодификации теория правотворчества обедняется более чем наполовину. Содержание стадий правотворческой деятельности (в особенности стадии разработки проекта нормативного правового акта), значение принципов правотворчества (гласность, научность и др.), необходимость учета многочисленных требований юридической техники — все это в наибольшей степени проявляется при проведении крупных кодификационных работ.

В начале XXI в. заметно определенное обособление публикаций по проблемам кодификации законодательства²², изучается зарубежная традиция²³. В какой-то степени заявляется самостоятельность данного направления юридических исследований, вне теории систематизации законодательства.

Подходы к рассмотрению кодификационной деятельности неоднозначны. Более широкое понимание кодификации распространено в компаративистике, в зарубежной юриспруденции;

по-своему содержание этого термина раскрывается в международном праве. Отечественные ученые также обращают внимание на разные трактовки кодификации.

Насколько должен быть объем закон, именуемый кодексом? (Практика знает и совсем неразвернутые по своему содержанию кодексы.) То есть все ли «кодексы» являются собственно результатами кодификации?

И наоборот, можно ли рассматривать в качестве результатов кодификации иные акты, не кодексы: законы, уставы, положения и т.д. Доктрина как будто бы это допускает, но в этом случае круг «кодификаций» будет определить нелегко. В государствах постсоветского пространства, в региональном законодательстве можно наблюдать некоторую вариативность в названии сходных нормативных правовых актов: закон о лесе — лесной кодекс; закон об образовании — образовательный кодекс; законы, содержащие нормы избирательного права, — избирательный кодекс и т.д. При этом конкретная терминология может отдавать дань сложившейся традиции или же быть случайным либо закономерным результатом законодательного усмотрения, сложившегося расклада политических и профессиональных интересов, проявленной политической воли и т.д. Как быть в этом случае? Считать законы результатом законодательной деятельности, а законы, которые именуются кодексами, — результатом кодификаций? Но это содержательно, с точки зрения самой сути проблемы не вполне верный подход.

Вариативны и подходы к решению вопроса о том, правомерна ли кодификация на уровне правовых институтов (не отраслей, подотраслей права), которые могут иметь межотраслевой характер, общественную значимость и т.п. Во многих странах, к примеру, вместе с ГК действует и торговый кодекс. Возможно ли

²² См.: Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008; Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород, 2009; Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М.: Юрист, 2005; Она же. Актуальные проблемы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 30–39; Трикоз Е. Н. «Кодистика» (учение о технике кодификации) в международном праве // Правоведение. 2010. № 4. С. 109–126.

²³ Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головки. М., 2007; Виакер Ф. Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // Фемис: ежегодник истории права и правоведения / ред.-сост. О. А. Омельченко. 2000. Вып. 1. С. 128–154; Антонов М. В. Кодификация как социально-историческое явление. Рецензия на книгу: Csaba Varga. Codification as a sociohistorical phenomenon. 2nd ed. Budapest, 2011 // Правоведение. 2013. № 4. С. 254–263.

существование кодекса законов о защите прав потребителей, кодекса интеллектуальной собственности²⁴ и др.?

На все эти вопросы сложно искать ответы, видя в кодификации только форму систематизации законодательства. Наиболее целесообразно, по нашему мнению, не столько привлекать правотворческую деятельность, указывая на ее значимость и т.д., для развития теории систематизации²⁵, сколько, наоборот, использовать аспекты теории систематизации законодательства для развития теории правотворчества, уточнения ее научных положений и усиления научных позиций.

Невозможно четкое практическое отграничение кодификации от правотворчества, кодификации от консолидации (в силу недостаточной определенности степени правотворчества, которая отличает консолидацию от кодификации, см. ниже, в рассуждениях об изменении в понимании консолидации законодательства) и обеих этих форм от правотворчества.

Предпочтительным представляется рассмотрение процессов принятия единых внутренне систематизированных нормативных правовых актов в рамках правотворческой деятельности. Теория кодификации должна быть соединена с теорией правотворчества и составить ее основную, главную, принципиальную часть.

* * *

Изменения в понимании инкорпорации законодательства. Благодаря развитию цифровых технологий традиционные правовые институты и виды юридической деятельности претерпевают значительные изменения. Это справедливо и по отношению к правосистематизирующей деятельности. Законодательство создается посредством правотворчества, существует во внешне объективированной форме нормативных правовых актов. Процессы информатизации и цифровизации права, прежде всего возможности представить нормативный правовой акт в виде электронного документа, оперировать в целом массивом законодательства, выраженным в электронном виде, кардинальным

образом трансформируют классические представления о видах и содержании деятельности по систематизации законодательства.

Официальные хронологические сборники (инкорпорации) постепенно утрачивают свое значение в качестве основных источников официального опубликования нормативных правовых актов. Происходит замена их или на электронные версии, интернет-версии, или вообще на специализированные сайты для официального опубликования нормативных правовых актов.

Развитие справочно-правовых систем (СПС) фактически сняло вопрос о Своде законов как о необходимой генеральной инкорпорации нормативных правовых актов. Над ним была возобновлена работа в 1990-е гг., предполагалось, что Свод законов станет официальным систематизированным полным собранием действующих нормативных актов Российской Федерации. Соответствующие проблемы начали разрабатываться и в юридической науке, однако с течением времени, со всё большим проникновением цифровых технологий в правотворческую и правосистематизирующую деятельность стали очевидными преимущества электронной формы генеральной систематизации законодательства²⁶.

В современную цифровую эпоху также нивелируется систематизирующее значение неофициальных инкорпорированных сборников. Ранее, в докомпьютерную эпоху, они несли важную информационную нагрузку, консолидированно содержали нормативные правовые акты, регулирующие определенные сферы общественных отношений. В условиях четвертой промышленной революции и цифровизации общественных отношений, с появлением СПС и обеспечением постоянного доступа в интернет-пространство каждый специалист при необходимости может за минуты создать подборку нормативных правовых актов по интересующей его проблеме. То же самое касается учета, если его выделять в качестве самостоятельной разновидности деятельности по систематизации законодательства; различные виды учета

²⁴ Кабрияк Р. Указ. соч. С. 203.

²⁵ Валиев Р. Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 27–39.

²⁶ Указ Президента РФ 06.02.1995 № 94 «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации» через десять лет был признан утратившим силу (п. 20 приложения 2 к Указу Президента РФ от 28.06.2005 № 736 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

в цифровую эпоху переводятся в электронный вид и поглощаются разного рода компьютерными программами, информационно-правовыми системами.

Цифровая форма нормативного правового акта легализуется в законах о нормативных правовых актах стран СНГ, в проектах аналогичного закона, подготовленных в России. Нормативный правовой акт может определяться как документ, существующий не только на бумажном носителе, но и как идентичный ему электронный документ. В последнем проекте закона о нормативных правовых актах, разработанном в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2019 г. (далее — проект ИЗиСП), уже дано понятие электронного нормативного правового акта: «электронный нормативный правовой акт — документ, дублирующий принятый нормативный правовой акт и опубликованный с использованием современных электронных технологий в соответствии с компетенцией уполномоченного правотворческого органа или должностного лица» (п. 10 ст. 2)²⁷.

Тенденции развития цифровых технологий, однако, таковы, что электронный нормативный правовой акт рассматривается все чаще уже не столько в качестве дублирующего бумажный носитель и даже не в качестве идентичного ему, сколько в качестве основной или даже единственной официальной формы своего внешнего выражения.

Актуальной формой законодательства становится форма цифровая: *реестр, банк данных нормативных правовых актов*. В электронном виде или на электронных и бумажных носителях существуют официальные базы данных по законодательству на постсоветском простран-

стве²⁸. Во многих государствах предусматривается создание электронной формы законодательства, устанавливаются правила ведения банка данных нормативных правовых актов, его регулярного обновления и т.д.

В Российской Федерации получают развитие как официальные (государственная система правовой информации — Интегрированный полнотекстовый банк правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) «Законодательство России»: официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> и др.), так и коммерческие СПС («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и др.).

Одна из научных позиций, характеризующих СПС, выражена в проекте ИЗиСП. Согласно ей СПС понимается как «учет нормативных правовых актов», рассматриваемый вне основных разновидностей систематизации законодательства (инкорпорации, кодификации, консолидации); «учет нормативных правовых актов включает в себя сбор, хранение и формирование фонда нормативных правовых актов, создание поисковых систем, обеспечивающих получение достоверных сведений о нормативных правовых актах» (ч. 1 ст. 92 проекта ИЗиСП)²⁹.

Официальные базы данных нормативных правовых актов и коммерческие СПС можно рассматривать в качестве официальных и неофициальных систематических инкорпораций. Такая точка зрения является преобладающей в законах о нормативных правовых актах стран СНГ. Так, белорусский законодатель дает определение электронной инкорпорации (это вид систематизации нормативных правовых актов, осуществляемой в электронной форме, в виде отдельных документов, баз и банков данных, иных информационных ресурсов, в том числе

²⁷ О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 21.

²⁸ Государственный реестр правовых актов Азербайджанской Республики, Правовая информационная система Армении, Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, Эталонный банк нормативных правовых актов Туркменистана, Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики, Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан, Государственный регистр юридических актов Республики Молдова.

Белорусские нормативные правовые акты публикуются на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь; нормативные правовые акты, включенные в Национальный реестр правовых актов, после их регистрации и обработки включаются в Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь, который является полным систематизированным собранием актов законодательства в электронной форме.

²⁹ О нормативных правовых актах в Российской Федерации. С. 73–74 (гл. 15 «Учет и систематизация нормативных правовых актов», ст. 92 «Учет нормативных правовых актов», ст. 93 «Понятие и формы систематизации нормативных правовых актов»).

размещаемых в глобальной компьютерной сети Интернет, без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений). В качестве результата инкорпорации рассматривается, к примеру, Собрание законов Азербайджанской Республики — систематизированное собрание законодательных актов, регулярно обновляемое и публикуемое в электронной форме. Вполне правомерно, таким образом, видеть в СПС именно электронные инкорпорации.

Итак, развитие цифровых технологий правотворческой и правосистематизирующей деятельности нивелирует значение официальных и неофициальных инкорпорированных сборников, выдвигая на первый план информационно-правовые системы, электронные формы инкорпорации законодательства.

* * *

Изменения в понимании консолидации законодательства. Отечественная правотворческая и правосистематизирующая практика второй половины XX — первых десятилетий XXI в. не показывает нам активного развития деятельности по консолидации законодательства. Да, есть национальные правовые системы, в которых эта деятельность в большей степени развита, указывают на английское, французское право, при этом, однако, отмечая, что и там не все однозначно.

Можно, по всей видимости, сказать о том, что деятельность по изданию одного нормативного правового акта вместо нескольких (или даже нескольких десятков) действующих нормативных правовых актов — это одна из вполне обычных характеристик содержания правотворческой деятельности в целом.

Практике известно относительно немного ситуаций, предполагающих чисто механическое объединение нормативных правовых актов в один, без изменения содержания правовых норм. Популярный пример, который приводится и в учебной, и в научной литературе, — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.10.1980 № 3018-Х «О праздничных и памятных днях»³⁰. Этот документ включил в себя

содержание 48 нормативных актов, каждым из которых когда-то был установлен праздничный или памятный день. Правовое регулирование не изменилось, внешняя форма права упорядочилась.

В качестве примеров консолидации законодательства указывают на подготовку еще в советское время нескольких консолидированных актов в области сельского хозяйства, на Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»³¹, объединивший более ста нормативных правовых актов, устанавливающих соответствующие льготы, на ранее действовавший Водный кодекс Российской Федерации 1995 г.³² Маловероятно, однако, создание объемных актов почти без переработки нормативного текста³³.

Чаще всего в той или иной степени нормативный материал сокращается или дополняется, изменяются редакции норм и т.д., а это уже правотворческая деятельность. То есть консолидация становится на практике трудно отличимой от кодификации, здесь тоже вместо многих нормативных правовых актов создается один, но при активном правотворчестве. Как можно видеть из характеристик консолидации законодательства, при издании вместо ряда нормативных правовых актов одного речь не заходит о прояснении границ между консолидацией и правотворчеством, консолидацией и кодификацией (т.е. о прояснении характера изменения правового регулирования — это изменение должно отсутствовать или быть минимальным — и в чем это может выражаться).

Следует, по всей видимости, выразить солидарность с выводами В. П. Реутова и А. В. Ванькова относительно отсутствия у консолидации перспектив именоваться самостоятельным видом систематизации. Современное законодательство слишком динамично, чтобы можно было использовать механизм консолидации для издания объединенных нормативных актов путем лишь механического их соединения; «чистая консолидация» была возможна лишь в прошлом. На практике нельзя разделить консолидацию и кодификацию, понятие консолидации как формы систематизации российского

³⁰ СПС «Гарант».

³¹ СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

³² Водный кодекс Российской Федерации от 16.11.1995 № 167-ФЗ (ред. от 31.12.2005) (утратил силу с 1 января 2007 г. на основании Федерального закона от 03.06.2006 № 73-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

³³ См.: Реутов В. П., Ваньков А. В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 17–18.

законодательства является во многом теоретической конструкцией, мало пригодной для современного правотворчества³⁴.

В то же время понятие консолидации законодательства (и, соответственно, консолидированного нормативного правового акта) вполне может быть применимо к деятельности, которая еще не имеет четкого общепризнанного названия.

Речь идет об издании актуальных редакций нормативных правовых актов, включающих внесенные в них изменения и дополнения. В рамках основного правотворчества принимаются первоначальные редакции нормативных правовых актов, изменения и дополнения в них вносятся в результате дополнительного правотворчества. Часть первая ГК РФ принималась в 1994 г. (Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ³⁵), в ее текст изменения вносили 119 федеральных законов (начиная с Федерального закона от 20.02.1996 № 18-ФЗ³⁶ и до Федерального закона от 28.06.2021 № 225-ФЗ³⁷). В УК РФ (первая редакция — Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ³⁸) изменения вносились 274 федеральными законами (начиная с Федерального закона от 27.05.1998 № 77-ФЗ³⁹ и до Федерального закона от 01.07.2021 № 293-ФЗ⁴⁰). Реально как результаты законодательной деятельности существуют первоначальные тексты соответствующих федеральных законов и тексты законов о внесении в кодексы изменений и дополнений; и они должны быть кем-то соединены в актуальной редакции нормативного правового акта.

В докомпьютерную эпоху, когда еще в массовом использовании не было ни принтеров, ни ксероксов, при недостаточно оперативной издательской деятельности (кодексы с изменениями и дополнениями издавались нечасто) иметь актуальный вариант кодекса было одной из первых рабочих проблем, которая решалась каждым практикующим юристом (обычно путем вклейки в рабочий экземпляр кодекса напечатанных на пишущей машинке новых

редакций норм, новых положений). Юристы со стажем, еще помнящие эти манипуляции, лучше всего могут оценить невероятное удобство современных СПС, позволяющих генерировать актуальный нормативный текст.

Вот именно эта деятельность — соединение первоначального текста нормативного правового акта (результата основного правотворчества) с изменениями и дополнениями, вносимыми последующими нормативными правовыми актами (результатами дополнительного правотворчества), до сих пор не получила определенного названия. Фактически она полностью подпадает под определение консолидации законодательства: текст нормативного правового акта (например, кодекса, федерального закона в актуальной редакции) составляется из разных нормативных правовых актов (результатов основного и дополнительного правотворчества), при этом правовое регулирование общественных отношений не изменяется.

Деятельность по поддержанию нормативных правовых актов в актуальном виде, как было показано выше, известна в современных правовых системах. При наличии значительного количества изменений и дополнений нормативный правовой акт может официально быть опубликован в новой редакции.

К примеру, пункт 8 ст. 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁴¹ предполагал незамедлительное официальное опубликование Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками после их одобрения и официального опубликования результатов общероссийского голосования. Это и было сделано в соответствии с Указом Президента РФ от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками»⁴² на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). Актуальная редакция

³⁴ Реутов В. П., Ваньков А. В. Указ. соч. С. 19–20.

³⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³⁶ СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 773.

³⁷ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5053.

³⁸ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁹ СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2332.

⁴⁰ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5121.

⁴¹ СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁴² СЗ РФ. 2020. № 27. Ст. 4196.

Конституции Российской Федерации опубликована также 4 июля 2020 г. в «Российской газете» (№ 144 от 04.07.2020).

Следует различать официальную и неофициальную консолидацию результатов основного и дополнительного (внесения изменений и дополнений) правотворчества, а также видеть различия между текущей официальной или неофициальной консолидацией нормативного материала и официальным изданием текста нормативного правового акта с внесенными в него изменениями и дополнениями.

В белорусском законе о нормативных правовых актах подобный консолидированный нормативный правовой акт определяется посредством термина «текст нормативного правового акта в контрольном состоянии»: это «действующая на определенную дату редакция текста нормативного правового акта, подготовленная на основании первоначального текста нормативного правового акта и текстов нормативных правовых актов, вносящих изменения в этот нормативный правовой акт, размещенная в эталонном банке данных правовой информации Республики Беларусь» (п. 17 ст. 2)⁴³.

Юридическая природа такого нормативного правового акта в законодательстве стран СНГ может быть охарактеризована по-разному. Как на результат инкорпорации предлагает смотреть на этот документ статья 23 Закона Республики Армения «О нормативных правовых актах», в которой предусмотрена обязанность правотворческого органа опубликовать на официальном интернет-сайте «инкорпорированный вариант акта после внесения в акт изменений и дополнений»⁴⁴. Более точная позиция, соответствующая и точке зрения, представленной в настоящей статье, выражена в молдавском законе о нормативных актах: здесь понятие «консолидированный электронный текст нормативного акта» предполагает опубликованный в Государственном регистре юридических актов электронный текст нормативного акта, подготовленный на основе первоначального официального текста нормативного акта и на основе официальных текстов нормативных актов, вносящих в него изменения (ст. 2 «Основные понятия»)⁴⁵.

Таким образом, развитие цифровых технологий, правотворческой и правосистематизи-

рующей практики приводит к модификациям и в понимании консолидации законодательства.

* * *

Переходя к общим выводам, отметим следующее.

Развитие юридической практики в условиях цифровизации общественных отношений влечет определенную модификацию теории систематизации законодательства, которая формировалась в течение XIX–XX вв. Изменяется содержание основных понятий.

Кодификация законодательства может быть рассмотрена, как показано выше, в рамках правотворческой деятельности и, более того, как ее основная разновидность.

Инкорпорированные сборники (как официальные, так и неофициальные) утрачивают свое ведущее значение в качестве основных форм систематизации нормативных правовых актов (как было в докомпьютерную эпоху), эту роль теперь выполняют информационно-правовые системы (ИПС). СПС (ИПС) — официальные и неофициальные — стали основной формой как в целом систематизации законодательства, так и его инкорпорации.

СПС содержат тексты нормативных правовых актов. Актуальные редакции нормативных правовых актов представляют собой, по сути дела, консолидацию первоначального текста нормативного правового акта с вносимыми в последующем в него изменениями и дополнениями (консолидация результатов основного и дополнительного правотворчества).

Общее понятие «систематизация законодательства» вполне может быть ограничено только внешней обработкой нормативного материала. Все, что связано с так называемой внутренней систематизацией (кодификация и аспекты правотворчества в консолидации законодательства, составление в результате систематизации единого нормативного правового акта, отмена ранее действовавших актов), может быть перенесено в теорию правотворчества и рассмотрено в ее рамках.

В теории правотворчества нужны более четкие положения о видах правотворческой деятельности: конституционное законотворчество (процесс создания и принятия конституций), законотворчество (наиболее важная деятель-

⁴³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>.

⁴⁴ URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=129477>.

⁴⁵ URL: <http://lex.justice.md/ru/373698%20/>.

ность здесь — кодификации и рекодификации), подзаконное правотворчество. Нужна и более четкая разработка проблем основного и дополнительного правотворчества.

Идеи о сокращении количества нормативных правовых актов (процессы консолидации законодательства) целесообразно также рассматривать в теории правотворчества. Необходимо понимать, что нормативный материал постоянно совершенствуется как содержательно, так и с точки зрения внешней формы своего выражения: сначала могут приниматься отдельные нормативные правовые акты, регулирующие различные аспекты определенной сферы общественных отношений, затем, по мере накопления массива нормативных правовых актов, — их новые редакции, акты могут объединяться в один или несколько более крупных нормативных правовых актов, при этом в той или иной степени изменяется и содержание правового регулирования. То есть учение о консолидации законодательства в целом созвучно известным в теории правотворчества положениям о совершенствовании не только содержания права, но и его внешней формы.

Тенденции развития теории систематизации законодательства, ее определенную трансформацию в условиях цифровизации общественной жизни следует учитывать в общетеоретических и отраслевых научных исследованиях, в преподавании курса теории государства и права, в совершенствовании содержания законов о нормативных правовых актах, принятых на постсоветском пространстве (проекта аналогичного российского закона). Эти законы исходят из традиционных и устоявшихся положений юридической науки, из того, что инкорпорация, кодификация, консолидация — формы систематизации законодательства, которая может осуществляться в том числе и через правотворчество.

Сама теория систематизации законодательства (как самостоятельный научный феномен, как частнонаучная теория в рамках общей теории права), по всей видимости, остается по преимуществу в своей исторической части. В перспективе ее положения видятся скорее растворенными в частнонаучных теориях источников права (нормативных правовых актов) и правотворчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов М. В. Кодификация как социально-историческое явление. Рецензия на книгу: Csaba Varga. Codification as a sociohistorical phenomenon. 2nd ed. Budapest, 2011. 431 p. // Правоведение. — 2013. — № 4. — С. 254–263.
2. Баранов В. М., Поленина С. В. Система права, система и систематизация законодательства в современной России : учеб. пособие. — Н. Новгород : НА МВД России, 2002. — 239 с.
3. Богдановская И. Ю. Особенность систематизации в странах «общего права» // Право и политика. — 2007. — № 7. — С. 48–51.
4. Валиев Р. Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. — 2020. — № 7. — С. 27–39.
5. Виакер Ф. Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // Фемис : ежегодник истории права и правоведения / ред.-сост. О. А. Омельченко. — 2000. — Вып. 1. — С. 128–154.
6. Вопросы кодификации : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Н. Иодковский, В. М. Чхивадзе. — М., 1957. — 247 с.
7. Галузо В. Н. Систематизация законодательства в России (историко-правовое исследование). — М., 2009. — 132 с.
8. Гордиенко П. Ю. Техника систематизации права: теоретические основы и инструментарий : монография / под науч. ред. М. Л. Давыдовой. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2016. — 320 с.
9. Желдыбина Т. А. Проблемы кодификации права в учении Г. Ф. Шершеневича // Правоведение. — 2007. — № 4. — С. 154–160.
10. Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2007. — 476 с.
11. Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5 : Правосистематизирующая практика : текст лекций. — Ярославль : Ярославский государственный университет, 1999. — 225 с.
12. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. — М. : Госюриздат, 1962. — 104 с.
13. Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. — Н. Новгород, 2009. — 1100 с.

14. Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. — М. : Статут, 2008. — 336 с.
15. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — Изд. 6-е. — СПб., 1904.
16. Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. — 2001. — № 5. — С. 154–160.
17. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / рук. авт. колл. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2019. — 88 с.
18. Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород : Изд-во Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. — 544 с.
19. Пилипенко А. Н. Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права. — 2001. — № 9. — С. 109–119.
20. Поленина С. В., Колдаева Н. П. О своде законов Российской Федерации. — М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. — 56 с.
21. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. — М. : Юрид. лит., 1974. — 313 с.
22. Развитие кодификации советского законодательства / С. Н. Братусь [и др.] ; ВНИИСЗ. — М. : Юрид. лит., 1968. — 247 с.
23. Рахманина Т. Н. Актуальные проблемы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. — 2008. — № 4. — С. 30–39.
24. Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. — М. : Юрист, 2005. — 141 с.
25. Реутов В. П., Ваньков А. В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Право и современные государства. — 2013. — № 3. — С. 16–20.
26. Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И. С. Самощенко. — М. : Юрид. лит., 1981. — 256 с.
27. Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи : материалы Международ. круглого стола / под ред. В. М. Баранова, В. Г. Графского, С. В. Кодана. — Н. Новгород, 2008. — 447 с.
28. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. — СПб. : Юридический Центр — Пресс, 2003. — 380 с.
29. Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В. А. Сивицкий. — М. : Издательский дом ВШЭ, 2010. — 535 с.
30. Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. — Юрьев, 1917. — 534 с.
31. Теоретические вопросы систематизации законодательства / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. — М. : Госюриздат, 1962. — 575 с.
32. Трикоз Е. Н. «Кодистика» (учение о технике кодификации) в международном праве // Правоведение. — 2010. — № 4. — С. 109–126.
33. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — СПб. : Лань, 1998. — 217 с.
34. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. — Изд. 6-е, испр. и доп. — М., 1914. — 149 с.
35. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. — Вып. 1–4. — М., 1910–1912. — 805 с.

Материал поступил в редакцию 16 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Antonov MV. Kodifikatsiya kak sotsialno-istoricheskoe yavlenie. Retsenziya na knigu: Csaba Varga [Codification as a socio-historical phenomenon. Book review: Csaba Varga. Codification as a sociohistorical phenomenon. 2nd ed. Budapest, 2011. 431 p.]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2013;4:254-263. (In Russ.)
2. Baranov VM, Polenina SV. Sistema prava, sistema i sistematizatsiya zakonodatelstva v sovremennoy Rossii: ucheb. posobie [The system of law, the system and systematization of legislation in modern Russia. A textbook. N. Novgorod: NA MVD Rossii; 2002. (In Russ.)
3. Bogdanovskaya IYu. Osobennost sistematizatsii v stranakh «obshchego prava» [The peculiarity of systematization in the countries of «common law»]. *Law and politics*. 2007;7:48-51. (In Russ.)

4. Valiev RG. Pravotvorcheskaya sistematizatsiya norm prava [Law-making systematization of the norms of law]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;7:27-39. (In Russ.)
5. Viaker F. Zarozhdenie, rastsvet i krizis idei kodifikatsii [The origin, flourishing and crisis of the idea of codification. In: Omelchinko OA, editor. *Ezhгодnik istorii prava i pravovedeniya [Yearbook of the History of Law and Jurisprudence]*. 2000;1:128-154. (In Russ.)
6. Iodkovskiy AN, Chkhivadze VM, editors. *Voprosy kodifikatsii: sb. nauch. st. [Questions of codification: Collection of scientific articles]*. Moscow; 1957. (In Russ.)
7. Galuzo VN. *Sistematizatsiya zakonodatelstva v Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie) [Systematization of legislation in Russia (historical and legal research)]*. Moscow; 2009. (In Russ.)
8. Gordienko PYu. *Tekhnika sistematizatsii prava: teoreticheskie osnovy i instrumentariy: monografiya [The technique of systematization of law: theoretical foundations and tools. A monograph]*. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House; 2016. (In Russ.)
9. Zheldybina TA. Problemy kodifikatsii prava v uchenii G. F. Shershenevicha [Problems of codification of law in the teachings of G. F. Shershenevich]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2007;4:154-160. (In Russ.)
10. Kabriyakh R. *Kodifikatsii [Codifications]*. Trans. from French by L. V. Golovko. Moscow: Statut; 2007. (In Russ.)
11. Kartashov VN. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoy sistemy obshchestva. Ch. 5: Pravosistematiziruyushchaya praktika: tekst lektsiy [Introduction to the general theory of the legal system of society. Part 5. Legal systematizing practice: Lectures]*. Yaroslavl: Yaroslavl State University Publishing House; 1999. (In Russ.)
12. Kerimov DA. *Kodifikatsiya i zakonodatel'naya tekhnika [Codification and legislative technique]*. Moscow: Gosyurizdat; 1962. (In Russ.)
13. Baranov VM, Krasnov DG, editors. *Kodifikatsiya zakonodatelstva: teoriya, praktika, tekhnika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii [Codification of legislation: theory, practice, technique: Proceedings of the International scientific and practical conference]*. N. Novgorod; 2009. (In Russ.)
14. Medvedev DA, editor. *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava [Codification of Russian private law]*. Moscow: Statut; 2008. (In Russ.)
15. Korkunov NM. *Lektsii po obshchey teorii prava [Lectures on the general theory of law]*. 6th edition. St. Petersburg; 1904. (In Russ.)
16. Mitskevich AV. *Sistematizatsiya zakonov Rossiyskoy imperii M. M. Speranskim [Systematization of the laws of the Russian Empire by M. M. Speranskij]*. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2001;5:154-160. (In Russ.)
17. Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, et al. *O normativnykh pravovyykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii (initsiativnyy proekt federalnogo zakona) [On regulatory legal acts in the Russian Federation (initiative draft federal law)]*. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation; 2019. (In Russ.)
18. Babaev VK, editor. *Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy [General theory of law: A course of lectures]*. N. Novgorod: Nizhegor. VSh MVD RF Publishing House; 1993. (In Russ.)
19. Pilipenko AN. *Klassifikatsiya i sistematizatsiya zakonodatelstva Frantsii [Classification and systematization of French legislation]*. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2001;9:109-119. (In Russ.)
20. Polenina SV, Koldaeva NP. *O svode zakonov Rossiyskoy Federatsii [About the Code of Laws of the Russian Federation]*. Moscow: IGIP RAS Publishing House; 1997. (In Russ.)
21. Mitskevich AV, editor. *Pravotvorchestvo v SSSR [Lawmaking in the USSR]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1974. (In Russ.)
22. *Razvitie kodifikatsii sovetskogo zakonodatelstva [Development of the codification of Soviet legislation]*. VNII SZ. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1968. (In Russ.)
23. Rakhmanina TN. *Aktualnye problemy kodifikatsii rossiyskogo zakonodatelstva [Topical problems of codification of Russian legislation]*. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2008;4:30-39. (In Russ.)
24. Rakhmanina TN. *Kodifikatsiya zakonodatelstva [Codification of legislation]*. Moscow: Yurist; 2005. (In Russ.)
25. Reutov VP, Vankov AV. *K voprosu o konsolidatsii kak forme sistematizatsii zakonodatelstva [On the issue of consolidation as a form of systematization of legislation]*. *Pravo i sovremennyye gosudarstva [Law and modern States]*. 2013;3:16-20. (In Russ.)
26. Samoshchenko IS, editor. *Svod zakonov Sovetskogo gosudarstva: teoreticheskie problemy [The Code of Laws of the Soviet State: Theoretical problems]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1981. (In Russ.)
27. Baranov VM, Grafskiy VG, Kodan SV, editors. *Sistematizatsiya zakonodatelstva v Rossii (istoriko-pravovyye, teoretiko-metodologicheskie i tekhniko-yuridicheskie problemy). K 175-letiyu Svoda zakonov Rossiyskoy*

- imperii: materialy mezhdunar. kruglogo stola [Systematization of legislation in Russia (historical legal, theoretical methodological and technical legal problems). To the 175-th anniversary of the Code of Russian Empire Legislation. Proceedings of International round table]. N. Novgorod; 2008. (In Russ.)
28. Pigolkin AS., editor. Sistemizatsiya zakonodatelstva v Rossiyskoy Federatsii [Systematization of legislation in the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press; 2003. (In Russ.)
  29. Sivitskiy VA, editor. Sistemizatsiya zakonodatelstva kak sposob ego razvitiya [Systematization of legislation as a way of its development]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2010. (In Russ.)
  30. Taranovskiy FV. Uchebnik entsiklopedii prava [Textbook of the Encyclopedia of Law]. Yuryev; 1917. (In Russ.)
  31. Bratus SN, Samoshchenko IS, editors. Teoreticheskie voprosy sistemizatsii zakonodatelstva [Theoretical issues of systematization of legislation]. Moscow: Gosyurizdat; 1962. (In Russ.)
  32. Trikoz EN. «Kodistika» (uchenie o tekhnike kodifikatsii) v mezhdunarodnom prave [«Codistics» (the doctrine of the technique of codification) in international law]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2010;4:109-126. (In Russ.)
  33. Trubetskoy EN. Entsiklopediya prava [Encyclopedia of Law]. St. Petersburg: Lan; 1998. (In Russ.)
  34. Khvostov VM. Obshchaya teoriya prava. Elementarnyy ocherk [General theory of law. An elementary essay]. 6th edition, rev. and suppl. Moscow; 1914. (In Russ.)
  35. Shershenevich GF. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Vol. 1. Moscow; 1910. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.148-158

О. Ю. Цурлуй*

Судебное разбирательство по уголовным делам и цифровые технологии: совместить нельзя разделить

Аннотация. Целью подготовки статьи выступает анализ правового регулирования и судебной практики цифровизации судебного разбирательства уголовных дел. В современных условиях стремительно развивающиеся технологии внедряются во все сферы человеческой жизнедеятельности. С одной стороны, технологии облегчают и упрощают процессы, с другой — влекут необходимость решения специфических задач, которые не возникали до начала их использования. Уголовное судопроизводство, являясь деятельностью многогранной и сложной, затрагивающей наиболее значимые права человека, такие как право на жизнь и свободу, неприкосновенность жилища, требует наиболее тщательного подхода и осторожности при применении цифровых технологий. Однако сущность уголовного процесса сама по себе не исключает целесообразности оптимизации расследования уголовного дела, его рассмотрения и разрешения судом путем цифровизации. Уголовно-процессуальное законодательство включает немногочисленные нормы, регламентирующие применение технологий при производстве по уголовному делу. Законопроект, которым предлагается внести нормы, регламентирующие дистанционное судебное разбирательство, не касается уголовного судопроизводства, что свидетельствует о постепенной и осторожной цифровизации данной сферы правоприменения. Одновременно судебная практика диктует необходимость детальной регламентации использования цифровых технологий в уголовном процессе. Следует внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предусмотрев основания и порядок дистанционного участия в судебном заседании посредством веб-конференции для свидетеля, специалиста, эксперта. Современный уровень развития цифровых технологий позволяет использовать их без негативного влияния на качество процесса, сократив при этом судебные расходы, сроки рассмотрения дел и обеспечив защиту прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; судебное разбирательство; судебное заседание; цифровизация; видео-конференц-связь; веб-конференция; онлайн-формат судебного заседания; допрос; свидетель; специалист; эксперт; защитник.

Для цитирования: Цурлуй О. Ю. Судебное разбирательство по уголовным делам и цифровые технологии: совместить нельзя разделить // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 148–158. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.148-158.

Criminal Proceedings and Digital Technologies: Combine or Separate

Olesya Yu. Tsurluy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Forensic Examination and Criminalistics, Central Branch of the Russian State University of Justice
ul. 20-letiya Oktyabrya, d. 95, Voronezh, Russia, 394006
kijalis@yandex.ru

Abstract. The purpose of the paper is to analyze the legal regulation and judicial practice of digitalization of criminal proceedings. In modern conditions, rapidly developing technologies are being introduced into all spheres of human life. On the one hand, technologies facilitate and simplify processes, on the other, entail the need to

© Цурлуй О. Ю., 2022

* Цурлуй Олеся Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Центрального филиала Российского государственного университета правосудия
ул. 20-летия Октября, д. 95, г. Воронеж, Россия, 394006
kijalis@yandex.ru

solve specific tasks that did not arise before their use. Criminal proceedings, being a multifaceted and complex activity that affects the most significant human rights, such as life, freedom, inviolability of the home, requires the most careful approach and caution when using digital technologies. However, the essence of the criminal process itself does not exclude the expediency of optimizing the investigation of a criminal case, its consideration and resolution by the court through digitalization. The criminal procedure legislation includes a few norms regulating the use of technologies in criminal proceedings. The draft law, which proposes to introduce norms regulating remote judicial proceedings, does not concern criminal proceedings, which indicates the gradual and cautious digitalization of this area of law enforcement. At the same time, judicial practice dictates the need for detailed regulation of the use of digital technologies in criminal proceedings. Amendments should be made to the Code of Criminal Procedure, providing for the grounds and procedure for remote participation in a court session by means of a web conference for a witness, specialist, and expert. The current level of development of digital technologies makes it possible to use them without negatively affecting the quality of the process, while reducing court costs, terms of consideration of cases and ensuring the protection of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; court proceedings; court session; digitalization; video conferencing; web conference; online format of the court session; interrogation; witness; specialist; expert; defender.

Cite as: Tsurlyu OYu. Sudebnoe razbiratelstvo po ugovolnym delam i tsifrovye tekhnologii: sovместit nelzya razdelit [Criminal Proceedings and Digital Technologies: Combine or Separate]. *Lex russica*. 2022;75(2):148-158. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.148-158. (In Russ., abstract in Eng.).

«Встать, суд идет... онлайн»¹

Цифровизация уголовного судопроизводства — процесс неизбежный, обусловленный объективной реальностью, и достаточно сложный. Внедрение технологий в уголовный процесс охватывает подачу заявлений, жалоб и обращений в правоохранительные органы и суды в электронном виде, перевод материалов дела в электронный формат, применение веб-конференций при производстве предварительного расследования, дистанционное рассмотрение дел судом, аудиопотолирование судебного заседания², использование искусственного интеллекта для автоматизации судебных действий и разрешения несложных дел³, внедре-

ние программного обеспечения в производство судебных идентификационных экспертиз и т.д. Каждый вопрос из приведенного спектра требует самостоятельного исследования. В статье мы подробно разберем задачи, особенности и перспективы дистанционного рассмотрения уголовных дел судами.

Безусловную актуальность исследования вопросов использования цифровых технологий в судопроизводстве подтверждает анализ зарубежного опыта, демонстрирующий следующее.

По мнению британских специалистов, в Суде Короны число слушаний в онлайн-формате в будущем составит менее 1 %, а в маги-

¹ «Встать, суд идет... онлайн», или 8 ответов о новом режиме работы российских судов // СПС «Гарант», 15 апреля 2020 г.

² Борисова Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 33 ; Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 159 ; Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 34–51 ; Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 57 ; Софийчук Н. В., Колпакова Л. А. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Lex russica. 2020. № 11. С. 72 ; Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 102.

³ Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. 2019. № 11. С. 86 ; Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Там же. № 5. С. 102.

стратских судах — менее 10 %⁴. В основном на онлайн-судопроизводство будут переходить гражданские, семейные, коммерческие суды и трибуналы. До настоящего времени в качестве пилотного проекта онлайн-слушание в полном объеме применялось в марте 2018 г. только в Налоговом трибунале⁵.

В Республике Казахстан по аналогии с опытом Сингапура судьям доступны комплексы онлайн-правовых информационных систем, позволяющие упростить процедуры принятия судебных решений. К таковым, в частности, относятся: система, позволяющая искать необходимые сведения в правовых базах данных (Law Net Legal Workbench); система, содержащая критерии и предусматривающая правила вынесения судебных решений (SINGS); база данных, содержащая рабочие документы судов и сведения об их сотрудниках (JOBDB); система, сохраняющая судебные решения судов всех уровней в целях управления приоритетами ресурсов (IMPRESS)⁶.

В свою очередь, в Сингапуре организационные и правовые аспекты судебной деятельности посредством электронного правосудия реализуются предоставлением виртуальных приложений и услуг для судов, компьютеризацией администрации судов и судебных процессов, разработкой межведомственных систем. Кроме того, внедрена система электронного обмена сведениями между правоохранительными органами TICKS 2000⁷.

На территории США электронное правосудие обеспечивается системой регистрации и электронной подачи документов в суд и управления производством по уголовным делам в электронном виде Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF), а также многопрофильной функциональной системой для публичного доступа к сведениям, хранящимся в окружных и апелляционных судах страны, Public Access to Court Electronic Records (PACER)⁸.

В апреле 2021 г. Правительством Российской Федерации внесен в Государственную Думу и в июне того же года принят в первом чтении проект № 1144921-7 федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе»⁹. Положения данного законопроекта предполагают внесение изменений в процессуальное законодательство России, регламентирующее гражданское, арбитражное, административное судопроизводство. Одновременно в законопроекте отсутствуют нормы, касающиеся уголовного судопроизводства, что вызывает возражения, поскольку необходимость, а в условиях чрезвычайной ситуации (например, пандемии) — и вынужденность дистанционного формата судебного разбирательства существует и в отношении уголовных дел. Уголовный процесс, безусловно, представляет собой специфическую форму деятельности, которая при этом не исключает возможности внедрения современных цифровых технологий как в целях криминалистического обеспечения судебной деятельности по рассмотрению и разрешению уголовных дел, так и для рациональной организации таковой.

Анализ проекта № 1144921-7 позволяет высказать мнение о возможности использования ряда законодательных инициатив, касающихся дистанционного рассмотрения судами гражданских, арбитражных и административных дел, в отношении уголовных дел.

Следует отметить, что участие лиц в судебном заседании по рассмотрению уголовного дела дистанционно имеет существенные отличия от предусмотренной ст. 278.1 УПК РФ процедуры допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи.

Не вызывает сомнения, что первоочередной задачей судебных органов при рассмотрении дела дистанционно является идентификация

⁴ См.: *Sadler K.* Realising the potential for video hearings (30 July 2018) // URL: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/2018/07/30/realising-the-potential-for-video-hearings/> (дата обращения: 25.08.2021).

⁵ Realising the potential for video hearings // URL: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/category/transformation-courts-and-tribunals-2022/> (дата обращения: 25.08.2021) ; *Rossner M., McCurdy M.* Implementing Video hearings (Party-to-State): A Process Evaluation (2018) // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/614448/Implementing-Video-hearings-Party-to-State-A-Process-Evaluation-2018.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

⁶ *Шульгин Е. П.* Зарубежный опыт деятельности органов, осуществляющих производство по уголовным делам в электронном формате // Академическая мысль : сетевое издание. 2019. № 4. С. 85–89.

⁷ *Шульгин Е. П.* Указ. соч. С. 85–89.

⁸ *Шульгин Е. П.* Указ. соч. С. 85–89.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

участников, присоединившихся к процессу посредством веб-конференции. Из текста законопроекта № 1144921-7 следует, что законодатель предлагает для всех видов судопроизводства (арбитражного, гражданского, административного) единый алгоритм, состоящий в следующем: «Установление личности субъекта судопроизводства при его участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции реализуется путем применения информационно-технологических средств, позволяющих идентифицировать лицо при его фактическом отсутствии (т.е. единая система аутентификации и идентификации, единая информационная система персональных данных, включающая обработку, сбор и хранение, проверку биометрических данных лица и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации)». В Концепции информатизации Верховного Суда Российской Федерации, утвержденной приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П¹⁰, справедливо отмечено, что использование технологии дистанционной биометрической аутентификации предоставляет возможность организации и проведения судебных заседаний с участием в них субъектов судопроизводства дистанционно, с использованием технологии веб-конференции. При этом нет необходимости привлекать второй суд для содействия в проведении судебного заседания с дистанционным участием. Внедрение представленной технологии идентификации находит поддержку специалистов¹¹.

Приведенное выше положение законопроекта № 1144921-7 предлагается внести в качестве дополнений в ст. 56 АПК РФ, ст. 177 ГПК РФ, ст. 160 КАС РФ, дополнить им отдельную ст. 153.2 АПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ.

На наш взгляд, аналогичное положение может беспрепятственно найти отражение в гл. 35, 37 УПК РФ, регламентирующих общие условия судебного разбирательства и порядок проведения судебного следствия.

Нормы законопроекта № 1144921-7, уполномочивающие суд, рассматривающий дело, брать подписку у допрашиваемых лиц, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, о разъяснении

им их прав, обязанностей и ответственности в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, по аналогии с положениями ст. 474.1 УПК РФ могут быть внесены в соответствующую норму гл. 36 УПК РФ.

Вполне соответствующими принципам и сущности уголовно-процессуальной деятельности представляются, на наш взгляд, изложенные в законопроекте № 1144921-7 предложения о необходимости подачи лицом, желающим участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, ходатайства в суд, рассматривающий дело, в электронном виде при наличии в суде технической возможности осуществления веб-конференции. Об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайства суд выносит постановление с указанием времени проведения судебного заседания. В случае удовлетворения такого ходатайства лицом, его заявившим, заблаговременно в электронном виде направляется информация, необходимая для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции. Целесообразно закрепить в уголовно-процессуальном законе разрешение лицу участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции по инициативе суда, рассматривающего уголовное дело, если для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела участие данного лица необходимо, но по объективным причинам невозможно лично (однако только с согласия данного лица). Важно законодательно закрепить запрет на применение видео-конференц-связи или технологии веб-конференции в принудительном порядке, даже при наличии технической возможности.

Основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства о дистанционном участии в судебном заседании для суда в уголовном судопроизводстве, наряду с предлагаемыми законопроектом № 1144921-7 отсутствием технической возможности для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции и закрытым форматом судебного заседания, следует предусмотреть тактическую возможность и целесообразность. Убеждены, что свидетели, эксперты и специалисты, чьи показания могут существенно повлиять на решение уголовного дела, должны участвовать

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Шереметьев И. И. Указ. соч. С. 105.

в судебном заседании лично, что обусловлено спецификой уголовного судопроизводства и особенностями тактики производства судебных действий следственного характера.

Нормы ст. 474.1 УПК РФ закрепляют право лиц подавать в суд, рассматривающий уголовное дело, заявления, ходатайства и прилагаемые к ним документы в электронном виде. Полагаем, что данное право всецело распространяется на лиц, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции.

По нашему мнению, уголовно-процессуальный закон должен содержать норму, разъясняющую, что производство допроса любого участника судопроизводства (свидетеля, эксперта, специалиста) осуществляется судом, в производстве которого находится уголовное дело, по общим правилам, регламентированным УПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных нормой, закрепляющей участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции.

В связи с изложенным отдельного рассмотрения в рамках самостоятельного исследования требуют особенности тактики производства судебных действий следственного характера с использованием системы веб-конференции. Полагаем, что разработка специальных тактических приемов, средств и методов криминалистического обеспечения судебного разбирательства необходима и неизбежна при внедрении дистанционного формата в уголовное судопроизводство.

Закономерно и логично статья 7 проекта № 1144921-7 федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» закрепляет, что положения процессуального законодательства в редакции названного федерального закона применяются исключительно при соответствующем техническом оснащении суда.

Подтверждением целесообразности, необходимости и неизбежности внедрения цифровых технологий в судопроизводство в целом и в деятельность судов при рассмотрении и разрешении дел, в частности служит Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации, утвержденная приказом Председа-

теля Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П¹² (далее — Концепция).

Проиллюстрируем рассматриваемые в рамках статьи вопросы некоторыми положениями Концепции.

Верховный Суд установил возможность участвовать в судебных заседаниях дистанционно путем использования видео-конференц-связи для более чем 8 000 абонентов объектов, территориально удаленных друг от друга, в числе которых все федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, следственные изоляторы, исправительные и воспитательные колонии, колонии-поселения, тюрьмы, лечебные профилактические и исправительные учреждения, туберкулезные и психиатрические больницы, иные учреждения с размещенными в них комплексами видео-конференц-связи. В 2018 г. началась работа по внедрению систем видео-конференц-связи на участках мировых судей.

С 2019 г. осуществляется внедрение технологии веб-конференции, обеспечивающей дистанционное участие в судебных заседаниях. Принципиальным отличием веб-конференции от видео-конференц-связи, использующей гарантированные каналы связи на вычислительных мощностях абонентов, является использование технических средств участников судопроизводства путем подключения через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Учитывая возрастающий уровень надежности технологий сети Интернет, увеличение пропускной способности каналов связи, совершенствование цифровых технологий, сервиса портала «Госуслуги» (личный кабинет ЕПГУ), современный уровень развития информационных технологий биометрической аутентификации участника судебного заседания (то есть по лицу и голосу при его дистанционном участии вне зависимости от местонахождения), в Верховном Суде проводится работа по интеграции технологий как видео-конференц-связи, так и веб-конференции, обеспечивающей возможность такого участия.

Одним из способов реализации судебной деятельности дистанционно выступает правосудие онлайн, которое представляет собой осуществление судом и (или) участниками судебного процесса регламентированных законом процессуальных действий полностью или частично

¹² СПС «КонсультантПлюс».

дистанционно путем использования информационных технологий, в том числе дистанционное направление в суд заявлений, обращений, жалоб в электронном формате; получение дистанционно информации о судебном процессе, например судебных извещений; участие в судебных заседаниях дистанционно; дистанционный доступ к материалам дел, в частности получение судебных актов и их копий; дистанционное участие в различного рода мероприятиях, включая международные. Названный подход даст возможность участвовать в судебном заседании полноценно лицам с ограниченными возможностями (что способствует повышению эффективности реализации их права на судебную защиту) и позволит сократить судебные расходы.

Развитие автоматизированной информационной системы (АИС) Верховного Суда, направленное на реализацию процессуального законодательства, регламентирующего вопросы дистанционного судопроизводства, включено в перечень мероприятий первого этапа Концепции, реализация которых запланирована на период 2021–2024 гг.

Процесс внедрения системы веб-конференции, позволяющей проводить судебные разбирательства уголовных дел дистанционно, неизбежно повлечет появление ряда задач, решение которых обеспечит законность, эффективность и справедливость правосудия. Остановимся на некоторых из них.

1. Соблюдение гласности судебных разбирательств в дистанционном формате

В 1936 г. в решении по делу *Ambard v. Attorney-General for Trinidad and Tobago* лорд Аткин отметил: «Публичность — это сама душа справедливости. Это самый сильный стимул к усилию и самый надежный метод, защищающий от бесчестности». Действительно, правосудие не является скрытой добродетелью, и оно не должно вершиться за закрытыми дверями. Доверие общества к системе правосудия зависит от прозрачности судопроизводства. Один из способов соблюдения этого важного принципа — посещение судов и описание происходящего в них через СМИ. Именно благодаря СМИ общество узнает о

функционировании системы правосудия и формирует мнение о нем. Однако формат дистанционных слушаний обострил проблему открытости и прозрачности судебных слушаний¹³.

В целях разрешения обозначенной ситуации необходимо технически обеспечить предоставление доступа к вещанию слушаний или их записи, что сохранит открытость правосудия.

В специальной литературе предлагается два варианта решения задачи: принятие судебными органами регламента, в соответствии с которым будет осуществляться обязательная прямая трансляция слушаний (live-broadcast или live-stream) на общедоступной платформе; предоставление определенному количеству общественных наблюдателей, таких, например, как журналисты или студенты, доступа (через административную судебную систему) к самой системе прослушивания или просмотра дистанционного слушания. Такой вариант действительно позволит обеспечить наблюдение слушаний в реальном времени. Одновременно в регламенте должны быть учтены риски нарушения конфиденциальности и информационной безопасности прямого вещания¹⁴.

2. Соблюдение непосредственности и устности судебного разбирательства в дистанционном формате

По мнению ряда авторов, одной из главных сложностей, требующей преодоления в целях внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство о дистанционном рассмотрении уголовных дел, является обеспечение возможности непосредственно и устно исследовать в ходе судебного заседания показания допрашиваемого. Наряду с этим, важнейшее значение приобретает проблема верификации этих показаний. Предлагается несколько путей ее решения¹⁵: — определение характера помещения, в котором свидетель или потерпевший находится и дистанционно дает показания. Требования к этому помещению, наряду с требованиями, предъявляемыми к техническим средствам и окружающей допрашиваемое лицо обстановке, должны быть прописаны в процессуальном законе;

¹³ Спак А. Вызовы пандемии // Адвокатская газета : сетевое издание. 2020. № 13, июль.

¹⁴ Спак А. Указ. соч.

¹⁵ Шереметьев И. И. Указ. соч. С. 105.

- определение действий суда в ситуации неожиданного прерывания связи с допрашиваемым лицом по субъективным и объективным причинам;
- исключение постороннего влияния на допрашиваемое лицо путем организации прокторинга, представляющего собой систему видеонаблюдения, контролирующую обстановку, как, например, это происходит при сдаче экзаменов студентами. Эти обязанности могут быть возложены на службу судебных приставов, которые обеспечивают установленный порядок деятельности судов, правоохранительных органов, службы исполнения наказаний или других служб. В необходимых случаях допрашиваемый может давать показания из помещения суда, отдела (отделения) полиции, опорного пункта охраны порядка, расположенных наиболее близко к месту нахождения свидетеля, в которых создаются условия, исключающие влияние на допрашиваемого посторонних лиц.

На разрешение данной задачи (предотвращения неправомерного влияния на допрашиваемого в ситуациях, когда лица не находятся в том же помещении, где остальные участники судебного разбирательства) обращают внимание зарубежные правоприменители. В правовых рекомендациях различных стран по минимизации рисков злоупотреблений в этой области упоминаются просьба смотреть непосредственно в видеокамеру и держать руки в поле зрения видеокамеры, применение видеокамеры с полем зрения в 360 ° или просьба к допрашиваемому посредством видеокамеры показать все помещение, в котором он находится, присутствие в помещении с допрашиваемым представителем допрашивающей стороны или независимого лица, запрет использования свидетелем виртуального фона¹⁶.

3. Обеспечение права на защиту при судебном разбирательстве по уголовным делам в дистанционном формате

Следует согласиться с предложением о нахождении одного защитника в зале судебного заседания, а другого — в том месте, где находится подозреваемый (обвиняемый, осужденный), что будет в большей степени способствовать реализации прав этого лица на справедливое судопроизводство с использованием системы видео-конференц-связи или веб-конференции, особенно когда речь идет о рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних¹⁷. В случае отсутствия у лица финансовой возможности найма двух защитников один из защитников может быть назначен судом в порядке ст. 51 УПК РФ.

4. Обеспечение эффективного взаимодействия участников судопроизводства

Одним из ключевых отрицательных моментов дистанционного рассмотрения дела видится отсутствие невербального контакта между участниками судебного процесса, что в решающий момент может негативно отразиться на результате судебного разбирательства. Отсутствие живого общения делает практически невозможной адекватную оценку отношения судьи к высказанным доводам или ходатайствам, не позволяет в полной мере взаимодействовать с процессуальным оппонентом, чувствовать настрой участников разбирательства и сам процесс в целом, а также добавить что-либо к уже сказанному или сместить акценты¹⁸.

Выступление «через экран в меньшей степени позволяет использовать методы психологического воздействия, которые, безусловно, в какой-то степени также могут оказать влияние на конечный результат судебного разбирательства»; зрительный контакт в значительной степени облегчает донесение своей позиции, оказывает на участников процесса определенное дисциплинирующее воздействие¹⁹.

¹⁶ Маренков Д. В. Проведение онлайн-слушаний в международном арбитраже вопреки возражениям одной из сторон. Решение Верховного суда Австрии // Третейский суд. 2020. № 3–4. С. 127.

¹⁷ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Контракт, 2019. С. 38 ; Софийчук Н. В., Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 74.

¹⁸ Сазонова М. Дистанционное участие в судебном заседании // СПС «Гарант», 19 апреля 2021 г.

¹⁹ Сазонова М. Указ. соч. ; Шувалова М. Электронное правосудие в России: новый этап // СПС «Гарант», 14 октября 2020 г.

Разделяем позицию коллег о приемлемости дистанционного участия в суде для простых и несложных дел, но «для участия в сложных и нестандартных делах, имеющих обширную доказательственную базу, удаленное участие в судебных заседаниях имеет больше минусов, чем плюсов»²⁰.

5. Обеспечение качества связи и защиты персональных данных участников судопроизводства

Следует отметить, что опыт применения системы видео-конференц-связи демонстрирует частоту технических неполадок, таких, например, как прерывание звука или видеоизображения, что отражается на эффективности судебного разбирательства²¹.

Отдельного рассмотрения требует задача защиты персональных данных участников онлайн-слушаний с использованием распространенных видеоплатформ, таких как GoToMeeting, Cisco Webex, Zoom, Microsoft Teams, Skype. В связи с этим было заявлено в 2020 г. о несоответствии большинства названных платформ в текущем состоянии требованиям Общего регламента защиты персональных данных Европейского Союза. В связи с этим задача защиты персональных данных при проведении судебных заседаний в режиме онлайн требует дополнительного исследования²². Учитывая, что проведение судебных заседаний в режиме веб-конференций предусматривает подключение участников с использованием своих устройств, необходимо сформировать рекомендации по использованию лицами оборудования и интернет-соединения с конкретными характеристиками, которые позволят обеспечить необходимое качество связи. В свою очередь, технические требования к системам, используемым судами для проведения заседаний в режиме веб-конференций, будут установлены в обязательном порядке²³.

Таким образом, техническая сторона вопроса не менее важна, чем правовая и социальная, но с учетом скорости развития технологий эта проблема, вероятно, решится в обозримом будущем.

В заключение отметим следующее.

Полностью поддерживаем положительное влияние цифровых технологий, внедряемых в сферу судопроизводства, «технически упрощающих делопроизводственные механизмы и повышающих качество процесса расследования и разрешения уголовных дел»²⁴, и одновременно отмечаем «невозможность полного перехода к «цифровому судопроизводству» в сфере уголовного процесса, обусловленную правовой природой и характером уголовно-процессуальной деятельности, требующей человеческого участия на всех стадиях процесса, а также недостаточной готовностью общества к отказу от традиционных форм взаимодействия с судебной системой»²⁵. Помимо этого, согласимся, что «об электронном правосудии в России возможно говорить тогда, когда совокупность различных автоматизированных информационных систем (сервисов) будет представлять собой единую, предусмотренную нормативными правовыми актами, защищенную систему, позволяющую осуществлять правосудие в электронной форме на всех его этапах, стадиях»²⁶.

Согласимся также с тем, что «внедрение технологических новшеств должно сопровождаться развитием гарантий процессуальных прав сторон, в том числе права на равенство перед судом, невзирая на уровень цифровой грамотности, права на справедливое публичное разбирательство, основанное на достоверных доказательствах, даже если дело рассматривается без проведения судебного заседания и используются электронные образы документов»²⁷.

Научное сообщество обоснованно акцентирует внимание на том, что «использование электронно-цифровых технологий приводит к изменению правосознания правопримените-

²⁰ Сазонова М. Указ. соч.

²¹ Маренков Д. В. Указ. соч. С. 128.

²² Маренков Д. В. Указ. соч. С. 128.

²³ Шувалова М. Указ. соч.

²⁴ Сазонова М. Указ. соч.

²⁵ Софийчук Н. В., Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 74.

²⁶ Борисова Л. В. Указ. соч. С. 33.

²⁷ Лукьянова И. Н. Разрешение споров онлайн: технологичный путь к «приватизации правосудия»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 48.

лей, которые не только призваны учитывать возможности таких технологий, но и должны по-иному относиться к выполнению ряда процессуальных действий, осуществляемых ими в ходе уголовного судопроизводства. Это предполагает повышение их квалификации, уровня защиты прав и свобод граждан»²⁸.

Справедливо предложение о «взвешенном подходе к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство, строящемся на правиле “не навреди”, позволяющем усовер-

шенствовать процесс, не создавая угроз и рисков ни для целей самого судопроизводства, ни для прав человека, в нем участвующего»²⁹.

Главный фактор, который, по нашему убеждению, должен лежать в основе процесса цифровизации уголовного судопроизводства, — это обязательное использование любой внедренной технологии под контролем человека. Взаимодействие человека и технологий — залог эффективности, законности и справедливости правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex russica*. — 2019. — № 11. — С. 79–87.
2. Борисова Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // *Право и цифровая экономика*. — 2020. — № 2. — С. 32–35.
3. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2019. — № 12. — С. 97–104.
4. Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // *Актуальные проблемы российского права*. — 2020. — № 8. — С. 155–163.
5. Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2020. — № 10. — С. 34–51.
6. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. — 2019. — № 5. — С. 91–104.
7. Лукьянова И. Н. Разрешение споров онлайн: технологичный путь к «приватизации правосудия»? // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2020. — № 8. — С. 45–48.
8. Маренков Д. В. Проведение онлайн-слушаний в международном арбитраже вопреки возражениям одной из сторон. Решение Верховного суда Австрии // *Третейский суд*. — 2020. — № 3–4. — С. 120–134.
9. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2020. — № 10. — С. 52–65.
10. Сазонова М. Дистанционное участие в судебном заседании // СПС «Гарант», 19 апреля 2021 г.
11. Софийчук Н. В., Колпакова Л. А. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // *Lex russica*. — 2020. — № 11. — С. 71–80.
12. Спак А. Вызовы пандемии // *Адвокатская газета : сетевое издание*. — 2020. — № 13, июль.
13. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]. — М. : ИЗСП при Правительстве РФ ; ЮФ «Контракт», 2019. — 212 с.
14. Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2020. — № 10. — С. 97–107.
15. Шувалова М. Электронное правосудие в России: новый этап // СПС «Гарант», 14 октября 2020 г.
16. Шульгин Е. П. Зарубежный опыт деятельности органов, осуществляющих производство по уголовным делам в электронном формате // *Академическая мысль : сетевое издание*. — 2019. — № 4. — С. 85–89.

²⁸ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации / Н. А. Голованова [и др.]. С. 67 ; Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 12. С. 97–104.

²⁹ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости. С. 102.

17. Rossner M., McCurdy M. Implementing Video hearings (Party-to-State): A Process Evaluation (2018) // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachmentatachment_data/file/544444 (дата обращения: 25.08.2021).
18. Sadler K. Realising the potential for video hearings (30 July 2018) // URL: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/2018/07/30/realising-the-potential-for-video-hearings/> (дата обращения: 25.08.2021).

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Biryukov PN. Iskusstvennyy intellekt i «predskazannoe pravosudie»: zarubezhnyy opyt [Artificial intelligence and «predicted justice»: Foreign experience]. *Lex Russica*. 2019;(11):79-87. (In Russ.)
2. Borisova LV. Ob osnovnykh napravleniyakh stanovleniya i razvitiya elektronnoy pravosudiy v sovremennoy Rossii [About the main directions of formation and development of electronic justice in modern Russia]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika [Law and the Digital Economy]*. 2020;2:32-35. (In Russ.)
3. Bryantseva OV, Soldatkina OL. Elektronnoe pravosudie v Rossii: problemy i puti resheniya [Electronic justice in Russia: Problems and solutions]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kumaфafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2019;12:97-104. (In Russ.)
4. Vilkova TYu. Realizatsiya konstitutsionnoy obyazannosti gosudarstva obespechit dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [Implementation of the Constitutional Obligation of the State to Ensure Access to Justice in the Context of Digital Technologies Development]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;8:155-163. (In Russ.)
5. Voskobitova LA. Ispolzovanie funktsionalnogo podkhoda dlya tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva [Using a functional approach to digitalize criminal proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kumaфafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2020;10:34-51. (In Russ.)
6. Voskobitova LA. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i tsifrovyye tekhnologii: problemy sovmestimosti [Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue]. *Lex russica*. 2019;5:91-104. (In Russ.)
7. Golovanova NA, Gravina AA, Zaitsev OA, Kashepov VP, Koshaeva TO, et al. Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya [Criminal jurisdictional activity in the conditions of digitalization. A monograph]. Moscow: IZISP under the Government of the Russian Federation; LLC «Law firm Contract»; 2019. (In Russ.)
8. Lukyanova IN. Razreshenie sporov onlayn: tekhnologichnyy put k «privatizatsii pravosudiy»? [Online dispute resolution: A technological way to «privatize justice»?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, analysis, practice]*. 2020;8:45-48. (In Russ.)
9. Marenkov DV. Provedenie onlayn-slushaniy v mezhdunarodnom arbitrazhe vopreki vozrazheniyam odnoy iz storon. Reshenie Verkhovnogo suda Avstrii [Conducting online hearings in international arbitration against the objections of one of the parties. Decision of the Supreme Court of Austria]. *Treteysiy sud [Arbitration]*. 2020;3-4:120-134. (In Russ.)
10. Maslennikova LN. Kontseptualnyy podkhod k postroeniyu ugovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [A conceptual approach to the construction of criminal proceedings providing access to justice in the context of the development of digital technologies]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kumaфafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2020;10:52-65. (In Russ.)
11. Sazonova M. Distantionnoe uchastie v sudebnom zasedanii [Remote participation in the court session]. *Garant.ru*. April 19, 2021. (In Russ.)
12. Sofiychuk NV, Kolpakova LA. K voprosu o dostupe grazhdan k pravosudiyu v usloviyakh tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva [On the issue of citizens' access to justice in the context of digitalization of criminal proceedings]. *Lex russica*. 2020;11:71-80. (In Russ.)
13. Spak A. Vyzovy pandemii [Pandemic challenges]. *Advokatskaya gazeta*. 2020 July. No. 13. (In Russ.)
14. Sheremetev II. Ispolzovanie sovremennykh tsifrovyykh tekhnologiy pri sudebnom razbiratelstve ugovnykh del v distantionnom rezhime [The use of modern digital technologies in the trial of criminal cases remotely].

- Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)].* 2020;10:97-107. (In Russ.)
15. Shuvalova M. Elektronnoe pravosudie v Rossii: novyy etap [Electronic justice in Russia: A new stage]. Garant. ru. 2020 October 14. (In Russ.)
  16. Shulgin EP. Zarubezhnyy opyt deyatel'nosti organov, osushchestvlyayushchikh proizvodstvo po ugovnym delam v elektronnom formate [Foreign experience in the activities of bodies conducting criminal proceedings in electronic format]. *Akademicheskaya mysl.* 2019;4:85-89. (In Russ.)
  17. Implementing Video hearings (Party-to-State): A Process Evaluation. Dr. Meredith Rossner and Ms. Martha McCurdy, 2018. Available from: <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachmentatachment/731114/Implementing-Video-hearings-Party-to-State-A-Process-Evaluation.pdf> [cited 2021 August 25].
  18. Sadler K. Realising the potential for video hearings. Sadler. 30 July 2018. Available from: <https://insidehmcts.blog.gov.uk/2018/07/30/realising-the-potential-for-video-hearings/> [cited 2021 August 25].

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.159-163

А. П. Кузнецов*

Профессор С. М. Кочои — популяризатор уголовно-правовой науки (к 60-летию со дня рождения)

Аннотация. В статье анализируется вклад в развитие науки уголовного права доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного работника юстиции Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, профессора кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Самвела Мамадовича Кочои. Автор убежден, что развитие современной юридической науки и ее авторитет всецело зависят от ученых, которые, обладая многогранными талантами, широтой взглядов, научной смелостью, своим самоотверженным трудом, новаторской деятельностью преобразуют жизнь, воплощают идеи в реальность.

Сферу научных интересов профессора С. М. Кочои составляют проблемы уголовно-правовой охраны собственности. Учитывая складывающиеся новые социально-экономические отношения в России, профессор С. М. Кочои в своих научных трудах доказывает, что защита собственности является одной из приоритетных задач уголовно-правовой политики, от реализации которой зависит экономическая мощь государства и благополучие его граждан. Кроме того, особое внимание ученый уделяет проблематике терроризма и экстремизма, а именно вопросам ответственности за преступления, совершенные запрещенной в России международной террористической организацией «Исламское государство», в том числе за преступление геноцида в отношении народа езидов на севере Ирака.

В статье посредством биографического описания жизненного и творческого пути профессора С. М. Кочои предпринята попытка отразить наиболее значимые периоды жизни ученого, достигнутые им научно-просветительские и общественно-политические результаты, а также показать образ человека, исследователя, который своим кропотливым трудом, пылкостью ума прославляет отечественную уголовно-правовую науку, вносит достойный вклад в ее развитие.

Ключевые слова: профессор С. М. Кочои; уголовное право; уголовно-правовая наука; исследование; уголовно-правовая охрана собственности; экстремизм; терроризм; преступление геноцида; преподавательская деятельность.

Для цитирования: Кузнецов А. П. Профессор С. М. Кочои — популяризатор уголовно-правовой науки (к 60-летию со дня рождения) // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 2. — С. 159–163. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.159-163.

© Кузнецов А. П., 2022

* *Кузнецов Александр Павлович*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России (г. Н. Новгород) ул. Генерала Штеменко, д. 5б, г. Н. Новгород, Россия, 630136
arkuznetsov17@gmail.com

Professor S. M. Kochoi as a Criminal Law Science Communicator (To the 60th Anniversary)

Aleksandr P. Kuznetsov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Social and Legal Disciplines, Volga Institute of Continuous Education for the Federal Tax Service of Russia (Nizhny Novgorod) ul. Generala Shtemenko, d. 5b, Nizhny Novgorod, Russia, 630136
apkuznetsov17@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the contribution to the development of the science of criminal law made by Samvel Mamadovich Kochoi, Dr.Sci (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Justice of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). The author is convinced that the development of modern legal science, its authority entirely depends on scientists who, with their selfless work, innovative activity, possessing multifaceted talent, giftedness, breadth of views, scientific courage, transform life, turn ideas into reality.

The sphere of scientific interests of Professor S. M. Kochoi is the problems of criminal law protection of property. Taking into account the emerging new socio-economic relations in Russia, in his scientific works Professor S. M. Kochoi proves that the protection of property is one of the priorities of criminal law policy, implementation of which influence the economic power of the state and the well-being of its citizens. In addition, the scientist pays special attention to the problems of terrorism and extremism, namely the issues of responsibility for crimes committed by the international terrorist organization «Islamic State» banned in Russia, including the crime of genocide against the Yazidi people in northern Iraq.

The paper, through a biographical description of the life and creative path of Professor S. M. Kochoi, attempts to reflect the most significant periods of his life, the scientific and educational and socio-political results achieved by him, as well as to show the image of a person, a scientist, a researcher who, with his patient work, inquisitiveness of mind, glorifies the domestic criminal law science, makes a worthy contribution to its development.

Keywords: Professor S. M. Kochoi; criminal law; criminal law science; research; criminal law protection of property; extremism; terrorism; crime of genocide; teaching.

Cite as: Kuznetsov AP. Professor S. M. Kochoi – populyarizator ugovovno-pravovoy nauki (k 60-letiyu so dnya rozhdeniya) [Professor S. M. Kochoi as a Criminal Law Science Communicator (To the 60th Anniversary)]. *Lex russica*. 2022;75(2):159-163. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.159-163. (In Russ.)

Развитие современной юридической науки, ее авторитет всецело зависит от ученых, которые своим самоотверженным трудом, новаторской деятельностью, обладая многогранными талантами, широтой взглядов, научной смелостью, преображают жизнь, воплощают идеи в реальность. К числу таких ученых следует отнести доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного работника юстиции Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Самвела Мамадовича Кочои.

С. М. Кочои родился 11 ноября 1961 г. в городе Тбилиси (в то время Грузинская Советская Социалистическая Республика) в семье рабочих. Его отец Мамад (Амирхан) Азизович и мать Надежда Джалоевна после окончания средней школы в Армении в начале 1960 г. переехали в Грузию. Они были заботливыми, трудолюбивыми, эрудированными людьми,

занимались самообразованием, много читали, старались дать хорошее образование своим детям. Их тяга к знаниям передалась впоследствии и Самвелу Мамадовичу: обучаясь в школе, он выделялся среди своих сверстников дисциплинированностью, прилежанием, усидчивостью, что позволило ему в 1978 г. с отличием ее окончить и поступить на вечернее отделение Горьковского факультета Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). Таким образом он осуществил свою мечту стать юристом, бороться с несправедливостью и нарушениями закона.

В 1983 г. Самвел Мамадович, успешно завершив учебу и получив диплом с отличием, был принят в очную аспирантуру ВЮЗИ, где под научным руководством доктора юридических наук, профессора Петра Филипповича Тельнова, авторитетного советского ученого по вопросам ответственности за соучастие в преступлении, приступил к подготовке диссертационного исследования на тему «Ответственность за мел-

кое хищение государственного или общественного имущества (ст. 96 УК РСФСР)»¹. Однако в связи со смертью Петра Филипповича научная работа фактически готовилась под руководством доктора юридических наук, профессора Василия Ивановича Ткаченко, одного из крупных советских ученых по вопросам необходимой обороны.

В 1987 г. досрочно представленная на кафедре уголовного права ВЮЗИ диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук была успешно им защищена в ученом совете того же института. Ведущая организация (Ивановский государственный университет), официальные оппоненты доктор юридических наук, профессор Ю. И. Ляпунов (Юридический институт МВД РФ) и кандидат юридических наук, доцент Е. В. Ворошилин (МГУ имени М. В. Ломоносова) дали высокую оценку выполненной Самвелом Мамадовичем работе. Следует подчеркнуть, что в последующем развитие законодательства об ответственности за мелкое хищение происходило так, как его представлял и предлагал диссертант.

После защиты в феврале 1986 г. С. М. Кочои направляется в УКП ВЮЗИ г. Кирова, где активно занимается педагогической и научной работой, приобретает опыт организационно-практической и общественно-юридической деятельности.

Педагогическая деятельность остается для него основной, главной, приоритетной, он уделяет ей особое внимание, последовательно занимает должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента. С первых дней самостоятельной работы со студентами С. М. Кочои понял, что преподавание уголовного права, других дисциплин криминального цикла требует от него не только знания предмета, основных уголовно-правовых положений, практики их применения, но и умения преподнести учебный и практический материал, заинтересовать обучающихся, возбудить у них интерес к познанию. Все те, кто слушал его лекции, посещал практические занятия, отмечали их высокий уровень: несмотря на академичность изложения материала, они всегда доступны и понятны. В этом проявился педагогический талант Самвела Мамадовича, умение работать с аудиторией.

Занимаясь преподавательской деятельностью, С. М. Кочои уделяет особое внимание и

науче, активно работает над проблемами защиты собственности, что впоследствии ляжет в основу его крупного научного исследования. Учитывая складывающиеся новые социально-экономические отношения в России, он в своих научных трудах доказывает, что защита собственности является одной из приоритетных задач уголовно-правовой политики, от реализации которой зависит экономическая мощь государства и благополучие его граждан.

Указанная многогранная и плодотворная работа не остается незамеченной. В начале 1990-х гг. руководство Кировского городского совета, учитывая его профессионализм, высокий уровень компетенции, умение организовать работу, предложило ему возглавить группу научных консультантов при Горсовете, а затем мэрии, в задачи которой входили пропаганда юридических знаний, формирование нормативно-правовой базы органов местного самоуправления города Кирова и государственной власти Кировской области. В течение четырех лет (1991–1994 гг.) Самвел Мамадович активно занимается общественной деятельностью: проводит консультации по юридическим вопросам, еженедельно выступает по местному телевидению, где комментирует важнейшие решения органов власти города и области, представляет областной центр на различных всероссийских форумах по вопросам местного самоуправления. Он приобретает известность, становится популярным среди граждан региона. Его включают в составы различных комиссий при губернаторе Кировской области, он участвует в разработке наиболее важных нормативных правовых актов, в том числе Устава Кировской области, а ряд общественных организаций выдвигает его в кандидаты в депутаты на выборах в Государственную Думу РФ.

В 1993 г. С. М. Кочои получил от ректора МГЮА профессора Олега Емельяновича Кутафина предложение возглавить Кировский факультет (бывший УКП) ВЮЗИ, который под его руководством прошел все этапы развития: от факультета (с одним единственным отделением заочного образования) до филиала и института МГЮА (МЮИ) с очным, вечерним, заочным отделениями и отделением целевой подготовки. За 18 лет руководства С. М. Кочои достиг больших успехов: учебное заведение стало одним из ведущих и престижных на северо-востоке

¹ Кочои С. М. Ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества (ст. 96 УК РСФСР) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 194 с.

Европейской части России, превратившись в настоящую кузницу юридических кадров для государственных органов не только для Кировской области, но и для Республики Коми, Архангельской, Нижегородской, Костромской областей, а также Пермской области (ныне — Пермского края). Все эти годы С. М. Кочои входил в президиум Совета ректоров вузов Кировской области.

Несомненной заслугой ученого явилось его обращение к исследованию уголовно-правовой охраны собственности. По его мнению, собственность — это конгломерат социальных, экономических, политических, юридических отношений, интегрированная совокупность, целостность, позволяющая устанавливать ее принадлежность конкретным лицам, удовлетворять их социальные потребности. Учитывая, что собственность является главной базисной составляющей экономики, показателем социального благополучия членов общества, пронизывает все сферы общественного бытия, С. М. Кочои определил ее охрану как одно из приоритетных направлений уголовной политики. Подтверждением этому служат опубликованные им многочисленные труды, которые были положены в основу диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук.

В 1999 г. под научным консультированием доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации А. И. Рарога в диссертационном совете Московской государственной юридической академии С. М. Кочои защитил докторскую диссертацию на тему «Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России»². Официальными оппонентами по диссертации выступили доктора юридических наук, профессора А. М. Игнатов, Э. С. Тенчов, А. И. Чучаев, которые представили положительные отзывы и высоко оценили данное научное исследование. Военный университет Министерства обороны как ведущая организация отметил высокую теоретическую значимость исследования, подчеркнул, что автор разработал в условиях перехода к рыночным отношениям основу для дальнейшего развития нового научного направления — методологию охраны собственности. Представ-

ленная работа имела теоретическую и практическую значимость, определяемую тем, что в ней были установлены юридико-технические тенденции, используемые законодателем, в частности, при конструировании гл. 21 «Преступления против собственности» УК РФ. Кроме того, в ней исследованы вопросы практики применения норм, связанных с ответственностью за посягательства на собственность, проведено сравнительно-правовое изучение памятников уголовно-правового законодательства, что подтвердило ее достоверность.

Подготовленная С. М. Кочои и изданная по результатам диссертационного исследования монография «Ответственность за корыстные преступления против собственности» (М., 2000) получила высокую оценку научной общественности: согласно данным РИНЦ, в настоящее время она является одной из наиболее цитируемых работ среди трудов преподавателей МГЮА.

После защиты диссертации круг научных интересов Самвела Мамадовича расширился. Появились его работы о терроризме и экстремизме. Ученый, в частности, активно занимается вопросами ответственности за преступления, совершенные запрещенной в России международной террористической организацией «Исламское государство», в том числе за преступление геноцида в отношении народа езидов на севере Ирака. В то же время С. М. Кочои первым из членов кафедры подготовил и издал авторские учебники по уголовному праву, а также фундаментальный комментарий к УК РФ.

Активность и результативность научной деятельности С. М. Кочои подтверждается 190 изданными работами, среди которых такие книги, как «Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика» (2005), «Уголовное право. Общая и Особенная части» (2010), «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)» (2011), «Преступление геноцида» (в соавторстве) (2015), «Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика» (2017), «Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму» (2020), «Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности» (2021), «Законодательство о

² Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 343 с.

противодействию терроризму» (2021), «Сборник трудов: к юбилею профессора С. М. Кочои» (2021) и др.

Одновременно с этим С. М. Кочои в соавторстве с другими учеными принимал участие в подготовке многих современных учебников и научно-практических комментариев по уголовному праву, таких как «Российское уголовное право. Курс лекций». Т. 1 (2000); «Энциклопедия уголовного права». Т. 11 (2011); «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» под ред. А. И. Рарога (2014, 2017, 2019); «Уголовное право. Общая часть» под ред. Ю. В. Грачевой (2019); «Уголовное право. Особенная часть» под ред. И. Э. Звечаровского (2020) и др.

В 2007 г. по совместному представлению ректора МГЮА академика О. Е. Кутафина и губернатора Кировской области за добросовестный и многолетний труд С. М. Кочои Указом Президента РФ присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», также ему присвоены звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» и «Почетный работник юстиции России». В 2011 г. Самвел Мамадович был награжден высшей наградой Кировской области — почетным знаком «За заслуги перед

Кировской областью». Кроме того, он награжден медалью ФССП, почетной грамотой ФСКН, грамотой Генерального прокурора РФ, почетным знаком Президиума РАЕН «За заслуги в развитии науки и экономики России».

С. М. Кочои является членом диссертационного совета МГЮА, редакционно-издательского совета МГЮА, в качестве главного научного сотрудника НОЦ применения уголовного права МГЮА на основании запросов (заявлений) участников уголовного судопроизводства регулярно готовит научно-консультативные заключения по сложным и резонансным делам, в 2019 г. признан лучшим научным экспертом МГЮА.

* * *

Автор, не претендуя на полноту освещения жизненного и творческого пути профессора С. М. Кочои, предпринял попытку, во-первых, отразить наиболее важные, значимые периоды его жизни, достигнутые научно-просветительские и общественно-политические результаты, во-вторых, показать образ человека, ученого, исследователя, который своим кропотливым трудом, пытливостью ума прославляет отечественную уголовно-правовую науку, вносит достойный вклад в ее развитие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 343 с.
2. Кочои С. М. Ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества (ст. 96 УК РСФСР) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1987. — 194 с.

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Kochoi SM. Otvetstvennost za korystnyye prestupleniya protiv sobstvennosti po zakonodatelstvu Rossii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Responsibility for mercenary crimes against property under the legislation of Russia. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 1999. (In Russ.)
2. Kochoi SM. Otvetstvennost za melkoe khishchenie gosudarstvennogo ili obshchestvennogo imushchestva (st. 96 UK RSFSR): dis. ... kand. yurid. nauk [Liability for petty theft of state or public property (Article 96 of the Criminal Code of the RSFSR). Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 1987.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

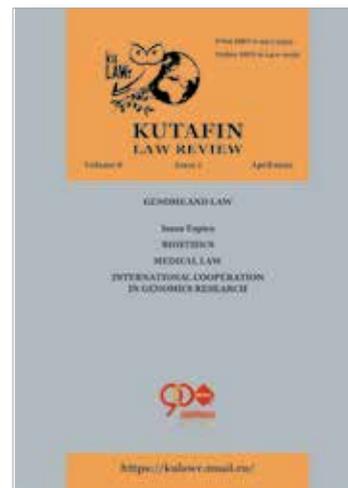
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008